

Артём Патрикеев

Колокольный мертвец

Артем Юрьевич Патрикеев

Колокольный мертвец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25438859

ISBN 9785448561757

Аннотация

Дремучая древность. Двенадцатилетний Тимофей никогда не думал, что его обычная жизнь изменится в один момент. Помощь старшему другу затягивает его в невероятный водоворот событий, столкновение с неведомым существом дарит мальчику возможность видеть мир духов. Но теперь нужно ответить на многие вопросы. Почему деревне угрожает серьезная опасность? Откуда взялись ведьма и оборотень? Вопросы будут возникать постоянно, но вот сумеет ли мальчик найти на них ответы?

Содержание

Часть I. Святослав и Тимофей	6
Глава 1	6
1	6
2	12
3	15
4	17
5	21
Глава 2	28
1	28
2	39
3	41
4	45
5	49
6	66
Часть II. Духи	75
1	75
2	86
3	94
4	104
5	108
6	117
7	134
8	141

9	156
10	160
11	166
12	176
13	186
14	196
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Колокольный мертвец

Артем Юрьевич Патрикеев

Посвящается Марии Нефёдовой.

*Без ее помощи книга бы получилась намного
хуже или же не получилась бы совсем.*

Редактор Мария Нефёдова

© Артем Юрьевич Патрикеев, 2019

ISBN 978-5-4485-6175-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Святослав и Тимофей

Глава 1

1

Как грустно! Тоска разливается по всему телу... Точнее, она разлилась уже давно... Сколько лет прошло? Десять, а может быть, двадцать. Нет, прошел всего год. Всего год, как ее не стало... Но каждый день – это мука. Мука жить, работать, просто шевелиться. Грезы, постоянные грезы наяву: вот, вот она, никуда она не делась, она всегда рядом... Жалкие фантазии!

Встретили бы вы этого человека полтора года назад. О! Его не узнать. Жизнь в нем бьет ключом. Он счастлив! У него свой дом в деревне, красавица жена (они поженились полгода назад), несколько коров и коз, все просто замечательно! Из дома он уходил с неохотой, зато возвращался как на крыльях, ничего не могло омрачить их счастье... Ничего?

Странная болезнь зашла в их дом. Что-то переменялось в женщине. Она все так же улыбалась, была так же ласкова и терпелива. Но что-то было не так. Он это замечал и всячески пытался выяснить, в чем дело, приглашал знахаря, рас-

спрашивал Её сначала исподволь, потом прямо, но та лишь беззаботно отмахивалась и превращала всё в шутку.

Однако беспокойство не проходило. Жена стала худеть на глазах. Через три дня у неё случился приступ слабости, и она не смогла устоять на ногах. Хорошо, что он был рядом и подхватил Её. Бережно держа жену на руках, Он всматривался в эти закрытые глаза, пытался понять, что происходит, но в голову ничего не шло.

Знахарь отказался от Неё еще вчера, сказав, что ничем помочь не может. Отказываясь лечить, знахарь постоянно отводил глаза в сторону, и было заметно, что он что-то скрывает. Но допытываться до причин тех или иных действий других людей Он не собирался. Молча проводил знахаря к двери. Больше обращаться к нему не было смысла.

Её хрупкое, почти прозрачное тело было практически невесомым. Он сделал единственное, что можно было сделать: отнес Её на кровать и дал отдохнуть. Но и через час, и через два Она не смогла подняться, силы явно покидали Её.

– Что же это за напасть такая? Что делать? – Он не находил себе места.

Было бы неплохо сходить к старику-волхву, но это далеко, а после знахаря был приглашен еще местный целитель, но тот лишь развел руками, сообщая, что здесь он бессилен (как и в большинстве случаев). Надеяться было не на кого.

Он сидел рядом с кроватью на полу и бережно держал

Её за руку, как будто она была хрустальная. Рука была белая и почти прозрачная, хорошо видна была каждая артерия и каждая вена. Чувствовалось, что жизненные силы в ней еще есть, но они таяли на глазах. Лицо любимой заметно осунулось, но от этого не стало менее привлекательным. Какая-то одухотворенность просвечивалась через кожу, как будто от Ней исходил свет, не простой свет, божественный. Он не мог Её оставить, Он чувствовал, что конец близок. Слез не было, была колоссальная опустошенность... Он чувствовал, как жизнь покидает Её. Но Он даже не мог пошевельнуться, прижав Её руку к своей щеке. Он смотрел на Её лицо, весь мир сейчас сосредоточился в Ней, в Её лице, глазах, щеках, губах, Она полностью поглотила его.

Так Он простоял на коленях очень долго, ничего не видя и не слыша, мир для него остановился. Он не мог насмотреться на это дорогое, милое создание, душа которого уже явно была на грани другого мира.

Неожиданно снаружи донеслось уханье совы, немного сбивая Его оцепенение и возвращая к действительности. Глаза Его любимой открылись – казалось, что прямо из глаз льётся яркий, неземной свет, который одухотворяет, дарует спокойствие и в то же время образует какую-то пустоту. Она улыбнулась мягкой, прекрасной улыбкой, сжала Его руку своей:

– Не грусти и не печалься. Небеса зовут меня, я чувствую, что это последние мгновения, отпущенные мне на земле. Мы

встретимся с тобой там, за гранью жизни, за гранью этой жизни. Я всегда буду рядом. Но ты должен пообещать мне кое-что. СЛЫШИШЬ!

Последнее слово прозвучало громко и твердо, полностью снимая с Него оцепенение и заставляя разум окончательно проснуться. Следующие слова огненными буквами врезались в Его память, и забыть их, даже если бы захотел, Он уже не смог бы.

Он кивнул.

– Я знаю, как ты меня любишь, поверь, я люблю тебя не меньше. И как бы я ни хотела с тобой остаться – это невозможно, видать, такова наша участь. Но ты должен мне пообещать, что не будешь торопить свою судьбу и ты проживешь на этой земле столько, сколько тебе отмерено. Жизнь слишком прекрасна, чтобы добровольно покидать её. Надеюсь, ты меня понял? Обещаешь?

Слов не было. Он не мог открыть рот. Ком стоял в горле, мешая дышать, поэтому Он смог лишь кивнуть.

– Хорошо, я верю тебе. Не забудь, я всегда буду рядом, так что мы даже и не расстанемся, иногда только думай обо мне. До встречи. Мне жаль покидать тебя хоть на мгновение, но пришло мое время. Я люблю тебя...

Её глаза закрылись, чтобы никогда больше не открываться, рука безжизненно повисла в Его руке. Жизнь явно ушла из Нее. Свет, исходящий от Её лица, постепенно угасал. Всё погрузилось во тьму. Он даже не заметил, что свечи давно

догорели. Темнота накатывалась постепенно, по мере угасания свечения. В кромешной темноте Он склонил голову Ей на грудь. Все было кончено, Её уже не было в этом теле, но Он никак не мог его отпустить, не мог отпустить эту оболочку, которая осталась после смерти любимой. Горе наконец нашло выход наружу. Слезы покатались из Его глаз. Он не замечал их, не всхлипывал, не рыдал. Просто слезы катились и катились. Горе наполняло Его, сердце сжалось. Похоже, Он дошел до предела. Возможно, Он бы и умер на месте от перенапряжения, но не это было уготовано Ему судьбой, она смилостивилась над ним, дав потерять сознание. Тьма окутала Его. Он увидел самого себя, падающего в бездну, в черную, непроглядную бездну...

Утром их так и нашли родственники. Они зашли проведать и принести немного еды. Вначале им показалось, что они просто спят, но лишь в Нём они смогли найти нить жизни, которая еще явно не угасла. Его перенесли на соседнюю кровать и попробовали привести в чувство. Долго это не удавалось. Наконец Он открыл глаза и молча уставился на пришедших. Слов не требовалось. Все было и так понятно...

Время до похорон Он практически не помнил. Всё было как во сне, даже хуже. Сны иногда можно запомнить, этот же сон был явно не для памяти. Родные и близкие организовали похороны, помогли провести все церемонии. И всё закончи-

лось... Для них закончилось.

Для Него всё только начиналось. Он расстался с той, ради которой жил, Он не видел себя в этом мире без Неё. Но Он помнил данное обещание и решил, что, как бы ни было тяжело, Он выдержит. Не может не выдержать, потому что Он это сделает для Неё.

Постепенно, месяц за месяцем разум стал проясняться, Он снова начал чувствовать и ощущать этот мир. Но нигде не чувствовал Её. Неужели Она обманула, или всё это сказки, что душа живет после смерти? Ведь Она не могла обмануть. Чтобы разрешить свои сомнения, Он всё же решил сходить к волхву. Насколько Он знал, этому человеку можно было доверять, хотя сам Он никогда его не видел, а судить мог лишь по рассказам. Пришлось Ему походить, поспрашивать, где его найти, как. Все давали крайне противоречивые сведения. Так что ничего путного Он так и не добился. Единственное, что Он смог понять, что тот находится где-то в сердце леса, или в середине леса, или где-то в чащобе. Кто же знает, какой это лес и где его середина – ведь он необъятный. Во всяком случае, сколько Он в лес ни ходил, насквозь ещё ни разу не прошёл, а была ли где середина или нет – кто его знает.

«Но делать нечего. Чем на месте сидеть и стонать, как никчемный бездарь, лучше что-то делать», – подумал он. Собрал небольшую котомку, хозяйство доверил родным под предлогом недомогания (а в это поверить было нетрудно, ви-

дя, как он осунулся за последнее время) и пошёл. Пошёл в лес, а там будь что будет. «Заблужусь так заблужусь, зверь какой нападет – значит, судьба такая». Так думалось ему, но страха не было, было желание действовать, узнать правду. Хотя что она собой представляет и что вообще такое правда, Он толком и не знал.

Чтобы никого не беспокоить, Он ушёл ранним утром, так что провожать Его было некому. Да это и не требовалось. Ему необходимо было побыть одному, наедине со своими чувствами и мыслями. Говорить ни с кем не хотелось, да и надобности Он не видел. В таком состоянии Ему одному было намного легче, чем в обществе. А в мыслях Он всегда был с Ней...

2

Решиться и вступить в лес – это было самым лёгким. Теперь же предстояла долгая дорога. То, что она будет долгой, Он не сомневался, но были сомнения в правильности поступка. Все, кто мог хоть что-то рассказать про волхва, говорили примерно одно и то же, немного менялось только место действия. Но никто из них лично с волхвом не беседовал, да даже и не видел. Так что существует ли он, или это лишь очередная сказочка, приходилось только догадываться. Но выбор сделан, иного пути для себя Он не видел, так что – в путь.

Вышел Он ранним утром, когда солнце только начинало сдвигать тьму с насиженного за ночь места. Небо было безоблачным, кое-где еще виднелись мерцающие звезды, которые бледнели с каждой минутой, постепенно растворяясь в расвете. Похоже, в ближайшее время дождь вмешиваться в дела земные не собирался. Так что день обещал быть теплым и солнечным.

Вначале дорога была довольно ровной и хорошо протоптанной, но после полудня превратилась лишь в узенькую тропинку. Птицы щебетали на ветках, где-то вдалеке куковала кукушка. Лес жил своей жизнью. Но Он этого не замечал, продолжая прокручивать в голове одно и то же. Как, что, почему такое случилось, и что может быть после смерти? На эти вопросы ответов не было. Да и откуда они могли быть? Христианские учения только начали проникать в эту глушь, люди обращались к древним богам, верили в духов и колдовство. Единственное, на чем все сходились, это на том, что плохих людей после смерти ждёт что-то плохое, а хороших – что-то хорошее, вот и всё. Этого явно было маловато.

Недавно практически посередине деревни была закончена постройка деревянной церкви, которая оказалась довольно высокой, и к которой откуда-то издалека привезли красивый колокол, который с невероятным трудом взгромоздили и как-то сумели закрепить высоко вверху, в колоколь-

не. Вся деревня сбежалась посмотреть на это зрелище, думали – церковь не выдержит и развалится. Но всё обошлось. И теперь довольно часто колокольный звон наполнял воздух красивейшими звуками, которые с замиранием сердца слушала вся деревня. Но, несмотря на это, в церковь почти никто не ходил, разве что посмотреть, как и что там устроено. Многие, особенно старики со старухами, продолжали бояться того, что церковь развалится. Большинство людей так и остались верны своим древним богам.

Из задумчивости Его вывел обычный корень, который оставался скрытым под старыми листьями. Споткнувшись и чуть не растянувшись во весь рост, но с трудом удержав равновесие, Он «очнулся» и огляделся по сторонам. Местность была совершенно незнакомая. Надвигающиеся тени говорили о том, что скоро наступит ночь. Пора было что-то предпринять.

Он пошел помедленнее, внимательно оглядывая окрестности в поисках подходящего ночлега. Долго идти не пришлось. Шагах в двадцати от тропинки он увидел крупный, а главное, развесистый дуб, ветки которого образовывали уютное гнездо. И хоть он не был птицей, но ночь решил провести над землей. Волки ведь не дремлют, ночь для них – не самое плохое время для охоты.

Аккуратно пристроившись на ветвях дерева и пожевав немного хлеба (есть-то Ему не хотелось, но Он понимал, что

силы нужны, чтобы идти, а сколько еще придётся идти – кто его знает), Он стал засыпать.

В ушах зазвенела песенка комара. Он открыл глаза и прекратил эту песню, уже практически ничего не видя в надвигающейся темноте. Он смахнул трупик на землю и устроился поудобнее: необходимо поспать. Спасибо, что комаров в этом году немного (засушливое лето сделало свое дело), так что можно было не бояться быть съеденным заживо.

Наступление крошечной тьмы совпало с Его погружением в сон, в котором Он в очередной раз надеялся встретиться со своей любимой.

3

Проснулся Он от непонятного шуршащего звука. Луна уже была довольно высоко, и, хотя она была неполной, света вполне хватало, чтобы разглядеть, что кто-то стоит перед ним на ветвях дерева. Существо стояло на самом кончике ветвей – там не смог бы стоять ни один человек (ветки бы просто не выдержали), но существо стояло.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

– Кто ты, и чего тебе здесь надобно? – стараясь подавить непонятно откуда взявшуюся дрожь в голосе, спросил Он.

Существо молчало и не мигая продолжало рассматривать Его. Он и сам сумел его разглядеть. Длинные пальцы на длинных руках немного походили на ветки, волосы –

длинные, распущенные – выглядели скорее как колтун, свалившийся на голове от долгого лежания. И горящие зеленоватым огнём глаза. Это всё, что он смог разглядеть. Лицо разглядеть было невозможно, но горящий взгляд приковывал к себе и не отпускал.

– Ты дух леса? – с надеждой спросил Он. – Или леший? – пытался он вспомнить, о ком ещё ему в детстве рассказывала бабушка, но на ум ничего не шло.

Неожиданно существо начало приближаться к Нему, опять послышались шуршащие звуки, которые издавала то ли одежда, то ли ноги существа, скользящие по ветвям дерева.

Он выхватил из-за пояса нож. Погибать так погибать, но без боя он не сдастся.

Существо остановилось и стало издавать непонятные булькающие звуки, больше всего это напоминало смех. Но от такого смеха дрожь пробирала всё тело, и в душе всё замирало. Существо присело и всё как-то подобралось, видимо, готовясь к прыжку.

Он, не зная что предпринять, крепче вцепился в нож обеими руками. Места для маневра у него не было, можно было только свалиться, но это был явно не лучший вариант. И, хотя Он мысленно приготовился к прыжку этого существа, тот все равно произошел неожиданно. Существо метнулось к нему, выставив вперед одну лапу (рукой такое не назовешь), стараясь попасть в лицо, а второй целясь в живот.

Времени реагировать практически не было, сработали природные инстинкты самосохранения. Всё, что Он смог сделать, это прикрыть левой рукой лицо, правой же продолжал удерживать нож, направляя его на существо.

Он уже практически ощутил удар в живот и в руку, но того не последовало. Убрав руку от лица, Он никого не увидел. Тишину ночи ничто не нарушало. Даже куда-то подевались все шорохи и скрипучие звуки. Ничего не понимая, Он огляделся. Существа нигде не было.

– Померещилось, что ли? – задал он вопрос сам себе и сам же не смог на него ответить.

Ночь была катастрофически испорчена. Спать уже не хотелось, но и идти было невозможно. Довольно ясный, но обманчивый свет луны мог окончательно Его запутать и увести в неизвестном направлении.

4

Под утро Ему удалось (а точнее, пришлось) задремать – организм все же не железный и нуждается в поддержке своих сил, а если их никто поддерживать не хочет, то он берется за это сам и прекрасно с этим справляется.

Немного отдохнувший, Он пожевал кусочек хлеба, запил его водой из фляги и побрел дальше по тропинке, которая уже была едва заметна в траве. В эту местность деревенские заходили очень редко, да и то чаще заблудившись, чем

по своей воле.

Лес постепенно становился другим. Появлялось все больше и больше мрачных уголков, больше непонятных сплетенных ветвей, солнцу все труднее и труднее было пробиваться через листву. Но все же было не настолько темно, чтобы ничего не видеть. Создавалось ощущение сумеречного дня, хотя солнце светило вовсю. Деревья становились все выше и толще – видимо, борьба за выживание в чащобах идет серьезная. Только сильнейший может растолкать своих собратьев и пробиться наверх к солнцу.

Странно было то, что зверей Он практически не встречал. Видел пару белок да слышал пыхтение ежа, который вместо того, чтобы спрятаться и остаться незамеченным, свернулся в клубок и стал пыхтеть, как паровоз – видимо, так ёж хотел показать, насколько он большой и сильный. Но Ему сейчас не было дела до какого-то маленького ёжика. Так что тот остался пыхтеть в одиночестве.

Куда же они все подевались? Ночью Он даже не слышал волчьего воя, как же это – такая глушь и без волков? Загадка. Вполне возможно, что зверям просто не нравится сам человек, и они его попросту избегают. Но здесь они должны быть непуганные, сюда редко кто заходит, особенно если судить по тому, что практически нет дорожек, да и те, которые есть, неизвестно кем протоптаны.

Но Он недолго думал об этом. Вскоре монотонность пути и мысли о любимой ввели Его практически в гипнотическое

состояние, так что было даже удивительно, как это Он умудрялся не наткаться на деревья. Так он и брёл долгое время. Тени стали удлиняться, а поскольку здесь всегда было темновато, теперь стало совсем мрачно.

Видя близость ночи, Он вспомнил о непонятном и страшном существе, которое увидел недавно, но, поразмыслив хорошенько, все же решил, что это был кошмар, не более того. Хотя всё-таки Ему было не по себе. Но делать было нечего, пришлось останавливаться. Перекусив на ночь хлебом, Он обратил внимание, что фляга практически пуста, и только теперь вспомнил, что по дороге не встретил ни одного ручья. Что ж, ночь он ещё продержится, но если и завтра воды не будет, станет намного тяжелее.

На эту ночь Он решил на дерево не залезать, будь что будет. Устроившись поудобнее у корней большого дерева (какого, в темноте сложно было различить), Он мысленно попросил, сам не зная кого, о скорейшей встрече со своей женой и мгновенно заснул.

Проснулся Он от уже знакомого шуршащего звука. Озираясь по сторонам, Он никак не мог увидеть его источник. Пытаясь понять, очередное это видение или реальность, Он ущипнул себя. Получилось довольно больно, а шуршание не прекратилось. Значит, всё происходит на самом деле.

Что же делать? Где это существо? Сегодня свет от луны с большим трудом пробивался к земле, создавая причудли-

вые очертания и непонятные колышущиеся тени.

Неожиданно краем глаза Он заметил какое-то движение слева, рефлекторно пригнулся и дернулся вправо. Когтистая лапа пронеслась над Его головой и вонзилась в дерево за спиной. Он отскочил от дерева подальше. Лапа вырвалась из дерева с огромным куском коры.

Появилось и само существо. Оно легко стряхнуло кору и уставилось на Него немигающим взором. Рука рванулась к ножу, но на этот раз существо было быстрее и, совершив прыжок, врезалось в Него. Они покатались по земле.

Он пытался схватить существо, но руки ловили только воздух. Поднявшись на ноги, Он обнаружил, что стоит один, никого не было видно. Что ж за наваждение такое?

– Ты ещё здесь? – громко сказал Он вслух.

– Да, – раздался шепот, похожий на шелест листьев за его спиной.

И тут же последовал удар в спину. Он отлетел к дереву и прижался к нему спиной. Существо стояло прямо перед ним, надо было только протянуть руку, чтобы достать. Но оно не нападало. Пока не нападало.

Мысли лихорадочно носились у Него в голове. Чего оно хочет? Почему не нападает? Если махнет лапой, успею ли я увернуться? Где мой нож? А если самому наброситься на него сейчас? Все эти мысли мешались, путались в голове, не давая решения.

Существо же как будто о чем-то размышляло. Или просто

разглядывало. В прошлый раз не нагляделось, что ли?

– Тебе от меня что-то надо? – спросил Он, не зная, что ещё сказать.

– Надо, надо, надо... – Шепот-эхо повторил последнее слово несколько раз.

Неожиданно существо подпрыгнуло вверх и сбило толстую ветку, находящуюся над Ним. Куда существо делось потом, Он уже не видел. Попытавшись увернуться от падающей ветки, Он споткнулся и, уже падая, пытался закрыть голову руками. Но ветка нашла свою цель, и от сильного удара по голове Он потерял сознание.

5

Очнулся Он поздним утром, судя по солнцу. Выбравшись из-под ветки, Он потрогал сильно болевшую голову. Проведя по волосам, почувствовал запекшуюся кровь. Похоже, сильно его садануло. Так может, это все же видение, и удар по голове вызвал непонятные образы? К сожалению, сегодня на вопрос ответить было очень легко: огромные борозды, оставленные лапой существа на дереве, были видны даже издалека, в траве возле дерева валялся Его нож. Значит, это было не видение. Тогда что? На вопрос ответа не было. Явно это была какая-то нечисть. Но какая? И даже если бы Он смог найти ответ, то всё равно не знал бы, как с ней бороться.

Честно говоря, в детстве Он не очень-то любил сказки,

а особенно «правдивые» истории, которые рассказывала бабушка. Её нудный нравоучительный тон быстро отбил охоту что-то слушать и запоминать. Всегда приятнее поиграть с друзьями или просто попоказничать. Поэтому сейчас Он решительно никого не мог вспомнить, кроме лешего и русалок. Но на лешего это существо вроде бы не похоже, а русалки живут, кажется, в воде, и вообще, они должны быть красивыми, а это какой-то ужас. Разве что Баба-Яга, но разве у нее костяная нога? В общем, ничего путного он не вспомнил, но скоротал некоторое время.

– Эх, только бы найти волхва, уж он-то все разъяснит, – сказал Он вслух. – Где его найти? Никто не знает?

Второй вопрос Он произнес намного громче. Но даже эхо не захотело Ему отвечать.

Вскоре болевшая голова напомнила о ране. Воды во фляге практически не было, так что промыть рану было нечем. Раздумывая, как быть, Он услышал впереди хруст веток и тяжелое дыхание. Пробежав немного и увидев удивлённого кабана, который пересек дорожку слева направо, Он бросился за ним. Так как погони за кабаном не было видно, можно было предположить, что тот бежит к воде (хотя совсем не обязательно).

Ему повезло, кабан и правда бежал к воде. Это оказался небольшой ручеек, который начинался неизвестно где и мчался неизвестно куда. Немного отдышавшись, кабан принялся жадно пить.

Он тоже приблизился к ручейку и только хотел зачерпнуть немного воды, как кабан перестал пить и резко повернулся к Нему. Видимо, раньше он так торопился, что ничего не замечал, тем более что кабаны бывают близоруки, а теперь перед ним оказался чужак, который, хоть и не проявлял агрессивных намерений, мог быть опасен. Недолго думая, кабан решил от него избавиться.

Он выхватил свой верный нож, но против кабана это жалкая игрушка!

Кабан медлил: он ничего не боялся, но все же хотелось оценить поточнее уровень опасности чужака.

В такой ситуации Его нож помочь вряд ли смог бы, и Он принял, возможно, единственно правильное решение: схватился за ветки ближайшей сосны и полез наверх.

Кабан, не ожидая такой подлости, бросился на врага довольно поздно и, конечно же, достать того не сумел. В ярости он бегал вокруг дерева, сдирая кору со ствола своими острыми клыками и разбрасывая землю копытами.

Так прошло довольно много времени, Ему трудно было оценить сколько: солнце пребывало где-то слишком далеко, намного выше веток мрачных деревьев. Кабан немного поутих, но уходить явно не собирался. Так что получился ничейный результат. Он пытался с кабаном разговаривать, просил его уйти, но все без толку. Кабану на слова было решительно начхать, а вот на то, чтобы повергнуть соперника (хотя какой уж там соперник) – нет. Так он и прилег в сторонке,

временами поглядывая на дерево.

Мужчина не боялся смерти, и, если бы ему сказали, что кабан – посланник богов, пришедший, чтобы проводить Его к жене, Он бы с радостью спустился. Но сейчас у Него было незаконченное дело: Он должен найти волхва, если, конечно, не будет убит непонятым существом. Волхв знает, ДОЛЖЕН знать ответы на все мучившие Его вопросы.

Он устроился поудобнее на ветках. Это, конечно, был не тот удобный дуб, но и здесь можно было закрепиться, чтобы не свалиться, если только сильно не ворочаться.

Тоска опять стала сжимать Его сердце. Говорят, время лечит все раны, да и не только раны, время всё лечит. Но почему же Он никак не выздоравливает? Уже год прошел, а боль в душе как была, так и осталась. Она не стала сильнее, возможно, только потому, что сильнее просто некуда, и она не стала слабее. Утрата была слишком велика.

Что будет с человеком, от которого оторвали половину? Конечно же, тот умрет. «Но почему же Я не умираю? – задавал Он себе бесполезный вопрос. – Чем Я хуже других, что должен так мучиться? – Но тут же сам себя перебивал и говорил: – Раз живу, значит, еще не все мои дела на земле завершены, значит, еще есть что-то, что мне нужно сделать. Смерть открывает ответы на все вопросы, но она не доделывает за тебя то, что ты не успел или не захотел сделать».

Мысли Его возвращались к тому замечательному време-

ни, когда Они были счастливы. Когда любовь окрыляла Их, давала новые силы, открывала новые возможности, помогала преодолевать мелкие трудности. Когда Они были вдвоем, Они были всем. А кто Он теперь?! Жалкий и ничтожный человек, который не способен на что-то серьезное. Разве что пойти и умереть в лесу, как дикий зверь, который уходит подальше от сородичей, чтобы не мучить их и не мучить себя. Но звери действуют мудро, их мудрость – это мудрость самой природы. А что человек? Он весь во власти своих прихотей, своих желаний. Ведь даже когда Она умирала, Я думал только о себе, как Мне будет плохо без Неё. Но в Ней тогда светилось счастье. Не оттого, что она уходит от Меня, а оттого, что Она увидит новый мир, – возможно, лучше нашего. Она верила, что мы встретимся, так к чему теперь переживания, к чему страдания?

Мысли мешаются в голове, путаются, становится тяжело думать, как же тяжело думать! Лучше бы никогда не думать. Чувствовать, ощущать, воспринимать, но не думать. И что же тогда будет?

Он погружался в какое-то лихорадочное полубредовое состояние. Так, рассуждая сам с собой, Он впал в дрему. Ему снился красивый светлый лес, где солнце играет тенями, где животные не боятся людей, а люди их не обижают, и где Они вдвоём, где Они счастливы.

Ему представлялась прежняя жизнь. Теплая, светлая и чистая изба, в которой всегда было радостно и весело. Он ви-

дел себя со стороны. Вот Он приходит после долгого и изнурительного рабочего дня в поле. Но усталости не чувствуется, ведь Он возвращается к Ней. Открывает большую, очень крепкую дубовую дверь и видит: стол накрыт. От дымящейся деревянной тарелки щей исходит потрясающий запах, огромный ломоть черного хлеба, наверняка мягкого и безумно ароматного, так и просится в руки, просто нет сил устоять. Но где же хозяйка? Комната пуста, только кот Баюн трется об ноги и довольно урчит. Недолго думая, Он садится за стол и хватается за ложку. Но не успевает он поднести полную ложку ко рту, как чьи-то руки закрывают Ему глаза. Ложка плюхается обратно в тарелку. Он проводит по этим рукам, форма и нежная кожа которых сразу дают понять, кто это. Её руки медленно освобождают глаза и ложатся Ему на плечи. Он чувствует прикосновение Её волос, которое сменяется прикосновением Её щеки к Его щеке. Как же Она это терпит – Он не подрезал бороду уже дня два, а она этому только рада! Блаженство накатывает на Него. Ведь так можно сидеть бесконечно долго. Так можно сидеть всегда...

Им нравилось, что к ним очень часто заходили гости, ведь им хотелось поделиться своим счастьем с другими, и люди это чувствовали. Всем хотелось прикоснуться и получить свою частичку этого счастья. В доме у них никто никогда не грустил, и даже самый хмурый человек через пару минут начинал улыбаться, такова была сила любви. Их любовь была так гармонична, и она была такой полной, что ее волны

выплескивались через край, захватывая всех, кто находился рядом.

Страшный визг вырвал Его из дремотного состояния. Очнувшись после такого радужного сна, трудно было что-то предпринимать, и поэтому Он только смотрел. Как ни удивительно, луна хорошо освещала всё вокруг (и как она сумела пробиться через общую мрачность?). Похоже, завтра полнолуние, так что можно было спокойно (хотя спокойно ли?) оглядеться. Но апатия, связанная с резким переходом от радости к тьме, создавала какое-то созерцательное настроение. Он все ясно видел, все замечал, и все у Него откладывалось в голове, но эмоций не было. Конечно же, не было и страха. Ему было как-то всё равно: случится что-нибудь, не случится – какая разница.

Как стало сразу понятно, визжал кабан, и это, похоже, был его последний визг. Части растерзанной туши были разбросаны почти по всей полянке, что находилась между деревом и ручейком. Только голова осталась целой и злобно смотрела на Него, лежа в центре останков. Возможно, это была всего лишь игра света, но где-то на задворках сознания шевелилась мысль, что это не так.

Глава 2

1

Тимофей всегда был самым неприметным, скромным, маленьким, худеньким мальчиком. Может, именно поэтому его никто не замечал. Кроме одного человека – Святослава. Он всегда был к нему добр и ласков, и мальчик отвечал Ему тем же. Тимофей часто ходил в лес, собирал грибы, ягоды и всегда приносил что-нибудь в подарок Святославу и Его жене – Василисе, они же никогда ему ни в чем не отказывали, а также сами с удовольствием пользовались его дарами, понимая, что этим только делают его счастливее.

Дома к нему относились неплохо. Но считали, что от такого «замухрышки» толку особого не будет, и поэтому совершенно спокойно отпускали его бродить одного. С ребятами мальчик особо не общался, да и неинтересно ему было. Зато лес всегда был его другом. Все самое интересное происходило там, в лесу. Тимофей любил забраться в лесную глушь и отдыхать, наслаждаясь пением птиц и подкармливая белок, которые уже давно привыкли к нему и с радостью выбегали навстречу, ведь он никогда не забывал принести им что-нибудь вкусненькое. Обычно это были простые орехи или грибы, но для белок это было настоящим пиршеством.

Лес был его другом, Тимофей очень хорошо его понимал, но и, казалось, лес тоже очень хорошо понимает мальчика. Это было полное единение с природой души и тела. Душа Тимофея гуляла в лесу почти сама по себе, как бы растворяясь в лесном воздухе и паря между деревьев. Но и тело не отставало, никогда не спотыкалось, не проваливалось в ямки, и даже ветки никогда не лезли в глаза и в лицо мальчику. Но, что самое удивительное, его не трогали ни комары, ни клещи. Возможно, он был слишком худеньким, и комарам было совестно забирать последнее. А может быть, это духи леса заботились о нем.

Мальчик этого, конечно, не знал. Но, приходя в лес, всегда с ним здоровался, а уходя – говорил «спасибо» и прощался. Он за все говорил лесу «спасибо»: за найденные ягоды и грибы, за прекрасный день, за красивую полянку, на которой можно было отдохнуть, за все, за что можно было придумать. Даже за то, что лес просто есть. Они любили и понимали друг друга, как никто в мире. Так понимать могли только Святослав и Василиса. Мальчик это видел, и ему было безумно жаль, когда Её не стало...

Когда Тимофей узнал о случившемся, он ушел в лес. Там мальчик долго плакал и разговаривал с ним, рассказывая все произошедшее и сетуя на судьбу, которая казалась ему несправедливой. Лес словно плакал вместе с ним, птицы замолчали. Лишь одна, невидимая и поэтому не узнанная,

птичка пела вдалеке какую-то грустную, но в то же время прекрасную песню. Мальчик мог только молча слушать. Это была потрясающая музыка, такой он никогда не слышал. Песня плакала, переживала, но в ней слышалась надежда. Надежда на что-то великое и хорошее.

Постепенно Тимофей успокоился и просто отдыхал, прильнув к березе. Вверху, между деревьев, проплывали облака. Они были так величественны и неторопливы, что Тимофей засмотрелся на них и не мог отвести взгляда. Одно облако напоминало ангела, поднявшего руки вверх. Потом «руки» медленно опустились, и у ангела раскрылись крылья. Через мгновение облако скрылось за деревьями. Это было как наваждение, прекрасное наваждение. Мальчик даже зажмурился, чтобы не потерять видение, которое врезалось ему в память на всю жизнь.

***

Тимофей очень боялся, что Святослав наложит на себя руки после смерти жены. Но подойти и поговорить с Ним мальчик не мог, просто не находил в себе сил, поэтому старался следить издали, чтобы вмешаться, если случится что-нибудь нехорошее. Хотя, конечно, и не представлял, как он будет вмешиваться и что будет делать, но ничего более умного придумать не мог.

Несколько месяцев прошли совсем не интересно. Святослав был так поглощен своим горем, что практически ничего

не делал, а только сидел и смотрел перед собой. На похоро-
нах Он присутствовал, но казалось, что присутствует только
его тело, а душа витает где-то далеко-далеко. В душе маль-
чик рвался к Нему, мысленно находил много разных добрых
и обнадеживающих слов, но подойти так и не решался.

Но однажды все переменялось. Святослав как проснул-
ся. В нем появилась жизнь, душа вернулась в тело, и Он на-
чал действовать. Мальчик сразу заподозрил что-то неладное
и удвоил старания. Святослав стал встречаться с разными
людьми, что-то выспрашивать, разговаривать о лесе. Это ста-
новилось намного интереснее. Значит, Он не собирался сво-
дить счёты с жизнью, это было замечательно. Но теперь у Ти-
мофея появился непонятный азарт, ему хотелось узнать, что
творится в душе мужчины и что Святослав задумал.

Близко подобраться никак не удавалось, а как только Свя-
тослав подходил к кому-нибудь с вопросом, собеседники,
радостно горланящие минуту назад, переходили на шепот,
и дальше весь разговор проходил только вполголоса. Это за-
интриговывало еще больше.

Но вскоре случилось самое неприятное – Святослав ре-
шил заглянуть к колдуну.

Стоит сказать, что колдуна люди не любили, даже не то
чтобы не любили, а ненавидели. Не убивали и не прогоняли
колдуна, видимо, лишь потому, что тот родился и вырос в их
деревне. В детстве, насколько знал Тимофей по рассказам
старших, Колдуна звали Пахом, и был он самым обыкновен-

ным человеком. Работал как все, жил как все, даже женился как все. Но что-то у них не заладилось, через некоторое время они стали ругаться, так что вся деревня об этом знала. Часто слышалось хлопанье дверью и непонятные возгласы. Пахом даже побил жену однажды, причем очень сильно, так что та потом неделю из избы не выходила. Но в конце концов жена не выдержала и собралась от него уходить. На следующий день она пропала.

Вся деревня, конечно же, обвинила во всем Пахома, но доказательства его причастности к чему-то нехорошему найти не смогли, так что оставили его в покое. Но относиться к нему стали уже намного хуже. То, что тела и никаких следов не нашлось, никого не переубедило, и вся деревня продолжала считать Пахома убийцей. Долго так выдержать любому человеку было бы невозможно, а уж тем более такому нервному и вспыльчивому, как Пахом. Ни слова не говоря, он плюнул на всех, собрал котомку и отправился в лес.

На этом месте Тимофей всегда переспрашивал: «Что, прямо в лес?» Ему никак не верилось, что лес принял такого человека. Ровно шесть лет отсутствовал Пахом, а вернулся он уже колдуном. Во всяком случае, так все говорили. Трудно сказать точно, почему его стали называть колдуном – никто никогда не видел, чтобы тот занимался ворожбой или колдовством, но прозвище прилепилось к Пахому мгновенно, и Пахомом больше его никто не называл. Так в народе и говорили: «Ушел Пахом-убийца, а вернулся Колдун».

Поселился Колдун на самом отшибе деревни, шагов за двести от ближайшего дома. Никто не ходил той дорогой, никто даже близко проходить не хотел мимо его дома. Чем тот жил, чем питался и что делал, никто не знал. Знали только, что иногда он уходит в лес и может отсутствовать по несколько дней, а иногда и недель. В общем, жизнь Колдуна была непонятна и загадочна.

Поэтому-то для Тимофея стало настоящим потрясением, что Святослав идет именно к Колдуну. Он до последнего мгновения не мог поверить в это. Но как только дверь грязной, вонючей и противной хижины открылась и поглотила Святослава, сомневаться уже было не в чем.

Близко подойти к этому дому, который и домом-то было назвать трудно (хижина, сарай – вот единственное, что приходило в голову), Тимофей не мог. Не только потому, что он боялся (а боялся он довольно сильно), но и потому, что, подходя к хижине ближе, чем на десять шагов, начинал чувствовать что-то странное, в душу заползал такой мрак, такая мерзость! Казалось, что вся скверна и гадость, существовавшие где-то в подсознании, выползали наружу, безумное отвлечение ко всему миру затуманивало сознание.

Тимофея хватило только на пару шагов, после которых обратная дорога показалась вечностью, и лишь выйдя из этого заколдованного круга, он почувствовал, что свет жизни возвращается к нему. Обессилен он был страшно, как будто весь день бегал по лесу, не останавливаясь ни на минуту.

Поэтому, потратив остатки сил, чтобы отползти за дерево, он остался наблюдать за хижинкой издали.

Сколько прошло времени, прежде чем появился Святослав, мальчик не знал. Он только удивлялся, как Тот смог зайти в хижину, да еще находиться там долгое время.

Еле волоча ноги, Тимофей проводил Святослава до дому и, поняв, что сегодня Тот уже вряд ли куда-то пойдет, вернулся домой. Сил у него хватило только чтобы немного перекусить и завалиться на кровать. Этот поход к хижине Колдуна забрал слишком много сил...

Тимофею приснился страшный сон, как будто он бредет по лесу, а лес какой-то не такой, как всегда, что-то в нём появилось зловещее. Постепенно лес все темнел и темнел. Очертания предметов вокруг были сильно размыты и искажены. Какое-то непонятное чувство подсказывало: «Сзади кто-то есть». Мальчик резко обернулся и лишь на мгновение смог увидеть огромную, черную тень, которая набросилась на него...

Резким рывком Тимофей сел в кровати. В доме была тишина и покой, еще все спали. Страшный сон сильно засел в душе и не хотел отпускать. Мальчик подивился: «Почему обычные или хорошие сны забываются, когда просыпаешься, а как кошмар – так ни за что не забудешь!»

Спать уже совсем не хотелось, и он решил пройтись к дому Святослава. Солнце только начало окрашивать горизонт желтовато-красным светом, а впереди Тимофей вдруг уви-

дел одинокого путника. Мальчик быстро прильнул к забору, что, впрочем, было напрасно – путник ни на что не обращал внимания. «Кто же может идти в такую рань? – подумал мальчик. – Наверняка какая-нибудь нечисть». Но очертания путника были слишком знакомы, так что Тимофей уже не сомневался в том, кого он видит. «Так вот для чего были все расспросы! Святослав решил покинуть деревню, или что-то другое увлекло его из дома?» Пока что ответа не было, поэтому мальчик решил продолжить слежку. Для себя он, конечно, мотивировал это тем, что хочет помочь Святославу, если тому станет трудно, но на самом деле его влекло любопытство. Узнать тайну! Кто же от такого откажется? Он еще и сам не знал, во что себя втянул, но радостно (ведь теперь два его лучших друга были рядом – Лес и Святослав) отправился следом.

***

Святослав немного поразмышлял на опушке леса и зашагал в глубь. Мальчику не стоило особого труда следовать за ним, ведь тот был слишком погружен в свои мысли, а Тимофей уже давно научился ходить практически бесшумно, иначе как бы он смог подходить к зайцам или лисам, не спугивая их? Раньше он много гулял по лесу, но всегда один, поэтому куда идти, зачем – он всегда выбирал сам, теперь же ему приходилось постоянно следить за Святославом. Тот, хотя ни на что не обращал внимания, шел довольно быстро и,

на удивление, ничего не задевал и не спотыкался. Принцип, по которому Святослав выбирал путь, Тимофею был непонятен. Эту часть леса он знал довольно хорошо, но далеко ходил лишь однажды.

Случилось это около года назад. Тимофея тогда очень сильно обидели, и сделал это не кто иной, как его отец. Когда Тимофей захотел помочь ему перенести нарубленные дрова в специальные поленницы, отец отправил его восвояси. Он не кричал и не ругался, а просто сказал, что такому хилому и никчемному мальчишке лучше заняться чем-нибудь попроще. Это было невыносимо. Как будто он слабак какой-то! Это на вид Тимофей выглядел хилым: руки, ноги – палочки. На самом деле ежедневные пешие прогулки очень сильно укрепили его здоровье. Но на это никто не обращал внимания.

Обидевшись, Тимофей убежал в лес и шёл, шёл всё прямо и прямо целый день. Остановился он только тогда, когда начало темнеть. Обида к тому времени уже улеглась, и прогулку он продолжал только из любопытства, но, увидев приближение ночи, не на шутку испугался. Уж он-то очень хорошо знал (по всяким рассказам), что творится ночью в лесу. Как ведьмы, колдуны и лешие путают человека, заманивают в чащу лесную, откуда уже выбраться невозможно. Обрато идти было уже поздно, хоть Тимофей и обладал хорошей памятью и с легкостью бы нашел дорогу домой, но лишь при

свете дня.

Темнота меняет все очертания, все кажется зловещим и непонятным. Поэтому волей-неволей ему пришлось ждать утра. Заснуть в ту ночь ему так и не удалось. Он, конечно, доверял лесу, но все равно было очень боязно.

Ночь оказалась не такой уж тихой, как ему это представлялось. То где-то невдалеке хрустнет ветка, то волчий вой раздастся издалека, то совиное уханье прорежет ночной воздух. И постоянно кто-то где-то шуршал, пыхтел. Тимофей просидел всё это время, прислонившись к стволу березы и тараща глаза по сторонам, надеясь разглядеть то, что разглядеть было практически невозможно. А как только лучи солнца стали пробиваться через ветки деревьев, он, не раздумывая, бросился обратно к дому.

Первое время лес не был таким густым, так что следить за Святославом можно было и вполглаза, подбирая по дороге ягоды земляники и черники. Но когда время стало двигаться к вечеру, у Тимофея по спине поползли мурашки. Во-первых, уже наверняка придется провести ночь в лесу, а во-вторых, вдруг Святослав будет идти всю ночь? В такой темноте он его точно потеряет. Отвлекаться по сторонам времени уже не оставалось, всё внимание было направлено на Святослава. Тимофей даже дистанцию сократил до десяти шагов. Лучше уж рисковать быть обнаруженным, чем потеряться. Хотя за себя он не боялся, отыскать путь домой было несложно,

но возвращаться домой одному очень не хотелось.

Положение спас корень, который прятался под старыми листьями. Святослав споткнулся и остановился. Тимофей тут же юркнул за небольшую елочку, которая непонятно как боролась за свое существование среди огромных деревьев. Святослав огляделся, не заметив ничего подозрительного, пошел дальше, но уже помедленнее, явно что-то отыскивая. Тимофею пришлось потрудиться, чтобы остаться незамеченным.

Не пройдя и двадцати шагов, Святослав остановился и полез на огромный дуб. Там, устроившись поудобнее, он достал кусок хлеба и принялся его жевать. У Тимофея живот булькнул разок, как бы показывая, что одних ягод ему мало-вато, но добавить к ним было нечего (ведь Тимофей не собирался надолго уходить из дома, поэтому с собой ничего и не брал). Хуже было то, что еще и пить захотелось. Единственное, что он смог придумать, это пожевать несколько травинок, которые сорвал недавно на небольшой полянке, оказавшейся на пути. Но его животу не привыкать. День без еды – это было почти нормой. Если бы еще не приходилось следить за Святославом, то Тимофей мог бы найти еще много чего съедобного в этом лесу. Но далеко отходить мальчик не хотел: вдруг Святослав передумает, слезет и уйдет куда-нибудь – ищи его потом.

Тимофей уютно устроился в корнях другого дуба, стоявшего неподалеку. Долгий день, проведенный в движе-

нии, наконец дал себя знать: глаза непроизвольно закрылись, и мальчик заснул.

2

Как бы ни был силен сон, сморивший Тимофея, чувство опасности и незнакомая местность все же не дали ему крепко заснуть. Он проснулся от каких-то слов, которые донеслись до него с дерева Святослава. Что это были за слова, Тимофей не разобрал, но на дереве чувствовалось какое-то шевеление.

– Ты дух леса? Или леший?

Голос принадлежал Святославу. Похоже, он с кем-то разговаривал, но с кем? Мальчику ничего не удавалось разглядеть. Возможно, это лишь разговор во сне.

Луна светила довольно ярко, но на дереве выделялся лишь силуэт Святослава. Неожиданно Святослав выхватил нож и встал в угрожающую позу. То, что это был нож, Тимофей понял по тому, как отражался от лезвия свет неполной, но яркой луны. Но что случилось, и почему Святослав так себя ведет? На этот вопрос ответа не было. Неожиданно Святослав дернулся, закрывая рукой лицо. В такой позе он пробыл пару мгновений, потом огляделся по сторонам и опять прилег на дереве.

– Видимо, ему приснился кошмар, – подумал Тимофей и опять заснул.

Утром Тимофей проснулся раньше Святослава. Потянувшись и обратив внимание на то, что из еды у него есть только кучка дубовых листьев, он не сильно огорчился. Интерес был сильнее голода и жажды, но и ту, и другую проблему он надеялся решить по дороге – мало ли в лесу ручьев да ягод?

Вскоре проснулся и Святослав. Тимофей на всякий случай отвернулся, когда увидел в руках у того кусок хлеба и флягу, – он испугался, что живот опять начнет проявлять активность, а этим он мог его выдать.

Святослав продолжил путь, Тимофей следовал за ним неотступно. Первое время признаки любопытства и интереса ещё прослеживались у Святослава, но вскоре он опять впал в непонятное состояние и шёл, ни на что не обращая внимания.

Тимофею повезло: в паре шагов справа он услышал, а потом и увидел небольшой родничок, который бил прямо изпод земли и убегал в сторону. Святослав на этот родничок внимания не обратил – то ли у него была полная фляга (в чем Тимофей сомневался), то ли ему было всё равно.

Пил Тимофей жадно и быстро, упускать Святослава из вида очень не хотелось, и, когда его силуэт скрылся за деревьями, Тимофей оторвался от родничка и побежал. Догнать Святослава труда не составило: сегодня он шёл намного медленнее, но в то же время довольно шумно, часто наступал на сломанные ветки, шуршал листьями.

Лес становился всё более густым и тёмным, поэтому Тимофею пришлось сократить дистанцию до минимума. Ягод попадалось мало, так что оставалось только жевать листья. Вторая ночь практически без еды. Что ж, ничего, это уже тяжелее, но жить пока можно. Так успокаивал себя Тимофей.

Ночь не заставила себя ждать, а Святослав на этот раз долго не раздумывал, где остановиться, сел прямо у корней ближайшего дерева, перекусил и заснул.

Тимофей тоже устал довольно сильно после двухдневного перехода и повалился на кучу листьев неподалеку.

3

Проснулся Тимофей от непонятого шуршащего звука. Откуда тот доносился, он не понял, но заметил, что Святослав тоже проснулся, а значит, звук не мерещился. Неожиданно Святослав отскочил от дерева, от которого отлетел большой кусок коры и приземлился неподалеку. Святослав потянулся к поясу. «Наверное, опять к ножу», – подумал Тимофей, вспоминая предыдущую ночь. Но, пока Тимофей думал, Святослав как-то неуклюже подпрыгнул и покатился по земле. Тимофей ничего не понимал.

– Ты еще здесь?

Громкий голос Святослава заставил Тимофея вздрогнуть. Послышался шелест листьев, который чем-то неуловимо напоминал слово «да».

Тут же Святослава бросило к дереву. Сейчас Тимофей уже видел, что тот не сам прыгнул, да и трудно было совершить такой прыжок. В воздухе Святослава развернуло, и он врезался спиной в дерево. Вставать он уже не стал, а лишь сильнее прижался к стволу.

– Тебе от меня что-то надо?

Святослав явно с кем-то разговаривал, это не был бред сумасшедшего или одержимого, как можно было подумать в первую ночь. Тут же непонятное эхо повторило последнее слово: «Надо, надо, надо».

Неожиданно огромная ветка с громким треском оторвалась от дерева и рухнула на Святослава.

Тимофей дрожал от страха. Не понимая, с чем столкнулся, он даже не подозревал, знает ли это «что-то» о нём, где оно сидит, что задумывает, но, хорошенько подумав, решил, что этот кошмар бывает только ночью, а раз так, то можно и подождать. Он очень переживал за Святослава, но сейчас боялся даже шевельнуться.

В скрюченном, неподвижном состоянии Тимофей пролежал до полного рассвета, когда от ночной тьмы не осталось ни следа. Только мрачные деревья, заслоняя солнце, не давали хорошенько осветить место ночной схватки. Очень медленно и осторожно он пополз к Святославу. Тот лежал неподвижно, но дышал. Хорошо – значит, живой.

Тимофей провел рукой по голове Святослава. Кровь, которая уже запеклась, пятнами украшала его голову. Но Святославу повезло: все-таки хорошо, что он успел среагировать и прикрыть голову рукой, а то повреждения были бы намного серьезнее.

Тимофей погладил Святослава по голове и попробовал легонько потрясти за плечо. Потом подошел к ветке и попытался её сдвинуть. Сначала ничего не получалось, но постепенно ветка стала поддаваться и освобождать тело Святослава. Закончить освобождение Тимофей не успел: Святослав начал шевелиться, и мальчику пришлось спрятаться – все-таки он еще опасался показываться тому на глаза, мало ли что.

Святослав выбрался из-под ветки и провел рукой по волосам, нашел свой ножик, который, видимо, успел обронить в пылу борьбы, а потом постоял некоторое время, задумавшись.

– Эх, только бы найти волхва... Уж он-то всё разъяснит. Где его найти? Кто знает?

Тимофей сначала подумал, что это к нему Святослав обращается, но потом понял, что ошибся.

«Так вот для чего он полез в такую даль!» – мысленно воскликнул Тимофей.

Теперь цель была ясна, но от этого она не стала ближе.

В это время Святослав обнаружил, что запасы воды ис-

сякли, и просто стоял, раздумывая, как поступить.

Вдруг впереди раздался хруст веток и пыхтение. Святослав бросился на хруст. Тимофею пришлось последовать за ним, хотя большого желания он не испытывал. Кто знает, кого там черти носят. А может, это сами черти и есть... Так размышлял Тимофей, пробираясь за Святославом и стараясь не отстать.

Неожиданно деревья расступились, и Тимофей увидел полянку с редкими, но большими деревьями, а невдалеке ручеек, к которому прильнул огромный кабан. Святослав смело подошел к ручейку и уже собирался зачерпнуть ладонью воду, когда кабан резко повернулся.

Святослав уже в который раз выхватил нож.

«Пока что нож ему не помог ни разу. Может, хоть сейчас он пригодится?» – подумал Тимофей.

Но и на этот раз нож остался не у дел. Святослав молниеносным движением бросился к дереву и взлетел наверх, как настоящая белка.

– Вот это да, – восхитился Тимофей, но тут же подумал, что и самому было бы неплохо куда-нибудь влезть, пока кабан не обратил на него внимания.

Кабан бился в ни в чем не повинное дерево и разбрасывал вокруг комья земли, создавая такой шумовой фон, что Тимофею можно было не опасаться, что его услышат. Но на ближайшую ель он все-таки залез – так, на всякий случай.

Сидеть пришлось весь день. Кабан был настроен решительно и ждал своего часа. Несколько раз Святослав пытался с ним разговаривать, но все безрезультатно. Тимофей мысленно просил кабана оставить их в покое. Он даже полушёпотом обращался к лесу, чтобы тот позвал куда-нибудь неозначительное животное, но ничего не получалось. Кабан прилег неподалеку от дерева Святослава и внимательно наблюдал за ним снизу. Стоило только мужчине пошевелиться, как кабан опять начинал бегать и буйнить.

4

Так их и застала ночь. Тимофей не мог заснуть: дерево оказалось не очень удобным, и он все время боялся свалиться. «Зато хоть ноги отдохнут», – мысленно поразился он. Но завтра придётся показаться Святославу. Живот уже просил еды нещадно, три дня голодовки – это уже чересчур. Эх, только бы разделаться с этим кабаном...

В голове мальчика стали проплывать различные картинки – как он заманивает кабана в другое место, подальше от Святослава, потом как он вместе со Святославом нападает на кабана и закалывает его, а Святослав благодарит Тимофея и зовёт с собой в дорогу.

Он не был злым мальчиком, но так поступали все, кого он знал или о ком он слышал. Если кто-то тебе сильно мешает, то выход один – убить. Другого варианта Тимофей при-

думать не мог.

Неожиданно с кабаном что-то произошло. Он вскочил на ноги и стал озираться по сторонам, уже не обращая на Святослава никакого внимания, а потом, выскочив на середину поляны, стал метаться из стороны в сторону. Тимофей отметил про себя, что кабан напоминает одержимого. Как будто бес в него вселился и лишил разума.

Резко развернувшись в очередной раз, кабан застыл на краю поляны и издал злобный клич. Похоже было, что он кого-то увидел. Как стрела, кинулся кабан на невидимого врага...

Тимофею стало смешно смотреть на бесплодные попытки злобного животного. Но то, что он увидел через секунду, повергло его в шок.

Кабан добежал до середины поляны и подлетел в воздух, так и оставшись висеть над землей. Из его живота потекла какая-то черная жидкость, а потом кабан с диким визгом разлетелся на куски, разметав свою кровь и останки по всей поляне. Только голова дикого животного осталась целой. На мгновение зависнув в воздухе, она рухнула на землю. А потом (в это время мальчик чуть не потерял сознание от страха) голова, лежащая на земле, повернулась и уставилась на Святослава.

***

Святослав увидел, как страшное существо вспрыгнуло

на ветку прямо перед ним. Желания шевелиться не было, нож бесполезен, сил уже нет. Как справиться с этим чудовищем? Долго размышлять не пришлось: существо схватило его за ворот рубахи и сбросило с дерева.

Падение с высоты в три человеческих роста на спину чуть не вышибло из Святослава дух. Инстинкты уже не работали, дыхание было сбито, и легкие повиновались с трудом. Чудовище спрыгнуло вниз и пошло на него.

Святослав, ища хоть какую-нибудь поддержку, повернул голову налево – ничего, повернул направо – на него уставилась оскаленная морда уже мертвого кабана. Собрав последние силы, он схватил эту голову и запустил в чудовище. Оно лишь отмахнулось. До Святослава оставалась всего пара шагов, когда существо прыгнуло.

«Так, наверно, и должна выглядеть смерть», – подумал Святослав, не мигая глядя на летящее существо.

Неожиданно раздался детский крик:

– Не тронь его!

И черная тень обрушилась на Святослава.

Кричащий ребенок, упавший мужчине на грудь, закрыл его собой.

«Умирать одному было бы легче», – подумал Святослав, но подняться уже не было времени, поэтому все, что он мог – это неотрывно смотреть на летящее чудовище.

Мальчик закрыл его в тот момент, когда чудовище уже наносило удар своей страшной лапой, но, врезавшись в маль-

чика, чудовище превратилось в пыль, которая взметнулась вверх черным облаком и медленно растворилась в воздухе.

***

Мальчик еще продолжал кричать: «Не тронь его, не тронь!», когда Святослав положил руку ему на плечо. Это, казалось бы, простое действие почти успокоило мальчика, теперь лишь рыдания сотрясали его тело.

– Всё кончено, оно исчезло, – сказал Святослав, с трудом преодолевая боль в груди.

Мальчик открыл глаза и затих, потом медленно сполз на землю и посмотрел Святославу в лицо. Луна светила превосходно, так что они без труда разглядели друг друга.

– Тимофей?! – полувопрос-полуудивление вырвалось у Святослава. – Что ты здесь делаешь?

Тот уже почти пришел в себя.

– Мне показалось, что тебе грозит опасность. Что это было?

Мальчика все еще била мелкая дрожь.

– Я не знаю, но это существо преследует меня уже третью ночь. Похоже, сегодня должен был прийти конец моей жизни, но ты меня спас. Я не знаю, прав ты или нет, спасая меня. Может, мне было бы лучше умереть. Но я все равно тебе благодарен. У меня ещё есть незаконченное дело.

Постепенно голос Святослава становился более уверенным и твердым – похоже, боль понемногу отпускала его.

С помощью Тимофея он сел. Грудь сдавило, дыхание опять затруднилось. То ли не все ребра выдержали падение, то ли просто болела сильно ушибленная спина. Но, отдышавшись, он все же смог подняться, и вместе они добрались до ручейка.

Измазанные внутренностями и кровью кабана, обессиленные болью и переживаниями, напившись и немного умывшись, они завалились спать прямо около бегущей воды. После такой встряски им уже никакая опасность не была страшна.

5

Поздним утром их разбудило веселое птичье щебетание, вдалеке куковала кукушка. В лесу слышались шорохи. Лес ожил.

– Похоже, что эта напасть прошла, – сказал Святослав вместо утреннего приветствия. – Ведь пока мы шли, все живое куда-то подевалось, а теперь на тебе – расшуршались и распелись, благодать.

– Да, теперь я чувствую себя опять, как дома. Лес радуется новому дню. Надеюсь, он будет более удачным, чем предыдущие.

Грустно улыбнувшись, Тимофей вздохнул, и тут в животе у него заурчало. Живот требовал подкрепления.

– Ты, я смотрю, проголодался.

Святослав достал оставшийся хлеб и разделил его на че-

тыре части.

– Оставим немного про запас, – пояснил он.

Тимофей с наслаждением набросился на зачерствевший кусок и быстро покончил с ним, жадно запивая его водой. Живот остался доволен – во всяком случае, на некоторое время.

– А теперь, когда ты подкрепился, – Святослав оставил себе кусок поменьше, но ел его намного медленнее, – может, расскажешь мне, как ты очутился в такой глухомани, да еще в такое подходящее время?

Тимофей с неохотой рассказал о своих приключениях, не рассказав, однако, о том, что он следил за Святославом ещё в деревне. В душе он опасался того, что Святослав может на него рассердиться и отправить домой.

– А как же ты понял, что мне нужна помощь, и именно в этот момент, ведь ты же никого не видел? – любопытствовал Святослав, для которого осталось загадкой то, что мальчик не видел чудовища.

– Я видел, как разорвало кабана, а потом и ты оказался в таком же положении. Я очень боялся, что тебя так же разорвет, поэтому подбежал и обхватил – подумал, вдруг поможет?

Тогда уже Святославу пришлось рассказать, что он видел, и мальчик ужаснулся, и в то же время порадовался, что ему не пришлось испытать всех этих ужасов. Ведь если бы он увидел такую страхолюдину, ещё не известно, хватило ли бы

у него смелости спасти своего друга.

Поговорив и подкрепившись, они решили продолжить путь вместе. Святослав сначала хотел отговорить мальчика от дальнейшего путешествия, мотивируя это тем, что еды уже практически не осталось, домашние уже наверняка его ищут, а идти ещё неизвестно сколько. Но Тимофей настоял на своем, сказав, что если возвращаться, то вместе, да и вдвоем будет веселее. Святослав согласился. Хотя какое тут веселье?

Тимофей был безумно рад этому. Теперь не надо было прятаться и следить, можно было идти и ни о чем не думать, просто наслаждаться общением со своими друзьями – Святославом и лесом.

***

Они брели уже давно, солнце перевалило за полдень. Медленно, но верно тени начинали сгущаться. Быстро идти они не могли. Святослав часто держался за грудь и тяжело дышал. Тимофей старался ему помочь, но пользы от этого было мало.

Святославу тяжело давалось каждое движение, и он шёл, стараясь поддерживать спину прямой. Тимофей же шагал легко и непринужденно. Его лишь огорчало состояние друга, но все, что он мог сделать – это набрать пригоршню ягод и угостить Святослава. Появления еды не планировалось, поэтому Тимофей старался собирать всё съедобное и полез-

ное, что попадалось на пути. Даже набрал немного грибов, надеясь, что в крайнем случае они смогут развести костер и пожарить их.

Святослав же устал очень сильно, боль в спине и груди не давала покоя.

– Это даже хорошо, одна боль заглушает другую, – так говорил сам себе Святослав, продолжая монотонно переставлять ноги.

Разговоры у них не завязывались, да и о чем стоило говорить? Святослав был в своих думах, а Тимофей уже привык быть в одиночестве, поэтому слова считал не столь уж необходимыми.

Лес казался бесконечным, что впереди – непонятно. Полянки выскакивали неожиданно, но редко. Чаще встречались бурелом и чащоба.

Тимофей с интересом разглядывал всё, что попадалось на пути – следы зверей, листья, деревья, поэтому неудивительно, что именно он заметил непонятное, мягкое, едва уловимое свечение, которое пробивалось через густые лапы старого ельника. Он показал свечение Святославу.

– Похоже, нам повезло. Если бы сейчас был ясный день, мы бы вряд ли сумели разглядеть это лесное чудо. Попробуем подойти поближе. Может, это и есть то, что мы ищем?

Тимофей кивнул и, подхватив Святослава под руку, стал помогать ему продираться через ельник. Ветки били по ру-

кам, лицу, кололись, царапались, так что даже глаза было боязно открыть: вдруг хлестанет! Медленно-медленно, шаг за шагом они пробирались вперед. Еще шаг – и давление веток исчезло.

Мальчик открыл глаза и тут же закрыл их. Яркий свет, исходящий от огромного дуба, заливал заросшую зеленой травой поляну. Даже через закрытые глаза Тимофей видел это свечение. Понемногу свет стал меркнуть.

– Может, это глаза привыкают, – подумал Тимофей, но, приоткрыв их, убедился, что света и правда становится меньше.

Святослав убрал от лица руку, которой закрывал глаза, и открыл рот от восхищения и удивления. Такого огромного дерева он никогда не видел, а дерева, которое могло светиться, и подавно. Кому расскажешь – так не поверят.

Свет медленно, но верно покидал могучее дерево. Какое-то шевеление привлекло внимание Святослава и Тимофея. Из-за дуба стали выходить волки – один, второй, третий. Вскоре их был уже десяток.

Волки медленно приближались к путникам...

***

– Похоже, придется драться! – Святослав попробовал заклонить собой Тимофея.

– Лес поможет нам, он не даст нас в обиду! – уверенно воскликнул Тимофей, вставая со Святославом плечом к пле-

чу. – Вы дети леса, я друг леса. Не мешайте нам! Мы не причиним никому зла! – Слова так и рвались из Тимофея.

Волки остановились и выжидающе уставились на людей.

– Ты прав, они вас не тронут!

Из-за дерева вышел высокий старик с длинной бородой и в белой рубахе. В руке он держал посох, а за узким поясом виднелся нож.

– Кто ты? – Святослав отпустил Тимофея и выпрямился.

– Я? Довольно странный вопрос. Я тот, кого ты искал.

– Волхв! – невольно вырвалось у Святослава.

– Волхв, жрец, гадатель, пророк, предсказатель. У меня много имен.

Волки, видя дружеское расположение волхва к путникам, отступили, незаметно растворившись среди деревьев.

– Волхв... – благоговейно повторил Тимофей и встал на колени.

– Не надо вставать на колени, я не божество. Я почти такой же человек, как и вы. Достаточно вежливого поклона. – Волхв усмехнулся.

Мальчик встал и поклонился. Следуя его примеру, поклонился и Святослав.

– Прости, что потревожили тебя, но мне нужны ответы на вопросы. Ты для меня последняя надежда. Если не сумеешь ответить, то никто не сумеет.

Святослав с надеждой смотрел на Волхва.

– Я знаю многое. Я знаю твою беду и знаю, что ты хочешь

знать, но для начала, мне кажется, вам было бы неплохо перекусить. Кстати, ребра у тебя целы, это всего лишь сильный ушиб.

Заключительная фраза явно предназначалась Святославу.

Волхв направился к самой густой и казавшейся самой непроходимой части этого леса. Мгновение – и он скрылся среди ветвей. Святослав не колебался ни минуты и, превозмогая боль, бросился за ним. Тимофей не отставал.

В том месте, где прошел Волхв, веточка еще не перестала качаться, когда Святослав отогнул ее и прошел. Он ожидал хлестанья веток, колючих иголок, но ничего подобного. Он оказался перед одноэтажной бревенчатой избой с резным крыльцом и трубой, из которой исходил слабый, еле заметный дымок. Сзади его подтолкнули. Это оказался Тимофей, который, увидев дом, тоже остановился, выпучив глаза.

– Наконец-то мы его нашли, – сказал Святослав и направился к двери.

– Прежде чем войти, приведите себя в порядок. И вам будет удобнее, и мне чище.

Волхв показал за дом, где друзья обнаружили ручеек, который бежал довольно быстро, хотя никакого склона здесь не было заметно.

Пока они мыли руки и лица, сзади подошел Волхв, держа в руках две длинные белые рубахи. Только теперь Святослав и Тимофей обратили на себя внимание: у Святослава кровавый отпечаток на груди, вся спина в крови и каких-то ош-

метках, Тимофеева одежда была не намного лучше. С благодарностью они стали стаскивать с себя грязную и примерять новую одежду. Тимофею рубаха оказалась великовата, а вот на Святославе она смотрелась, как родная.

– Стирать сейчас не надо, просто положите ваши одежки в ручеек да придавите камушком, чтобы течением не унесло, вскоре они и очистятся.

Тимофей так и поступил. Видя, как тяжело двигается Святослав, он взял обе рубахи и придавил их в центре ручейка парочкой камней. Ручеек вмиг окрасился в красный цвет. Волхв поманил их за собой.

– Вот теперь добро пожаловать, гости дорогие. Давненько ко мне никто не заглаживал, – сказал Волхв, открывая толстую дубовую дверь и пропуская гостей внутрь.

Внутри была всего одна комната, почти половину которой занимала печка, две кровати по бокам и тяжелый деревянный стол посередине. Здесь было очень уютно.

На столе уже стоял дымящийся котел, а рядом с ним лежали три огромных ломтя черного хлеба. Подойдя поближе, Тимофей по запаху определил, что в котле должны быть щи.

Ели все вместе из одного котла большими деревянными ложками. Больше всех на еду налегал, конечно же, Тимофей. Растущий организм, который столько перенёс за последние четыре дня, требовал пополнения своих ресурсов. Святослав же ел больше из благодарности, чем от голода.

Сам Волхв ел спокойно и не торопясь, оставляя гостям кусочки пожирнее.

Вскоре все были сыты. Мальчик вскочил, чтобы помочь Волхву убрать со стола, но тот остановил его движением руки.

– Вы мои гости. – Этой фразой было все сказано. – Я думаю, нам стоит продолжить наше знакомство снаружи. Ночь обещает быть теплой.

Святослав и Тимофей переглянулись и вышли. Немного осмотревшись, они увидели, что невдалеке от дома когда-то разжигали костер, но, похоже, это место уже давно не использовали.

– Вы правильно думаете. – Сзади неслышно подошел Волхв и стал складывать на это место принесенные с собой дрова. – Это место я использую для раздумий и для разговоров. Нет ничего приятнее и величественнее, чем смотреть на огонь. Именно тогда приходят правильные решения, именно тогда можно успокоиться и насладиться теплом. Тимофей, ты можешь мне помочь.

Тимофей с радостью откликнулся, и они вдвоем принесли еще две вязанки.

– Думаю, для одной ночи этого будет достаточно, – немного задумчиво сказал Волхв.

Он сам сложил из дров небольшую горку и принёс из дома горящую лучинку. Вскоре огонь стал весело облизывать дрова и потрескивать, напоминая Тимофею и Святославу

их собственные дома, зимнее время, затопленную печь... Они так засмотрелись и задумались, что не заметили, как Волхв удалился и вернулся, неся в руках большую дымящуюся флягу.

– Вам стоит это выпить.

Он протянул флягу сначала Тимофею (тот отхлебнул один глоток, чуть не подавился, но мужественно, одним движением протолкнул обжигающую жидкость внутрь), потом Святославу – тот пил довольно долго, сделав не менее десяти глотков, после чего только смог остановиться.

– Я уже не чувствую боли, – через некоторое время с удивлением проговорил Святослав. – Это было волшебное средство?

– Не волшебное, а лечебное. Завтра твоя спина еще поболит, но вскоре ты будешь чувствовать себя намного лучше. Я не колдун, я пользуюсь дарами природы.

– Но дерево... Ведь оно же светилось?! – тут же спросил Тимофей.

– Да, светилось, но и здесь нет ничего волшебного. Ты ведь знаешь, что деревья питаются через корни. Так вот если этим корням дать специальную жидкость, составленную из нужных растений, то соки, бегущие по дереву, становятся столь яркими, что свет пробивается через кору, освещая все вокруг. Но этот эффект длится недолго, да и вредно дереву испытывать такое состояние часто.

Тимофей озадаченно замолчал. Вроде всё просто, а всё

равно очень даже волшебю.

Святослав угрюмо смотрел на огонь. Он нашел того, кого искал, он хотел получить ответы на вопросы и в то же время боялся. Вдруг правда окажется слишком страшной...

– У вас есть эта ночь, чтобы задавать мне вопросы. Поэтому торопитесь: всё, что не успеете спросить, останется без ответа. – Волхв внимательно посмотрел на Святослава. – Не бойся, спрашивай всё, что тебя тревожит.

– Почему так трудно тебя найти? – начал Святослав изда- лека.

– Меня невозможно найти, если, конечно, я этого сам не захочу.

– Тогда почему ты разрешил это сделать нам?

– Из-за Тимофея.

– Что?! – Тимофей удивленно взглянул на старика.

– Да, именно из-за тебя. Ведь вы не знаете, с чем столк- нулись в лесу.

– Это было чудовище, которого почему-то Тимофей не ви- дел, – сказал Святослав, полуразмышляя, полусообщая.

– Так ты даже не догадался? Похоже, в вашей деревне уже стали забывать древние силы, которые еще живут и будут еще долго жить на этой земле. Это был Налёт, или Мечта, как его иногда называют.

– Налёт?

Это слово ничего не говорило ни Святославу, ни Тимо- фею.

– Кто это? – не удержался Тимофей.

– Это существо, которое прилетает по ночам к людям, тоскующим по покойникам. Оно прилетало, чтобы извести тебя, Святослав. Ты так сильно привязался к мертвым, что уже и сам был наполовину мёртв. Поэтому тебе я бы помогать не стал да и вряд ли смог бы помочь. Ты слишком многого не понимаешь. Но Тимофей всё исправил. Своим поступком он спас тебя от смерти и вдохнул в тебя жизнь. Теперь ты снова начинаешь жить, и теперь ты чувствуешь, что должен жить. Не думаешь, что чувствуешь, а на самом деле это чувство в тебе.

– Но я ведь его не видел? – Тимофей всё никак не мог поверить в существование таких сил.

– Его могут видеть только те, к кому он приходит, и вред он может причинить только тем, кто это заслужил.

– Но кабан! Налёт уничтожил его! – Тимофей вспомнил эту страшную ночь, и дрожь снова пробежала по нему.

– Кстати говоря, животные чувствуют всякую нечисть намного лучше, чем люди, и стараются не попадаться ей на пути. Вы ведь обратили внимание, что по дороге вам никто не встречался. А Кабан – это тот же Святослав, только в мире животных. На днях он потерял свою подругу, кабаниху, а также своих детей. Этого он не мог вынести и носился по лесу в поисках того, кому бы отомстить, но в то же время он всё время думал о тех, с кем расстался. Налет лишь решил сразу две проблемы – разобрался с кабаном и почти

разобрался со Святославом. Ты, Тимофей, оказался для него полным сюрпризом. Поэтому когда ты закрыл собой Святослава, Налёт просто не успел ничего сделать и врезался в тебя, а так как вред тебе он причинить не может, то он просто превратился в пыль и разлетелся во все стороны.

– Я убил его? – Тимофей не мог в это поверить.

– Нет, конечно, ты отогнал его на эту ночь.

– Значит, он снова вернется?

– Думаю, что нет. После этого случая и нашего разговора у Святослава хватит других мыслей, чтобы развлечь себя по дороге домой.

Волхв замолчал, и тишина накрыла людей у костра. Слышно было только потрескивание горящих поленьев. Солнце уже давно скрылось, и поляну, кроме костра, освещала убывающая Луна.

– Я думаю, что Святослав пришел за другим ответом, – наконец произнес Волхв.

Святослав наконец собрался с мыслями и спросил:

– Почему несчастье случилось со мной, с моей семьей?

– Виной всему человеческая зависть.

– Зависть? – Святослав удивленно посмотрел на старика. – При чем здесь зависть? В деревне мы со всеми ладили, и все к нам хорошо относились.

– Ты никого не забыл? Колдуна, живущего на краю деревни, помнишь?

– Помню немного. Он к нам не ходил, да и я к нему тоже.

– А вот здесь ты ошибаешься. Тимофей может подтвердить, что у колдуна ты был.

Святослав посмотрел на Тимофея, а тот, покраснев, виновато опустил голову.

– Тебе ведь знакома в общих чертах жизнь вашего Колдуна?

– Совсем немного, лишь по всяким рассказням.

– Во всяких рассказнях и рассказах всегда есть доля правды. Пахом на самом деле извел свою жену с этого света за то, что та его разлюбила и хотела бросить, но сделал это очень хитро. Сейчас ты все узнаешь.

***

Пахом очень страдал оттого, что жена его не любит. Как ты помнишь, он даже ее побил однажды, надеясь запугать. Но это ни к чему не привело, деревенские люди могли и заступиться. Тогда Пахом сломя голову бросился вон из деревни. Не разбирая пути, он брел целый день, пока не наткнулся на старую, изъеденную жуками избушку. В ней сидела старуха – грязная, вся в лохмотьях и ужасно злобная.

– Явился! – так она поприветствовала его.

– Что значит «явился»? – злобно ответил Пахом.

– Сам, что ли, думаешь, сюда дотопал? – ехидно спросила старуха. – Садись и слушай.

Старуха была сильной ведьмой, поэтому Пахому ничего не оставалось делать, как слушать и выполнять.

– Сегодня я дам тебе зелье. Нальешь его своей дорогой женошке, и все твои проблемы решатся. А через неделю, когда все уляжется, вернешься ко мне, дело есть. Теперь ступай.

Пахом, как во сне, вышел из избышки и побежал домой.

Дома он застал жену, собиравшую вещи и завязывающую их в узелки. Не зная, что делать, он предложил ей напоследок выпить молока, предварительно незаметно добавив в ее чашку старухино зелье. Он надеялся, что жена образумится, поймет его и останется. Но все вышло совсем не так. После выпитого напитка глаза женщины затуманились, и она, ничего не говоря, вышла из дома. Больше её никто не видел.

Через неделю поисков Пахом, всё бросив, ушёл. Как вы уже поняли, к этой старухе.

– Я сделаю из тебя настоящего колдуна, и ты отомстишь мерзким людишкам из своей деревни за все неприятности.

Первое время Пахом учился, как во сне, но постепенно им овладевала злоба, зависть и презрение ко всему роду людскому. Шесть лет ведьма учила его, готовя своего преемника – она чувствовала, что смерть ее близка. Самая последняя и самая злобная вещь, которую она могла сделать, – это оставить после себя преемника, такого же злобного, как и она сама.

Смерть ведьмы была близка, но Пахом решил ее ускорить, просто-напросто отравив старуху. Слишком ему надоело с ней возиться и не терпелось приступить к действию.

После этого он вернулся в родную деревню и поселился на отшибе, наблюдая. И первыми, кто привлек его внимание, были Святослав со своей женой. Как мог Колдун, бывший Пахом, вынести такую несправедливость? Он столько страдал и мучился, в результате ничего не получил, а ты живешь себе припеваючи.

Решение было принято быстро. Сильнейшее проклятие, наложенное на Василису, забрало у нее жизнь за считанные дни. Пахом стал сильным колдуном, поэтому местные лекари не смогли ничего сделать.

Ты бы видел, как злорадствовал Колдун, когда видел тебя. Твоя безысходность придавала ему сил, он был, если можно эти слова отнести к колдуну, счастлив. Его затея полностью удалась. Он думал, что ты не выдержишь и умрешь, но ты оказался сильнее, чем немало его расстроил. Тогда-то он и внушил тебе мысль, что необходимо разыскать волхва – точнее, меня. А чтобы никто не заметил ничего необычного, он направлял тебя к разным людям: к одному, другому, третьему, и лишь потом позвал тебя к себе. Ты ничего не помнишь, потому что он запретил тебе вспоминать. Я не буду тебе помогать с воспоминаниями, потому что это и не нужно, скажу лишь то, что в его хижине ты и получил путь, по которому следует идти. И ты пошел.

– Но ведь он только мне помог! Я же нашел тебя! – не выдержал Святослав.

– Как ты мог бы заметить, что-то плохое часто оборачива-

ется во благо, а хорошие начинания – наоборот. Так получилось и в этот раз. Он не рассчитывал, что ты дойдешь, потому что знал про Налёт, который уже давно преследовал тебя.

– Если Налёт уже преследовал Святослава, то почему он его не убил? – спросил Тимофей.

– Потому что Налёт не может убивать, если, конечно, ему не помочь. Налёт обычно приходит в снах, явлениях, образах, всплывающих в сознании человека. Святослав знает, сколько ему пришлось пережить кошмарных снов и видений. Колдун помог Налёту получить тело. К счастью для вас обоих, удерживать Налёт в теле очень трудно. Поэтому первые две ночи Колдун не справился, не смог довести дело до конца. Зато в последнюю ночь он собрал всю свою силу для решающего удара и, если бы не Тимофей, он бы своего добился.

– Я убью этого гада! – вскричал, вскакивая, Святослав. – Я отомщу ему за всё! Теперь я понял, для чего остался жить!

– Успокойся и сядь. Ты еще ничего не понял. Колдун уже мёртв.

– Как! – воскликнули в один голос Святослав и Тимофей.

– Колдун потерял все свои силы, пытаясь убить тебя, а Налёт мгновенно воспользовался этим. Древние силы не любят, когда ими пытаются управлять. За это Колдун и поплатился.

– Так значит, всё кончено? – спросил Тимофей.

– Что такое «всё»? Всё кончается тогда, когда не остается ничего. А у вас ещё много чего есть. Возвращайтесь в дерев-

ню и живите.

– Как я смогу жить, если даже месть ушла из моих рук?

– Ты ещё сможешь отомстить.

– Что? – опять хором спросили друзья.

– У вас построили замечательную церковь. Сходи на колокольню, и ты многое узнаешь.

Над лесом показалась заря.

– Последний вопрос: я встречу с Ней? – Святослав умоляюще посмотрел на Волхва.

– Уже рассвет, время вопросов закончено.

Волхв отвернулся и направился к дому.

6

Волхв дал выпить Святославу и Тимофею какой-то напиток, после которого они проспали целые сутки, но проснулись освеженными и отдохнувшими.

– Сегодня вы отправляетесь домой. Мой друг отведёт. Сил у вас предостаточно, так что не бойтесь их потерять, бегите за ним, мой друг доведёт вас быстро.

Из-за деревьев вышел огромный чёрный волк. В зубах он держал еще влажную одежду. Волк внимательно посмотрел на них и уселся, как бы чего-то ожидая.

– Не забудьте забрать свои вещи. Мои же можете оставить себе, будет о чем вспомнить. – Волхв улыбнулся.

– Спасибо за всё, я никогда тебя не забуду. – Святослав

поклонился.

Тимофей поклонился тоже, бормоча слова благодарности.

– Прощайте. Мы не увидимся больше, старайтесь сами найти ответы на все вопросы. Мир очень сложен, и в то же время очень прост. Прощайте.

Волк вскочил и легкой трусцой побежал в лес. Друзья бросились за ним. Первым бежал Тимофей, за ним Святослав (он боялся, что не увидит, если Тимофей потеряется где-нибудь сзади). Волк постепенно набирал скорость. Сами не замечая этого, друзья тоже ускорялись. Вскоре они неслись быстрее ветра. Как только они не врезались в мелькающие по сторонам деревья, для них до сих пор остается загадкой.

К вечеру они были уже на опушке родного леса. Помахав на прощание волку, они направились в деревню.

***

Деревня чем-то была взбудоражена. Люди бегали с ведрами и топорами. Пожар! Что-то горит.

Святослав заметил идущих родственников. Он и Тимофей присоединились к ним, поинтересовавшись, что случилось. Оказалось, что уже второй день горела хижина Колдуна. Огонь никак не удавалось затушить.

– Похоже, огонь не естественного происхождения, – заметил Святослав.

– Похоже на то, ведь гореть-то там и нечему.

Вскоре они подошли к горящей хижине. Точнее, подошли

на то расстояние, на какое смогли. Жар был такой силы, что приблизиться к самому огню не было никакой возможности. Люди пытались лить воду из ведра, чтобы она текла к огню, но та начинала его огибать и быстро испарялась.

– Хорошо, что Колдун жил далеко от деревни, а то уже точно все дома пожег бы, – заметил кто-то.

Помаявшись еще немного, люди стали расходиться, оставив пару человек наблюдать за развитием событий, опасаясь того, что огонь начнет распространяться дальше.

***

Родственники были рады увидеть Святослава. Они думали, что тот пошел странствовать, хотя в душе очень боялись того, что Святослав пошел прощаться с жизнью.

Тимофею родители почти обрадовались. Не ругая, но и не спрашивая, где он пропал, угостили скромным ужином и отправили спать.

Ночь, наступившая вскоре, напомнила Святославу слова Волхва: «Ты еще сможешь отомстить!» Эти слова горели у него в голове огнем. Старик упоминал колокольню наверняка неспроста – похоже, пора ее проведать.

Ночь была тихой, но не темной. Вдалеке виднелись отблески горящей хижины. Луна убывала, но была еще довольно полной. Ровная блестящая поверхность колокола красиво

отражала и то, и другое, создавая вокруг себя ослепительно яркий ореол, пронзительно выделяющийся на фоне неба.

На колокольне никого не оказалось – тишина и спокойствие. Трещание огня сюда не долетало, а остальные звуки, видимо, потерялись где-то в ночи. Святослав присел в углу и залюбовался на луну, которая своим бледным светом почему-то всегда привлекала его.

Луна уже прошла почти половину небосвода, но ничего не происходило. Напиток, который Святослав выпил еще утром, продолжал действовать, поэтому спать не хотелось. Вдруг в углу напротив ему что-то почудилось. Мимолетное шевеление. Святослав вскочил на ноги и, обходя колокол, стал внимательно вглядываться. Какой-то черный ком валялся в этом углу, хотя еще недавно Святослав мог бы поклясться, что угол пуст.

Ком развернулся, превращаясь в человека в черной одежде. По этому черному балахону было трудно определить, кто это был. А голову человека скрывал белый колпак.

– Сними колпак, помоги мне, – жалобно промычал человек с колпаком. – Он душит меня, помоги.

Святослав шагнул к нему и сдернул колпак.

– Ты!!! – зашипел человек.

– Колдун? – спросил Святослав, хотя ответа ему и не требовалось.

– Даже здесь мне нет покоя. Земля меня не принимает, а теперь еще и ты пожаловал!

Колдун говорил так, будто выплевывал слова. Святославу стало противно.

– Пришло время для расплаты. – В голосе Святослава звучала угроза.

– А может, это и лучше, – как бы не замечая Святослава, продолжал говорить Колдун. – Теперь я сам смогу расквитаться с тобой. Я уже мёртв, а вот ты еще нет! – Противный скрипучий смех прорезал воздух. – Подойди, друг мой, надень на меня колпак, а то я слишком хорошо тебя вижу.

Смех повторился.

– А сам подойти не хочешь? Боишься?

После этих слов Колдун зашипел и попытался броситься на Святослава, но какая-то сила удерживала его на месте.

– Похоже, что даже этого ты не можешь. – Святослав не собирался издеваться над врагом, но эти слова вырвались сами собой. – Ну что ж, покончим с этим.

Святослав, решившись, бросился на Колдуна.

– Ха! – успел воскликнуть колдун, и они вцепились друг в друга.

Хоть колдун и был мёртв, но на ощупь он был вполне материальным, поэтому Святослав с радостью наносил ему удары. Колдун не решался наносить удары, боясь, что Святослав отлетит на безопасное расстояние, поэтому просто вцепился в него, пытаясь задушить.

***

Тимофею не спалось. Действие напитка не прошло, поэтому сил было ещё много. Тихо, на цыпочках он пробрался наружу и там оделся, чтобы не разбудить никого в доме. То, что он увидел, сразу привлекло его внимание: светящийся колокол и две борющихся фигуры на его фоне.

Тимофей побежал. «Это наверняка Святослав, он последовал совету Волхва! Вот черт, почему же я не пошел с ним? – Мысли неслись в голове Тимофея с необычайной скоростью. – Неужели Колдун и вправду жив? Конечно, жив, с кем еще Святослав будет так отчаянно бороться?»

***

Колдун начинал одолевать. Святославу уже было трудно дышать, пальцы Колдуна мертвой хваткой вцепились ему в горло. Истошно хихикая, Колдун всё сжимал и сжимал свои костлявые пальцы. Удары Святослава, казалось, не причиняли ему вреда. Святослав тоже вцепился в него. Несколько мгновений они душили друг друга, и тут Святослав понял, что проигрывает.

– Ты проиграл, жалкий человечиска. Вскоре ты будешь мертвее мёртвого, не то что я.

Колдун злорадно захихикал. Хватка Святослава даже не сбила его дыхания.

– Не бывать этому, – прохрипел Святослав, силы покидали его. – Теперь я понял, для чего ещё живу. Я не только отомщу, я спасу от тебя всю деревню!

Святослав отпустил горло Колдуна и крепко обнял его.

– Это наши последние мгновения на земле!

Прошептав это, он, крепко держа Колдуна, перевалился через перила...

Раздался истошный вопль. Святослав падал спиной вперед, поэтому ему хорошо было видно, что, когда Колдун пересек дозволенную ему линию, он загорелся. Загорелся таким сильным пламенем, что жар окатил Святослава обжигающей волной. И тут же никого не стало. Колдуна больше не существовало.

– Какая же красивая сегодня луна, – подумал Святослав и рухнул на землю.

– Не-е-т! – закричал Тимофей и подбежал к бездыханному телу Святослава. На крик из домов стали выходить люди. Они смотрели, переговаривались.

Темнота обрушилась на Святослава. Постепенно она стала сгущаться. Казалось, что такого не может быть, но это было так. Потом наступило беспамятство. Сколько оно продлилось, Святослав не знал. Потом возникла пустота.

Постепенно эта пустота стала заполняться светом – ясным, чистым, не слепящим глаза светом. В этом свете Святославу показалось, что промелькнул силуэт Василисы. Он слился с этим светом и понесся вместе с ним, оставляя все

несчастья и горе земле. Его несло в неведомые края, он не знал, что ждет его, но это должно было быть прекрасно...

Тимофей увидел, как тело Святослава начало светиться, а потом случилось чудо: с неба к нему спускалась Василиса. Она была светящимся духом, и она была прекрасна. Василиса протянула руку Святославу, он взял ее, и они обнялись. Обнявшись, в счастливом блаженстве они устремились в небеса.

Слёзы текли из глаз, заставляя видеть всё вокруг размытым и нереальным.

– Но люди, почему они ничего не сказали? Неужели они не увидели того, что произошло?

Тимофей уже хотел обратиться к кому-нибудь, когда в его голове прозвучал голос Волхва:

– Это видел только ты. После того, как к тебе прикоснулся Налёт, ты получил возможность видеть духов. Я не знаю, что это – проклятье или благо, но так есть. Не торопись делиться этим с другими людьми, оставь этот дар для себя.

Тимофей ошеломленно смотрел прямо перед собой.

– Смотрите, смотрите, огонь гаснет! – закричали мужики, сторожившие огонь.

Все бросились к хижине. Огонь вскоре стал не больше свечки, а потом и совсем исчез. На месте хижины ничего не осталось – абсолютно ничего, только голая чёрная земля.

Люди изумлялись, смотрели, но подходить не решались.

Святослава похоронили рядом с женой, окружив почестями. Многие считали, что именно с его помощью был уничтожен колдун, хотя точно этого не знал никто, кроме Тимофея. А Тимофей помалкивал. Ему было очень жаль потерять своего друга, но дар, который он приобрел, дал ему почувствовать, что его друг счастлив, а раз так, то зачем и ему печалиться? Когда-нибудь, возможно, они встретятся.

На месте сожженной хижины больше никогда и ничего не росло, а люди всегда стороной обходили это место.

Часть II. Духи

1

Тимофей грустно смотрел в маленькое окошечко, прорубленное скорее для циркуляции свежего воздуха, чем для разглядывания темного ночного неба. Но делать было нечего. Родители, а точнее – его отец, обозлились на Тимофея за самовольные отлучки, отправив сына на ночевку в старый хлев. Если раньше, года два назад, в хлеву еще держали свиней, то теперь в нем валялась только старая протухшая солома. Тимофею было все равно – слишком много событий произошло в этот день, чтобы еще обращать внимание на мелкие неприятности. Событий было много, но вот о том, как их оценить, Тимофей все еще размышлял.

Потеря лучшего друга – это раз, ночевка в старом хлеву – это два. С другой стороны, Тимофей собственными глазами видел, как душа его друга Святослава воссоединилась с душой жены – это положительный момент. Колдун, наводивший ужас на всю округу, окончательно оставил этот мир, причем оставил уже второй раз, сначала мир оставило его тело, а теперь и его душа (или что там у колдунов). Очень хотелось надеяться, что третьего раза не будет – вот и второй положительный момент. Так что же перевешивает? Сей-

час трудно было ответить, слишком мало времени прошло, ужасные события еще не перекрылись хорошими и добрыми мечтами.

Кусочек звёздного неба провоцировал воспоминания. Луна прошла дальше маленького окошка, так что ее бесцветные лучи уже не могли заглянуть внутрь. Задумавшись, Тимофей и не заметил, как лег на вонючую солому. Даже неприятный запах не мог отвлечь его от приятных воспоминаний.

Дверь хлева совершенно беззвучно приоткрылась, и невысокий бородатый мужичок юркнул внутрь (а ведь дверь была закрыта на защёлку, отец постарался).

– Ну и дела! – воскликнул он, потирая свои большие ладони друг о друга. – Ты видел, что сейчас творилось на площади?

– На какой площади? – Гнусавый голос раздался чуть ли не у самого Тимофеева уха.

– Ты что? Все проспал? – не унимался старичок.

– А что такого? Сон не тетка, пропустишь – не поймаешь.

Тимофею сначала показалось, что голоса ему мерещатся, но шепуршание прямо под ухом говорило о том, что в соломе кто-то есть. Резонно подумав, что это могут быть мыши, Тимофей вскочил.

– Чего это он? – удивился старичок. – Никак ты его своим шуршанием напугал.

– Может, и напугал, – так же гнусаво ответил голос, и из соломы показалась всклокоченная голова.

Тимофей не верил своим глазам. Точнее и верить-то им было подозрительно. Темнота и неверный свет звёзд позволял увидеть лишь смутные очертания ночных гостей (да и гостей ли?), но Тимофей упорно старался их разглядеть.

– Неужто мыша высматривает? – рассмеялся старичок.

– Кто его знает. – Человечек из соломы вылез уже полностью и теперь старательно отряхивался.

Тимофей прижался к стене и стоял ни жив ни мёртв. Кто это такие, чего они хотят? Былые страхи стремительно возвращались, вытесняя все хорошие мысли.

– Всё же неудачный сегодня день, – прошептал Тимофей.

– Ну вот видишь, ты его мышами напугал, а он теперь грешит и на весь день. – Старичок подошел к человечку.

– Как можно грешить на день, когда уже давным-давно ночь? – Человечек наконец перестал отряхиваться и устоял на Тимофея.

Тимофей сумел увидеть его взгляд только потому, что отступил он под самое окошко, дающее какой-никакой, а всё же свет. И в этом свете в точности как у кошки блеснули зеленые глаза маленького человечка. – Знаешь, что мне кажется? – Человечек не торопился опустить глаза.

– Что? – беззаботно спросил старичок и собрался плюхнуться на солому, но посмотрев на нее повнимательнее, передумал.

– Что нас с тобой... **ВИДЯТ!** – Последнее слово человечек рывкнул Тимофею прямо в лицо.

От неожиданности Тимофей отпрянул назад, больно ударился затылком и вжался в стену. Старичок тоже подпрыгнул от неожиданности, только неожиданностью для него был не крик человечка, а реакция Тимофея.

– Не только видит, но и слышит?! – Безмерно удивленный старичок медленно начал подходить к Тимофею.

– Вы... вы меня сейчас съедите? – Тимофей очень старался скрыть дрожь в своем голосе и ему это практически удалось.

– Съедем? – переспросил старичок, и оба гостя залились весёлым заразительным смехом.

Увидев такую реакцию, Тимофей тоже заулыбался.

– А стоило бы? – Неожиданный вопрос человечка мгновенно стёр улыбку с Тимофеева лица.

– Нет, нет, конечно. Но так всегда в сказках бывает: появляются злые духи и забирают детей к себе, – стал оправдываться Тимофей.

– Злые духи, говоришь? – Старичок задумчиво потер подбородок. – А зачем они их забирали? Неужели только для того, чтобы питаться?

– Т-точно н-не знаю, – немного запинаясь произнес Тимофей. – Но мне всегда так казалось.

– Тебе мало рассказывали хороших сказок, – грустно сказал человечек и тут же обратился к старичку: – Слушай, Домослав, принес бы ты парочку пеньков, что ли. Присели бы, поговорили, как люди.

– Это можно, – ответил Домослав и стремительно, но совершенно бесшумно исчез за дверью.

Вскоре он уже ввалился, держа под мышками круглые аккуратные пеньки.

Несмотря на то, что старичок отсутствовал совсем чуть-чуть, Тимофею эти мгновения показались долгими часами, потому что человек продолжал пристально изучать его. В то время как сам Тимофей мог рассмотреть только странные, блестящие в темноте глаза.

– Присядем, – сказал старичок и поставил пеньки на земляной пол.

На один он сел сам, на второй показал Тимофею.

– А как же... – Тимофей хотел сказать про человека, но тот сам прервал его.

– Я прекрасно обойдусь этой замечательной соломой. – Человек обвел грязную, непонятно почему ещё не разложившуюся полностью кучу соломы рукой.

Тимофей послушно сел, сложив руки на коленях. Некоторое время все присматривались друг к другу, хотя человеческому глазу присматриваться в темном помещении было довольно трудно.

– Ну, давай знакомиться, – начал разговор Домослав.

– Только знакомиться придется ему, а не нам, – усмехнулся человек.

– Ты не ёрничай. Не каждому человеку выпадает возможность заглянуть в мир духов, – заступился за Тимофея До-

мослав.

– Мир духов?! – Мальчику не удалось подавить удивленный возглас.

– Что-то вроде того, – доброжелательно ответил старичок. – Мое имя ты уже слышал – Домослав.

Старичок приложил руку к груди, к тому месту, где у людей обычно находится сердце.

– Я Тимофей. – Мальчик повторил жест Домослава.

– Мог бы не представляться, – фыркнул человечек.

– Не фыркай, – осадил его Домослав. – Откуда он мог знать, что мы живем в этом доме уже более тридцати лет?

Тимофей решил промолчать, пока ещё толком ничего не понимая.

– Я домовой, – признался наконец-то старичок. – Я поселился в этом доме через три дня после его появления на свет.

– После того, как его построили? – переспросил удивленный Тимофей.

– Для меня это одно и то же. У всего есть своя душа, и у дома тоже. – Домовой говорил так уверенно, что не поверить ему было невозможно.

– Ага, даже у этой кучи соломы. – Человечек обиженно подбросил грязную горсть.

– Что ты все брюзжишь! – разозлился Домослав. – Представился бы для начала.

Человечек вальяжно разлегся, подложив правую руку под голову:

– Драгомир. Хлевный. – Даже не приподнимаясь, глядя куда-то вверх, человечек помахал рукой.

Познакомившись, домовый наконец смог приступить к интересующей его теме:

– Как ты смог увидеть нас?

Тимофей долго и старательно стал рассказывать о своих приключениях, и если в начале он пытался что-то опустить или пропустить, то домовый мгновенно задавал уточняющие вопросы. Он хотел узнать всё, причем точно и со всеми подробностями.

В оконце уже начал пробиваться солнечный свет, не сколько освещая хлев, сколько разгоняя тьму по углам, когда Тимофей закончил свой рассказ. Домовой задумчиво чесал бороду, а Драгомир сидел, опустив руки и голову.

– Прости, что я был с тобой немного груб. Я не знал, что тебе столько пришлось пережить, – Драгомир подошел и положил руку Тимофею на плечо (для этого Драгомиру из-за небольшого роста даже не пришлось наклоняться).

В это же время дверь с грохотом распахнулась.

– Хватит валяться. – Грубый окрик отца был направлен на то, чтобы Тимофея разбудить, но желаемого эффекта, он, естественно, не произвел. – Где ты взял этот чурбачок?

Отец не удивился гостям, но очень удивился непонятно откуда взявшимся чурбачкам.

– Он нас не видит, не волнуйся, – пробормотал домовый поморщившись (его явно не радовало присутствие отца Ти-

мофея).

– И не слышит! – неожиданно крикнул Драгомир и прыгнул отцу Тимофею прямо под ноги.

Тимофей от такого крика вздрогнул. Хорошо, что отец отнес это движение на свой счет.

– Не дергайся, замухрышка. – Отец сплюнул.

***

Тимофей еще помнил любовь своих родителей. Ласковые руки матери, сильные, но нежные руки отца. Это было так давно... Но Тимофей все еще помнил те счастливые мгновения. Этих мгновений было много, очень много: отец носил его на руках, учил бегать, даже несколько раз давал в руки топор; мать всегда выделяла Тимофею лучшие куски мяса, готовила вкуснейшую кашу, а за щи так вообще можно было променять всё что угодно. Но всё изменилось всего за один год. Воспоминания об этом превратились в сплошной кошмар.

В тот год Тимофею исполнилось семь лет. Семь лет в племени Болотных Мхов считались переходным возрастом – каждый мальчик, достигший семилетнего возраста, должен был пройти испытание... Тимофей его не прошёл... Всего то и надо было, что сходить в лес и убить зайца. Найти и поймать зайца Тимофей сумел, причем сделал это очень быстро (совет племени ещё не успел соскучиться и выпить две чарки медовухи), но вот убить зайца Тимофей не смог. Вро-

де бы ничего сложного, ножом по горлу и всё, но, посмотрев пойманному зайцу в глаза, Тимофей не выдержал, рука с ножом опустилась сама. Три раза заносил он нож над маленьким трясущимся тельцем, и все три раза нож безрезультатно опускался. Совет племени больше не стал ждать. Испытание не пройдено.

Этого отец ему не простил. Мать, как могла, старалась защищать Тимофея, но ей мало что удавалось. Нет, отец не бил его, не издевался, но он проявлял к нему такое равнодушие, после которого многим более слабым людям оставалось бы лишь покинуть отчий дом. Только Тимофей не покинул. В этом ему помогли Святослав и Василиса. Во многом они заменили ему и отца, и мать, они помогли ему обрести самого себя, но теперь их не было. Теперь оставался только лес...

Для Тимофея лес был всем: домом, которого он, по большому счету, лишился; другом, которого у Тимофея никогда не было; обеденным столом, стабильно поставляющим ему съедобные растения, ягоды и грибы. Редко, очень редко он ловил зайцев, но за них он всегда просил у леса прощения, чувствуя свою ответственность за отнятую жизнь. Частенько он приносил дары природы домой, но отец лишь хмуро отворачивался, а мать быстро заводила сына в дом и забирала приношение. Несмотря на свое недовольство, отец поедал всю принесенную еду с завидным усердием.

Тимофею уже стукнуло двенадцать, скоро ему предстояло

стать мужчиной. Конечно, теперь Тимофей уже был не тот. После того, как отец потерял в него веру и целый год игнорировал существование сына, сердце мальчика зачерствело. Своего первого зайца он убил в восемь лет, когда совет допустил его до повторного испытания. Теперь Тимофей справился с ним безупречно. До сих пор перед его глазами проплывало видение окровавленного тельца, которое он поднял над головой и потряс над собой, умываясь свежей кровью. После того события он болел два дня, с трудом передвигаясь по дому. Несмотря ни на что, мнение отца о сыне не изменилось.

Четырнадцатилетия в племени Болотных Мхов ждали все мальчики без исключения. В четырнадцать лет каждый мальчик мог наконец-то стать мужчиной. Ждал и Тимофей. Звание мужчины давало свободу, можно было покинуть отчий дом и начать собственную жизнь. Но Тимофея впереди еще ждали два тяжелых года.

***

– Крив, хватит к нему цепляться. – Вовремя подошедшая мать немного разрядила обстановку.

– Да что тут говорить, растим обузу для племени. – Отец махнул рукой и с опущенными плечами вышел во двор.

Мать подошла к поднявшемуся Тимофею и прижала его к себе. Ничего не требовалось говорить, всё же мать и сын понимали друг друга без слов. Когда она подходила, Драго-

мир быстро отбежал к стене и остановился.

Тимофей старательно делал вид, что в хлеву, кроме него, никого нет, но взгляд сам собой возвращался к новым знакомым. Хорошо, что мама не смотрела ему в глаза, а то кто знает, что она могла подумать, видя бегающие глаза сына (глаза бегают или у того, кто врет, или у того, кто пытается смотреть сразу на двух существ, находящихся в разных сторонах помещения). Мама сразу увела мальчика из хлева, не дав попрощаться с новыми друзьями.

2

Мать и отец ушли работать в поле. Всё же княжескую дань никто не отменял, и каждый год по одной монете с плуга хочешь – не хочешь, а вынь да положь.

Деревня Моховая находилась слишком далеко от больших городов, и княжеский администратор, заезжавший вместе с небольшой охранной дружиной лет семь назад, на общем совете дал селянам верительную грамоту, разрешающую селянам самим собирать налог и отвозить его в город. Это давало некоторую свободу, но все понимали, что будет, если случайно забыть и один разок не отвезти оговоренную сумму. Поэтому жители старательно выполняли свои договоренности.

Тимофей знал всё это, но его считали особенным, слишком слабым, слишком далёким. Жители его не понимали и относились скорее как к блаженному, чем как к нормальному человеку. Тимофей никого не старался ни в чём переубедить. Зачем? Пусть каждый думает, что хочет, главное, чтобы его самого не трогали. А так и получалось. Пока все работали в поле, охотились и занимались собирательством, Тимофей мог заниматься своими делами. Конечно, дел у него особых и не было. Раньше он помогал Святославу, ходил в лес, где, кстати говоря, всегда набирал и грибов, и ягод больше всех, но только всё равно никто не считался

с ним. Как не замечал его отец, так перестали замечать его и остальные жители деревни, не выгоняя Тимофея из своего племени только из-за того, что тот принадлежал к их племени. Да и кто же увечного выгонит?

Тимофей остался дома один. Сегодня никуда идти не хотелось, поэтому мальчик сел на лавку, положил локти на стол и задумчиво уставился в окно.

Весна уже вступила в свои права, медленно, но верно приближаясь к лету.

– О чем задумался? – Голос домового не дал Тимофею задуматься окончательно.

– Понемногу обо всем, – вежливо ответил он, отворачиваясь от окна. – А я думал, что вы только ночью выходите.

– Интересно, куда это мы должны выходить? – Старичок немного пододвинул вторую лавку и сел напротив.

– Э-э-э... Я имел в виду... – смешавшись, начал пояснять Тимофей.

– Что ты имел в виду, я понял, – улыбнулся Домослав. – Но как ты представляешь нашу жизнь, если мы появляемся только по ночам?

– Не знаю, несколько дней назад я вообще вас никак не представлял. Конечно, я слышал рассказы сказителей, но встретиться лично – это совершенно другое.

– Несомненно. Но я пришел по другому поводу. Ты не обижайся на Драгомира. Он столько всего натерпелся

от твоего отца, что понять его нетрудно.

– Как это? – встрепенулся Тимофей

– Все очень просто. Были свиньи, за хлебом присматривали, убирали, заделывали дыры, меняли солому. А что теперь?

– А разве Драгомир сам не может разобраться?

– Может, и даже разбирался некоторое время, но, видя бесполезность своих усилий, он обиделся. Нет ничего обиднее, чем выполнять бесполезную работу. Ты и сам-то в хлев никогда не заходил, только наказание вынудило тебя в нем оказаться.

– Зато как вовремя! – радостно воскликнул Тимофей.

– Вовремя... – улыбнулся Домослав. – Наша Судьба всегда все делает вовремя.

Они помолчали.

– Знаешь, что обозначает имя Драгомир?

– Да. Дороже мира. И я знаю как понимать твое имя, – весело улыбаясь, добавил Тимофей. – ДомАслав – прославляющий родню!

Домовой рассмеялся и громко стукнул рукой по столу.

– Вот так всегда. Все ошибаются. Мое имя происходит от слова «дом», поэтому ДомОслав, а не ДомАслав. Чувствуешь разницу?

– Извини, я поторопился. – Тимофей огорченно опустил голову.

– Ничего-ничего, я домовой, поэтому Домослав вот и всё.

А вот Драгомира ты правильно охарактеризовал. Он считает себя и всё, что он делает, дороже мира. Так было до тех пор, пока его не бросили. Точнее, не бросили его дорогой и любимый хлев. Теперь он не чувствует свою нужность, не видит смысла что-либо делать.

– Я понимаю его... – прошептал Тимофей.

– Я с самого рождения наблюдаю за тобой. И картина меня радует, – начал рассуждать Домослав.

– Чем же это? – грустно усмехнувшись, спросил Тимофей.

– Тебе можно доверять. Ты не такой, как все.

– А остальным, значит, доверять нельзя?

– Можно, конечно, можно, но как бы отреагировали они на увиденное?

– На вас, что ли? – Угрюмая усмешка не покидала лицо Тимофея.

– На нас, на волхва, на Налёт, даже на улетающие души Святослава и Василисы. Многим ты рассказал об увиденном?

– Кроме вас, никому.

– Вот видишь. Любой другой мальчишка, да и взрослый человек тоже, уже давно бы растрепался по всей деревне. Стал бы строить из себя героя, а ты нет.

– Мне бы все равно никто не поверил.

– И поэтому тоже мы можем с тобой совершенно спокойно общаться.

– А где ты живешь? – спросил Тимофей.

– Как где? В доме, конечно.

– Да нет, это я понимаю, но где в доме? У тебя же есть какое-то свое место?

– Обычно я сижу за печкой. Там тепло, уютно и спокойно. Особенно долгими зимними ночами. Бывало, прислонишься к печке спиной, прогреешься хорошенько, наберешься тепла, и потом холод всю неделю не страшен. – Во время своего рассказа Домослав слез со скамейки, подошел к печке и любовно погладил ее своей большой ладонью.

У Тимофея наконец-то появилась возможность рассмотреть домового целиком. Ночью было слишком темно, а сейчас весь разговор велся с головой домового, торчащей из-за стола. Домовой и правда казался маленьким старичком, только вот серая шерстка, покрывавшая всё его тело (даже ладошки домового и те не избежали такой участи), да волосы с бородой сивого цвета отличали его от обычного человека. Внимательно присмотревшись, Тимофей заметил на домовом свою рубашку, пропавшую в прошлом году. Рубашка была Домославу немного велика, так что он ее подтянул немного кверху и перепоясал отцовским кушаком (кушак явно был отцовский, Тимофей даже припомнил тот день, когда отец весь дом перевернул кверху дном, отыскивая пропажу). Единственное, что Тимофей не узнал, это штаны и лапти.

– Никогда не догадаешься, откуда штаны, – сказал Домослав, а Тимофей, сконфузившись, сразу опустил глаза. – До-

мовые очень внимательны, всегда помни это. Да и догадаться о твоих мыслях сейчас было совсем несложно.

Тимофей хотел оправдаться, но домовой остановил его движением руки.

– Не извиняйся. Чтобы предварить все вопросы по поводу одежды, напоминаю, – начал рассказывать он, но тут же сделал отступление: – Кстати, про меня твоя бабуля рассказывала тебе девять лет назад.

Домовой снова сел на лавку, подложив под себя ногу, чтобы оказаться хоть немного повыше.

– Итак: рубаха твоя, ты её сразу же узнал. Она была тебе уже мала, так что я решил, что для меня она окажется более полезна. Штаны я сделал себе сам из старого платья твоей матери. Хорошо, что она не любит яркие цвета, а коричневый цвет выглядит на мне, как родной. Она как раз собиралась избавиться от него, подарив соседке, я решил, что... Впрочем, ты понял, что я решил. Лапти сам плел, сам собирал.

– А как же кушак? – не выдержал Тимофей, когда увидел, что домовой не собирается продолжать.

Веселость домового как рукой сняло.

– Я, конечно же, знал, что ты спросишь, но отвечать на этот вопрос мне очень неприятно. Твой отец сильно разозлил меня. Так запустить свой дом! Да без меня он бы давно уже развалился! – Домослав чуть не кричал. – В смысле дом, не отец твой. Недаром у него и имя подобрано – Крив. Так и знал, что это имя ничего хорошего ему не принесёт.

Но не в моей власти давать людям имена.

– Ты помнишь моего отца маленьким? – удивился Тимофей.

– Мне очень много лет, малыш... Не удивляйся, но я имею право называть малышом и твоего отца, и отца его отца, да и еще пару тройку поколений.

– Ты так долго живешь? – Тимофей снова удивился, хотя казалось, что удивиться больше уже невозможно. – А я думал, что домовой появляется вместе с домом, а затем исчезает, если дом разваливается.

– Да, невысокого мнения ты о домовых, – усмехнулся Домослав. – Духи живут сами по себе, временами вселяясь в тот или иной предмет. Есть духи добрые и злые. Добрые никогда не вселяются в людей, стараясь помогать им другими путями, а вот злые духи не только пакостят изо всех сил, но и вселяются в людей. – Домовой внимательно посмотрел на Тимофея. – Я говорю тебе всё это только для того, чтобы ты был настороже. Ты видишь духов, а духи очень быстро узнают, что ты их видишь. И вот тогда только держись. Дашь слабину и всё, нету тебя.

– Неужели всё так просто? Злой дух захотел – и вселился?

– Нет, все совсем непросто. У человека всегда есть возможность спастись. Да и напасть дух может только на человека, давшего слабину: совершившего плохой поступок, живущего не по правилам жизни, а по правилам смерти.

– Что это за правила?

– Их нельзя объяснить, каждый должен сам выбрать свой путь.

Раздался стук в дверь. Тимофей обернулся на звук, а когда повернулся к домовому, то уже никого не увидел. Как мальчик и ожидал, за дверью никого не оказалось. На всякий случай он ещё заглянул за печку, но там тоже была лишь пустота.

3

Теперь Тимофей знал, что делать. Отец хлев не закрывал (если, конечно, не наказывал Тимофея), брать-то внутри всё равно было нечего, так что попасть внутрь не составляло никакого труда.

Первым делом предстояло достать свежей соломы. Для Драгомира, возможно, сено было более удобно, но достать его весной лучше даже не пытаться.

Тимофей, задумавшись, по инерции пошел привычной дорогой к дому Святослава. Он уже подходил к порогу, когда дверь распахнулась и из дома вывалилась старуха, нагруженная разными вещами, основную массу которых представляла одежда, заячьи и кротовые шкурки (Святослав в свое время любил поохотиться на кротов, расставляя хитроумные ловушки).

– Баба Ждана? – несколько удивленно спросил Тимофей, подбегая к старухе и помогая ей подняться.

– Что Баба Ждана? Я уже больше шестидесяти лет баба Ждана. – Сердито причитая, старушка поднималась с помощью Тимофея.

– Извините, я не ожидал вас здесь увидеть. – Тимофей старательно помогал собирать разлетевшиеся вещи, а заодно и свои разбежавшиеся мысли, не понимая, что же происходит.

– А кого же ты ожидал? Лешего, что ли! – Старуха сплюнула. – Будь он неладен.

Тимофей окончательно вышел из задумчивости и все понял. Святослава теперь нет. Это значит, что его вещи теперь никому не нужны, дом подвергается разграблению родственниками. Да, собственно, кому же всё забирать, как не родственникам?

– Нет. Леший живёт в лесу, что ему тут делать? – ответил Тимофей.

– Да знаю я, где кто живет. Тебе чего надобно? – Старушка внимательно посмотрела на мальчика поверх шкурок.

Несмотря на то, что она всегда ворчала, к Тимофею старушка относилась хорошо. Она поняла, что его тяготило.

– Посиди-ка ты в доме немного, я сейчас вернусь. – Баба Ждана быстрым шагом направилась к соседнему дому.

Тимофей нехотя толкнул приоткрытую дверь. Святослав только-только покинул наш мир, а его вещи уже разбирали. В доме нетронутыми оставались только крупные предметы – стол, скамейки, кровать, печка. Всё остальное было разобрано и в большинстве своём вынесено. Оставалась лишь небольшая часть полезных вещей. Тимофей растерянно сел на скамейку спиной к столу. Не успел он осмотреться, а баба Ждана уже вернулась.

– Грустишь? – спросила она с порога.

Тимофей опустил голову и пожал плечами.

– Вижу, что грустишь. – Баба Ждана села рядом, поло-

жив руку Тимофею на голову. – Нельзя грустить по умершим, они же улетели туда, – старуха ткнула пальцем в потолок, – на небо.

– Я знаю, – огорченно прошептал Тимофей. – Но это ему там хорошо, а мне-то здесь без него плохо.

Святослава похоронили в день его смерти. Сначала многие люди думали, что Святослав сам спрыгнул с церкви, а самоубийство никто не уважал, и если бы не случайные свидетели, то быть бы Святославу проклятым. А так теперь он герой. Тимофей радовался этому больше, чем исчезновению колдуна. И еще он радовался тому, что не ему пришлось оправдывать Святослава. Тимофей понимал, что ему бы просто никто не поверил: мало ли что говорит этот местный дурачок, ну померещилось ему, чего такого. А так нашлись свидетели и без него. Но все же Тимофей грустил не так уж сильно – радость за своего друга перевешивала эгоистические чувства, но об этом знал только он.

– Все мы кого-то теряем. Но надо жить дальше, – успокаивала его старуха.

– Я хотел починить наш хлев. – Неожиданно для себя Тимофей сказал то, что занимало его голову.

– Что? – Рука бабы Жданы, глядящая Тимофею по голове, застыла в воздухе. – Починить хлев? Это вашу-то развалюху?

– Да. – Тимофей понял, что уже поздно отступить.

– Тоже дело, – неожиданно легко согласилась Баба Жда-

на. – Заведешь какую-нибудь зверушку, будешь за ней при-
сматривать. Лучше, конечно, порося. Он и в хозяйстве при-
годится, и возни с ним не так много... Заведешь?

– Может быть, – Тимофей не знал, что и сказать. Не рас-
сказывать же про Драгомира.

– Заведи, заведи. Все, что тебе нужно, можешь взять в хле-
ву у Святослава. Они с Василисой никакой живности не раз-
водили, но за хлевом, доставшимся от отца Святослава, сле-
дили безукоризненно. Разве что последний год... – Она за-
молчала. – Не волнуйся, я предупрежу всех наших. – Баба
Ждана обняла Тимофея, поцеловала в лоб и отпустила.

Тимофей пошел к дверям, но затем порывисто обернулся:

– Спасибо вам большое, баба Ждана, – Он до пола покло-
нился ей, проявляя всё возможное уважение.

– Да ладно уж, иди, не отвлекай от дел. – Старуха снова
вернулась к своему излюбленному ворчливому тону.

Тимофей быстрым шагом направился к хлеву.

– И почему у каждого дома должен быть хлев? – удивлялся
Тимофей.

Хотя чему здесь было удивляться, какая-никакая жив-
ность была у каждой семьи. Даже его отец когда-то держал
свиней, а теперь у них был лишь пустой хлев... Почти пу-
стой.

Тимофей подошел к хлеву и вздохнул. Он так долго был
знаком со Святославом, но ни разу не был внутри этой

небольшой пристройки. Мальчик понимал, что ничего особенного или из ряда вон выходящего в хлеву быть не должно. Но все равно в душе было больше грусти, чем ожиданий.

Снаружи все выглядело как обычно, только над дверью Тимофей не увидел веточки чертополоха, а ведь его вешали над дверью каждого хлева, чтобы хлевный не делал скотине никакого зла. То ли чертополох был не нужен, так как некого было охранять, то ли Святослав считал, что хлевный и так ничего плохого не натворит.

Постояв немного перед закрытой дверью, Тимофей решил и вошел внутрь. Осмотревшись и не увидев ничего особенного, мальчик вежливо попросил прощения у Святослава (вдруг его дух еще продолжает следить за своим домом?).

Несмотря на то, что хлевом никто не пользовался, здесь все было в полном порядке. Чистота свежий воздух, никаких следов запустения. Вероятно, Святослав, потеряв жену, может механически, а может быть просто для того чтобы отвлечься, продолжал выполнять хозяйские обязанности, не бросая свой дом на произвол судьбы. Тем обиднее было наблюдать за тем, как растаскивался этот дом теперь.

Собирать чистую сухую солому было одним удовольствием и не составляло никакого труда.

– Воруем, значит, помаленьку. – Спокойный голос раздался у Тимофея за спиной.

– Драгомир? – медленно разгибаясь и оборачиваясь, спро-

сил Тимофей, но, увидев человечка, тут же понял свою ошибку.

– Не угадал, – сказал человечек, выходя из тени.

– Простите, вы хлевный? – По большому счёту, Тимофей впервые видел хлевного живьём (тот силуэт, с зелёными глазами, с которым Тимофей разговаривал ночью, трудно назвать чем-то или кем-то реальным).

Одежда хлевного была вся собрана из соломы: соломенный кафтан, соломенные штаны и даже соломенные лапти. Но легко сказать «соломенные» – солома переплеталась так замысловато и прилегалась так чётко, что догадаться о том, что перед нами солома, было очень сложно.

– Воспитанные люди сначала называют себя, а затем спрашивают у других. – Человечек упёр руки в боки и с усмешкой глядел на Тимофея, который совсем смешался после такого вступления.

– Тимофей, – тихо прошептал он. – Человек, – непонятно зачем добавил он.

– То, что ты человек, я вижу, а то, что ты Тимофей, мне уже сказали. – Человечек рассмеялся и тут же сказал, предваряя вопрос Тимофея: – Но это вопрос не ради вопроса. Воспитание всегда должно быть воспитанием. Это я такой добрый и спокойный, а вот некоторые могут и вспылить. Да, я хлевный. Станимир. – Человечек приложил ладонь к сердцу (если, конечно у хлевных вообще есть сердце), наклонил голову, после чего вновь уставился на Тимофея.

– Тогда ты уже знаешь, для чего я беру немного соломы, – опустив глаза, тяжело проговорил Тимофей.

– Бери, бери, для такого дела не жалко. К тому же лучше будет, если её заберешь ты, чем эти многочисленные родственники.

– Тимофей не понимал, почему Станимир высказывал к родственникам Святослава такое пренебрежение.

– Спасибо, – Тимофей вернулся к соломе. – Я не заберу у тебя все, мне хватит и малого.

– За меня не беспокойся. Бери сколько надо.

Тимофей нагрузился соломой и направился к двери, повторно поблагодарив Станимира. У самой двери Станимир подскочил к Тимофею и схватил его за руку, отчего мальчик чуть не выронил так тщательно отобранную солому.

– Помоги Драгомиру. Он ведь был очень хорошим хлевым. Я только сейчас начинаю его понимать.

– Тимофей кое-как обернулся, глядя поверх наваленной кучи. Станимир понуро провожал его взглядом.

– Когда мы всё восстановим, приходи к нам. Для меня ты всегда будешь желанным гостем, – Тимофей поддел ногой дверь и вышел наружу.

Дверь за ним захлопнулась сама, как мальчику показалось, со словом «удачи».

Быстро добежав до дома, Тимофей сложил принесенную солому рядом с дверью своего хлева. Распахнув дверь, впуская свежий воздух, мальчик вошел внутрь. Неприятная по-

лутьма поглотила его и затащила внутрь. Работать предстояло очень много, но Тимофей никогда не боялся трудностей.

Собирать тухлятину, которая когда-то была соломой, а теперь представляла из себя непонятное месиво, оказалось очень сложно. Она застревала в щелях, проваливалась между досок, пачкала пол. Из растревоженной соломы в разные стороны понеслись жуки и многоножки. Тимофею пришлось выходить не один и не два раза, прежде чем под этой кучей стал просматриваться пол, или, точнее, то, что от него осталось (обтёсанные бревна, служившие полом, когда-то были предметом зависти всей деревни. – у большинства селян полы были земляными, но сейчас даже в полумраке было видно, что представляют они собой ужасное зрелище). Теперь руки марать было слишком противно, да и опасно – кто знает, что может скрываться под этой топкой массой (откуда взялась вся эта сырость, еще предстояло подумать)? Так что Тимофей решил воспользоваться рогатиной, всегда хранящейся в сенях избы (отец ею практически не пользовался, на охоту он ходил очень редко, а для чего-нибудь другого применить рогатину у него воображения не хватало).

Рогатина была широкой, но Тимофея это не смущало – главное, чтобы было чем ковырять. Попробовав подцепить грязную солому несколько раз, Тимофей понял тщетность своих усилий и в сердцах ткнул рогатину в остатки соломы.

– Ай! Ты чего дерёшься! – Солома разлетелась в разные стороны, и на поверхности показался Драгомир. – Чего это

ты делаешь? Что задумал? – начал он наступать на Тимофея. – Это моя солома, положи на место! – Драгомир спросонья только сейчас обратил внимание на отсутствие большей части его любимой соломы. – Куда ты все подевал?

– Извини, что я тебя зацепил, вся эта мерзость теперь на гумне догнивает, – Тимофей сам удивился своему спокойствию. – Не волнуйся, я принёс тебе замену.

– Какая может быть замена? – Драгомир не знал, что и сказать, но сдаваться не хотел.

– Соломой, конечно. Потерпи немного, я сейчас всё убе-ру. К сожалению, эта рогатина мне не подходит, придётся возиться вручную.

– А ладно. – Драгомир махнул рукой. – Вся жизнь моя сплошное недоразумение. Можешь издеваться надо мной дальше.

Тимофей не стал ничего отвечать, а принялся за дело.

К сожалению, уборка заняла весь день. Тимофей носился туда сюда, то к гумну – выбрасывать мусор и грязь, то к реке – отмываться и нести воду. Чем больше он тер и поливал водой, тем сильнее размазывалась грязь. Тимофей уже начал терять терпение, но тут помог домовой, предложив Тимофею какой-то серый порошок. Высыпав его в бадью с водой, Домослав помешал жидкость большой деревянной ложкой и предложил Тимофею попробовать помыть пол теперь. Тимофею уже было трудно удивляться (слишком уж много всего произошло за последнее время), но так быстро пол начал

принимать приятный и совершенно чистый вид, что мальчик на радостях помыл даже стены, боясь, что моющие свойства воды закончатся.

За этим занятием его и застали родители. Отец сначала захотел раскричаться и даже успел воскликнуть: «ЧТО?!», но потом плюнул на чистый пол и ушел в дом. Мама же подошла к Тимофею, похвалила его и позвала к столу, но попросила подойти только после того, как поест отец.

– Я бы хотел переселиться в хлев, – опустив глаза, тихо сказал Тимофей.

Мама уже была в дверях, но тут же быстрым шагом вернулась к Тимофею.

– Ты что? Ты же не животное, что о нас подумают другие?

– Вот видишь, вам важнее то, что думают другие, а не я! – обиженно воскликнул Тимофей.

– Как знаешь. Посмотрим, что скажет отец. – Видя состояние сына, мама понимала, что спорить с ним сейчас было бесполезно.

На удивление Тимофея, отец согласился очень легко:

– Туда ему и дорога. Я же говорил, что у меня больше нет сына, так, непонятная зверушка какая-то. Может, ему вообще лучше перебраться в лес? – Он усмехнулся собственным словам и отвернулся, больше никогда не обращаясь к этой теме.

Тимофею такое поведение отца было только на руку.

Тимофей уже отмыл всё, что можно было отмыть и вынес всё, что можно было вынести, когда мать принесла ему еду прямо в хлев.

– Отец сказал, что теперь ты будешь есть только здесь.

Тимофей ничего не ответил, только взял из маминых рук большую глубокую деревянную тарелку с наваристым супом. Мама немного подождала, посмотрела, как сын усаживается на деревянный пол, грустно отвернулась и пошла к двери.

– Спасибо, – Тимофей всегда был очень вежлив, и он не смог промолчать. – Не беспокойся мам, я здесь всё замечательно устрою. Заодно и вам мешать не буду.

– Ты нам и так не мешаешь! – порывисто ответила мама.

– Мне пора становиться мужчиной, я должен подготовиться к испытанию. – Этот ход уже давно был придуман Тимофеем, ради такого мама разрешит ему всё, что угодно, а отцу и так на всё наплевать.

– Может быть, ты и прав, – сказала она, потрепала Тимофея по голове и вышла.

– Ну вот, я остался совсем один, – сказал Тимофей, глядя в пустоту, и жадно глотнул еще горячий суп.

– Ничего себе один! – услышался голос Драгомира. Тот все это время провел, слоняясь из угла в угол, несколько раз он даже выглядывал наружу, как бы чего-то опасаясь. – Меня

тут уже ни во что не ставят!

– Нет конечно. Хочешь супу? – Тимофей попытался задобрить хлевного.

– Нет спасибо, сам питайся. Тебе расти надо, – успокоил его Драгомир. – Я себе еду найду, всю жизнь жил без подачек, и дальше проживу.

– Но это не подачка! Я делюсь с тобой от чистого сердца, – обиделся Тимофей.

– Не цепляйтесь друг к другу. – В дверь прошмыгнул Домослав. – Я лишь чуть-чуть послушал вас, а вы уже ругаетесь.

– И ничего мы не ругаемся, – ответил Драгомир. – Но неправильно же говорить «я остаюсь один», когда всем известно, что здесь еще полно народу!

– Полно не полно – главное, что кто-то есть, – поддержал Драгомира Домослав. – Но и кричать об этом тоже не стоит. Дал бы мальчишке поесть спокойно. Сам-то небось не забыл себе брюхо набить?

– Ну набил, ну и чего.

Тимофея эта фраза удивила – когда это Драгомир успел поесть? Разве что пока Тимофей выбегал наружу.

Домовой также сел на пол напротив Тимофея, а Драгомир развалился от него по левую руку.

– Вот, теперь придется на жестком полу корячиться, – обиженно пробубнил Драгомир.

– Ой, что ты! – воскликнул Тимофей и выбежал наружу.

– Чего ты гоняешь парня? Дал бы доесть спокойно, – по-

журил своего друга Домослав.

Драгомир не успел ничего ответить, Тимофей уже затаскивал внутрь свежую солому. Теперь мальчик и сам удивлялся, как он сумел донести всю эту кучу за один раз. Чтобы собрать солому со двора, на котором ее уже немного потрепал ветер, пришлось ходить трижды. Тимофей собирался раскидать солому по полу, но домовой остановил его.

– Отложи-ка ты это дело на завтра. Вон, уже темнеет, а завтра я помогу тебе с этими деревяшками. – Домослав постучал ногой по полу.

– А как же спать? – обиженно спросил Драгомир.

– Собери себе небольшую кучку и спи на здоровье! – воскликнул домовой.

Темнота спускалась довольно быстро. Мама зашла, забрала посуду, которую Тимофей за разговорами даже не успел помыть, пожелала спокойной ночи и ушла, оставив Тимофея, как она считала, одного. Мальчик уютно устроился рядом с Драгомиром, который уже лежал на боку, сладко подложив ладошку под голову. Драгомир не протестовал. Домослав, пообещав зайти пораньше, испарился (Тимофей так и не заметил, как домовой исчез).

Сон никак не шёл, но Тимофей очень боялся потревожить Драгомира и поэтому не шевелился, хотя очень хотелось немного повертеться на месте. Зато думать ни о чем не думалось, так что мальчик просто глядел в потолок, раз-

глядывая темные обтесанные бревна. Может быть именно свободная рассредоточенность помогла Тимофею заметить краем глаза какое-то движение.

Сумерки уже практически перешли в темноту, но мелькнувшая тень все же выделялась на фоне надвигающейся темноты. Обострившиеся чувства Тимофея помогли разглядеть маленькую согбенную старушку, медленно и плавно передвигающуюся от двери прямо к нему. Тимофей замер, не зная, что предпринять.

Драгомир так же спокойно сопел рядом, так что совета спросить было не у кого, решать надо было самому. А что тут решишь? Ничего агрессивного старушка не предпринимала, но может, это только пока? А старушка все приближалась и приближалась к Тимофею. Остановившись рядом с мальчиком, она внимательно посмотрела ему в глаза. Тимофей сдержался, продолжая смотреть в потолок, наблюдая за старушкой только краем глаза.

– Бедный мой мальчик, – прошептала она. – Столько всего натерпелся. Предыдущую ночь не спал, сейчас снова глаза не закрываются. Так не годится.

Ее мягкая, теплая, ласковая рука легла Тимофею на глаза. Невероятно приятное чувство охватило Тимофея. Тело расслабилось, привычное напряжение ушло, оставляя только приятное чувство покоя. Волны сна унесли сознание мальчика в мир сна, оставляя все беды, проблемы и заботы где-то далеко-далеко позади.

– Встаём ребята, хватит спать,
бока так можно отлежать!

Громкий голос домового вырвал Тимофея из сладкого сна. Домовому явно не терпелось приступить к работе. Тимофей резко сел, а Драгомир перевернулся на спину и мутными сонными глазами посмотрел на Домослава.

– К чему всё это? – Драгомир закрыл лицо руками. – Чтобы я жил как Станимир, в чистом и ухоженном хлеву, но совершенно один? К чему такая жизнь?

– Сначала надо привести всё в порядок, а там и видно будет, – резонно ответил Домослав. – А ты, – обратился он к Тимофею, – быстро иди умывайся, мамка скоро завтрак принесёт.

Уже возвращаясь, Тимофей увидел выходящую из дома маму с большой дымящейся деревянной плошкой в руках.

– Тимофей! Держи скорее, мне еще надо собрать отца.

Мальчик быстро подбежал, с благодарностью взял теплую плошку и уже намного медленнее пошел в хлев. Но он ещё не успел дойти до дверей, как мама позвала его вновь. Тимофей быстро поставил плошку на порог хлева, и вернулся. Она передала ему небольшой кувшин с молоком, ломоть хлеба и деревянную ложку. Когда Тимофей принес всё это богатство в хлев, то сразу увидел Драгомира, внимательно

разглядывающего содержимое плошки.

– С тобой поделиться? – вежливо спросил Тимофей и, не дожидаясь ответа, сунул в руку Драгомира большую деревянную ложку.

– Спасибо, конечно. – Хлевный с сомнением повертел столовый прибор. – Уже лет, – он задумался, – семь или восемь мне никто не оставлял никаких подношений. А тут дают целую бадью, – он принюхался, – овсяной каши!

– Ты на всё, пожалуйста, не рассчитывай, – немного охладил его Домослав.

– Чего? Тебе оставить? – хитро сощурившись, спросил Драгомир и спрятал ложку за спиной.

– Нет, – отмахнулся домовый. – Я себе всегда пропитание найду, а вот мальчишку не мешало бы подкормить. Вон, одна кожа да кости.

– Да понимаю я всё, – отмахнулся Драгомир. – Но от угощения никогда не отказываюсь, тем более когда предлагают раз в десять лет.

– Ты же говорил семь-восемь? – рассмеялся домовый.

– Ну семь-восемь, разница-то всего на пару лет, – ответил Драгомир и погрузил ложку в плошку. Затем довольно вдохнул запах всё ещё горячей каши. – Ах! – Хлевный закрыл глаза. – Какая красота!

Съел он совсем немного, но поблагодарил за угощение и, блаженно улыбаясь, завалился на солому.

– Глядишь, так и жить захочется, – проговорил он, под-

кладывая руки под голову.

Тимофей присел на пол и принялся уплетать остатки каши за обе щеки, изредка закусывая её хлебом и запивая свежим молоком. Пока мальчик ел, домовый раскрывал план дальнейших действий.

– Кое-где я тут подсоблю, заменим бревна на полу, нечего нам тут гниль разводить. Затем прорубим еще пару окон, тем более что теперь тут будет жить Тимофей. Подправим вот этот загончик. – Он пальцем показал в правый дальний угол, в котором ничего не говорило о возможном наличии какого-либо загона.

– Слушай, ты чего тут раскомандовался? – Драгомир резким движением принял сидячую позу. – Тут загона уже сто лет как не держали! Я уж не говорю о животине.

– Не пререкайся! Не понравится, вернем всё на место. Не стоит замыкаться на себе, надо смотреть в будущее, – урезонил хлевного Домослав.

– А если будущего нет? – Драгомир огрызнулся, но без большого рвения.

– Как нет? – удивился Тимофей, вылизывая тарелку. – Будущее всегда есть, другое дело, что оно всегда где-то впереди.

Драгомир хмуро глядел на Тимофея исподлобья. Затем отвернулся и сел лицом к стене прямо на пол, игнорируя свою любимую солому. Тимофей и домовый некоторое время смотрели на хлевного, но тот не шевелился. Тогда Домо-

слав махнул рукой, а Тимофей быстро допил остатки молока и побежал относить посуду матери, предварительно убедившись в отсутствии отца, который снова ушёл в поле.

Мать оставалась дома, но у мальчика было слишком много дел, чтобы отвлекаться на какие-нибудь разговоры. Он чмокнул маму в щёку, поблагодарил и тут же убежал обратно.

Вернувшись в хлев, Тимофей увидел, как Домослав вытаскивал аккуратно вырезанные куски бревен, создавая новые окошки. Домовой уже добавил два окна – небольших, шириной всего в два бревна, но вполне функциональных.

– Проветривать такое помещение надо хорошо, чтобы никакая зараза не заводилась, – пояснил Домослав.

– Как ты так быстро? – удивился Тимофей. – Я же только туда и обратно!

– Долго ли умеючи, – усмехнулся Домослав. – Не в этом дело. Полom займётся ночью, не хотелось бы привлекать много внимания. А тебе, Тимофей, придётся подыскать подходящие материалы для загона, какой же иначе это хлев?

Тимофей согласно кивнул и пошел в лес. Драгомир всё так же обиженно сидел, ни на кого ни глядя.

В лесу, который уже проснулся после зимней спячки, но еще не вошел в полную силу, было непривычно тихо. Люди в это время года выходили в лес редко, разве что подновить запасы дров да набрать сладких кореньев. В лучшем

случае можно было пособирать сморчки, что Тимофей попутно и делал, складывая морщинистые коричневые грибы в холщовый мешок, всегда болтающийся у него за спиной (никогда не знаешь, что получится отыскать в добром лесу). А вот с палками для загона дела обстояли плохо. Все знакомые места уже были проверены, но ничего путного найти так и не получалось.

Тимофей всё глубже уходил в лес, стараясь отыскать следы бурелома или одиноких поваленных деревьев. Как назло, всё выглядело чистым и ухоженным. Вековые сосны, уходящие высоко-высоко вверх, стройными рядами стояли, окаймленные плотным мхом. То в одном месте, то в другом стояли одинокие кусты, создавая небольшие, непонятно для кого сделанные укрытия.

Тимофей брёл, лихорадочно перебирая в голове все знакомые залежи деревьев, но на ум ничего не шло. Всё, что он помнил, уже давно проверил, все хорошие бревна разобрали люди из его племени, а подгнившие и еле державшиеся палки и пни мало на что годились.

Непонятный треск, раздавшийся по левую руку, привлек внимание Тимофея. Слева явно кто-то шел, но вот кто? Как мальчик ни вглядывался, ничего путного у него разглядеть не получалось. Треск ненадолго затих, а затем снова повторился. Тимофей не испугался, но торопиться идти на шум не собирался. Вскоре раздался громкий щелчок, и наступила тишина. Тимофей постоял немного на месте, внимательно

прислушиваясь, но ничего подозрительного так и не услышал. Где-то вдалеке щебетали птички, высоко в ветвях, качая тонкие макушки, шумел ветер – и всё. Никаких посторонних звуков.

Вначале Тимофей даже решил, что ему померещилось. Но чтобы долго не гадать, проще проверить. Мальчик очень тихо, крадущимся шагом направился в сторону шума, точнее, в ту сторону, где он последний раз слышал треск. А торопиться и правда не стоило. Вдруг это люди лихие, которые временами пытались прятаться в здешних лесах да на болотах от гнева князя? А может и дикий зверь подобрался к человеку слишком близко?

Волков Тимофей не боялся – от них все равно не убежишь, а напрасный страх только мешает человеку, а вот встретиться с медведем или кабаном было бы весьма опасно, особенно сейчас, когда одни только проснулись после зимней спячки, а другие ходят отощавшие после голодных снежных месяцев. Но, несмотря на опасность, любопытство брало свое.

***

Тимофей сделал не более трех шагов, когда справа от него раздался тяжелый вздох. Мальчик чуть не подпрыгнул, но всё же сумел сдержаться и внимательно осмотрелся.

В небольшой куче старого валежника лежал дрожащий полосатый комок живой плоти. Комочек тяжело дышал, из-

редка совершая бесполезные попытки подняться. Колючие ветки никак не хотели его отпускать. Тимофей нагнулся и осторожно прикоснулся к маленькому зверю. Это был поросёнок, только не розовый ухоженный домашний зверь, а полосатый дикий.

Прикосновение мальчика заставило поросёнка вздрогнуть, а его сердце, биение которого отчетливо ощущалось под тонкой кожей, забилось с бешеной скоростью. Тимофей даже испугался, как бы поросёнок не умер от страха. Но поросёнок не умер, он с трудом приподнял свою маленькую головку, посмотрел на человека и снова уронил её на ветки. Ему стало уже всё равно, он явно находился на пределе своих сил и возможностей.

Тимофей бережно просунул руку под маленькое тельце и приподнял поросенка, попытавшись поставить его на ноги. Тимофей сразу почувствовал, что руки попали в какую-то жидкую липкую массу. Приподняв поросёнка, он увидел падающие красные капли. «Это кровь!» – испугался он, но поросёнка не бросил. Что делать?

Тимофей внимательно осмотрел животное. Небольшая рваная рана на левом боку поросёнка сильно кровоточила. Если бы она была хоть чуть-чуть побольше, то бедный поросёнок уже был бы мертв. А так... А что так? До деревни было далеко, даже если бежать изо всех сил, поспеть было невозможно. А смерть приближалась к поросёнку с каждой вытекающей каплей крови.

Выбора не оставалось, но сдаваться Тимофей не собирался. Он бережно завернул раненого зверя в свой потрёпанный плащ и быстрым шагом направился в сторону дома.

Он всё шёл и шёл, чувствуя, как пропитывается плащ тепловой кровью, как все медленнее и медленнее стучит сердечко бедного поросёнка, но он заставлял себя идти. За последние дни он уже видел много смертей, больше не хотелось. Чуть не плача, он перешел на легкий бег.

– Ты не успеешь, – раздался старчески-дремучий голос откуда-то свысока.

Тимофей резко обернулся на голос и остановился. Огромная деревянная сучковатая нога опустилась рядом с ним. Тимофей провёл взглядом по ноге, поднимаясь всё выше и выше, пока не пришлось совсем задрать голову к небу, где высоко-высоко, на уровне самых высоких деревьев он увидел огромную лохматую голову, с выделяющимися большими коричневыми глазами и крупным прямым толстым носом.

– Кто ты?! – крикнул Тимофей и отступил назад, уперевшись спиной в ствол старой сосны.

– Леший! – раздалось в ответ. – Кто же ещё? – Леший усмехнулся. – Мне так же жаль этого кабанёнка, как и тебе. Люди убили его мать и братьев, а смерть его отца ты видел собственными глазами.

«Неужели?» – подумал Тимофей. – «Это был тот самый кабан, которого растерзал Налёт? Как же сильно переплела жизнь все судьбы...» Размышления пролетели за считанные

мгновения.

– Почему ты не спас кабана? – крикнул он Лешему.

– Я стараюсь не вмешиваться в чужие судьбы. Только в крайней, очень крайней необходимости. Сейчас я чувствую, что жизнь этого крохотного существа не должна оборваться. Ты должен его спасти. – Огромная рука опустилась к Тимофею.

Мальчик инстинктивно отшатнулся, но деревянная лапа, щедро заросшая мхом, мягко, но крепко обхватила его, а затем подняла над землёй. Тимофей даже зажмурился от страха, но затем осмелел и стал внимательно осматриваться вокруг. Деревья проносились мимо с огромной скоростью. Уже нельзя было ничего разглядеть, даже облака, казалось, ускорили свой бег. Тимофей еще не успел прийти в себя, а уже оказался на знакомой опушке. Леший поставил его на самой границе леса.

– Беги, друг мой, ты должен спасти этого кабана, – сказал Леший и исчез.

На всякий случай Тимофей поблагодарил пустоту и побежал к дому. Вслед за ним потянулся тоненький кровавый след, редкие капли крови собирались в небольшие ручейки и скатывались с промокшего насквозь плаща. Как ещё поросянок оставался живым, было совершенно непонятно.

– Домослав, Домослав! – закричал Тимофей, вбегая в хлев.

Даже Драгомир, просидевший всё это время надувшись, обернулся на его крик.

Тимофей, конечно же, понимал, что бежать в свой родной дом было бесполезно, да и небезопасно. Отец мог поросёнка только добить, а мама вряд ли стала бы возиться с умирающим животным. Надежда оставалась только на домового (учитывая, что хлевный был сильно обижен) – вдруг у него есть какие-нибудь секретные снадобья, кто знает?

– Что такое, что случилось? – Домослав появился словно из ниоткуда. – Ай-ай-ай! – запричитал он, когда Тимофей положил плащ на пол и развернул его. – Ужас, ужас, что же творится такое?

Домослав провел рукой по умирающему тельцу, погладил его и так и эдак. Крепко задумался. Видно было, что он не знает, что предпринять. Видимо за свою жизнь он редко встречался с хворями и ранениями.

Тимофей, видя это, опустил руки и заплакал. Слишком много всего накопилось за последнее время, а ведь он всё это время держался. А тут не выдержал. Слезы хлынули сами, и их уже нельзя было остановить. Беззвучные, солёные слёзы скатывались и падали на окровавленный плащ.

Тимофей опустил на колени рядом с поросёнком, стараясь спрятать лицо от Домослава – не пристало мужчине плакать. Тимофей протянул руку, чтобы положить ее на поросёнка, давая ему поддержку при переходе в другой мир, но тут руку перехватили.

– Отойдите. – Спокойный голос Драгомира отрезвлял и заставлял подчиниться. – Дайте я посмотрю, что можно сделать.

Домослав что-то хотел сказать, но услышал лишь:

– Назад! Сядьте и не мешайтесь, хотя бы некоторое время.

Домослав взял под руку Тимофея и оттащил его к дальней стене. Теперь им была видна только спина Драгомира, согнувшаяся над израненным тельцем.

Тимофей повернулся к домовому и хотел спросить его, но тот быстро прижал палец к губам, заставляя замолкнуть. «Раз просили не мешать, лучше так и поступить. Потом все вопросы», – явствовало из этого жеста. Они сели плечом к плечу и принялись ждать.

Драгомир некоторое время стоял над поросёнком, разглядывая и оценивая рану. Затем он встал рядом с ним на колени и выполнил несколько пассивных движений руками. Затем ещё... И ещё... Вскоре его пальцы запорхали над еле дышащим животным с невероятной скоростью, сливаясь в темное размытое пятно.

Новые окна, заметно осветившие помещение, всё же

не позволяли разглядеть, чем же конкретно занимается хлевный. От неподвижности у Тимофея уже затекла спина, но он очень боялся пошевелиться и всё испортить.

Резким рывком Драгомир подскочил на ноги и бросился куда-то в угол. Тимофей уже хотел подняться, но хлевный, словно почувствовав его движение, обернулся и погрозил пальчиком.

– Терпение. Ещё немного осталось.

Он чем-то пошуршал, затем послышался звон стекла, и Драгомир обернулся к ближайшему окну. Подняв к свету маленькую полупрозрачную скляночку, хлевный довольно хмыкнул, взболтнул её и снова направился к поросёнку. Теперь он встал лицом к измученным ожиданием Тимофею и Домославу. Очень осторожно, капля за каплей вся жидкость из бутылочки переливалась в рваную рану. На мгновение рана засветилась серым серебристым светом и погасла. Поросёнок громко хрюкнул, а затем чихнул. Тут уже Тимофей не выдержал и бросился к поросёнку, Домослав не отставал.

– Живой! Ты оживил его! – кричал мальчик.

Драгомир удовлетворенно и несколько устало плюхнулся на пол и отбросил склянку далеко в сторону. Тимофей наклонился над поросёнком, который уже стремился подняться.

– Подожди, не торопись. Дай на тебя поглядеть, – шептал Тимофей, разглядывая затянувшуюся рану.

От смертельного удара остался лишь небольшой, но заметный шрам.

– Как ты сумел? Ты кудесник? – спрашивал Тимофей, продолжая следить за поросёнком.

– Нет, конечно, я всего лишь жалкий и ничтожный хлевный, – немного смутившись, ответил Драгомир.

– Спасибо, спасибо тебе. – От переизбытка чувств Тимофей обнял Драгомира, уткнувшись лицом в его соломенную бороду.

– Ну ладно, ладно, чего уж там. – Совсем уже смутившись, Драгомир похлопал мальчика по спине.

Тимофей снова обратился к маленькому поросёнку, который уже с трудом поднимался на трясущиеся ножки. Домослав протянул руку, чтобы помочь ему, но Тимофей его опередил, подхватил поросенка, прижал к себе и крутанулся на месте. Радость переполняла мальчика настолько, что грозила выплеснуться наружу, поглощая всё вокруг.

– Спокойнее, спокойнее, – осадил его домовой. – Так ты снова разбередишь его рану.

Тимофей тут же поставил поросёнка на пол, и тот неуверенно застучал своими маленькими копытцами.

– Всего несколько дней назад я был совершенно обычным мальчиком, – с чувством произнес Тимофей. – Ну, почти обычным, – тут же поправился он. – А теперь!

– Разве что-то изменилось? – поинтересовался домовой.

– Я познакомился с вами, видел души моих друзей, леший

помог мне добраться до дома! – начал перечислять Тимофей.

– Прямо до самого дома? – удивился Драгомир.

– Не совсем, конечно, до самой опушки, – пояснил Тимофей.

– А-а, а я-то уж подумал... – несколько огорченно протянул Драгомир.

– Что подумал? – удивился Тимофей. – Вероятно, леший не хотел, чтоб его увидели.

– Не обольщайся. Если леший не захочет, его никто не увидит, – тут же пояснил Домослав, а Драгомир завалился на спину от смеха.

Их отвлѣк жалобный поросячий «хрюк». Поросѣнок холодным мокрым носом ткнулся Тимофею в ногу, стараясь привлечь его внимание.

– Чего он хочет? – не понял мальчик и погладил жалобно похрюкивающего поросенка.

– Есть он хочет! Чего же ещё может хотеть ребѣнок в таком возрасте?! – Драгомира явно возмутила Тимофеева неосведомленность.

– Попробую попросить молока у мамы, – решил Тимофей и вышел.

– Парнишка неплох, совсем неплох. – Размышляя вслух, Драгомир взял поросѣнка на руки. Поросѣнок грустно всхлипнул и попробовал пососать его палец. – Но его судьба покрыта мраком. Я ничего не вижу.

– Да и никто не видит, – поддержал его Домослав. –

Не стоит ломать голову. Жизнь покажет, что к чему.

В это время вошел Тимофей с полной кружкой утреннего, но еще вполне свежего молока.

– Это всё, что я смог достать, – с отчаяньем в голосе ска- зал он.

– Ничего, этого хватит. Во всяком случае, пока, – успоко- ил его Драгомир, выхватывая чашку из рук.

– Ой, а я думал сам его покормить, – огорчился Тимофей.

– Покормишь ещё, но нельзя же просто так пихать малень- кому поросенку целую кружку молока! – возмутился Драго- мир и вытащил из кармана небольшой кусок какой-то тря- пицы.

– Сейчас... Сейчас... – шептал он, завязывая на конце тряпки сложный узелок, создавая своеобразный кулёк с пух- лым продолговатым узелком на самом конце. – Теперь смот- ри внимательно, – обратился он к Тимофею. – Наливаешь понемногу.

Драгомир направил узенькую струйку молока точно в центр получившегося кулька. Затем поднес конец узелка к носу поросёнка. Как только молоко просочилось и на кон- це узелка появилась молочная капелька, поросенок почуял знакомый запах, обхватил узелок своими жадными губами и принялся сосать.

– Ух ты! – воскликнул Тимофей. – Я бы до такого не до- думался.

Драгомир хмыкнул в ответ:

– Учись, учись, пока возможность есть.

Сейчас хлевный выглядел очень довольным. Он снова почувствовал вкус к жизни. Так долго он ждал этих мгновений! Заботиться о живом существе – что может быть лучше? Драгомир сам так увлёкся, что и не заметил, как молоко в кружке закончилось.

– А ты обещал дать Тимофею самому попробовать покормить поросенка, – укорил его Домослав.

Драгомир даже немного покраснел от своей ошибки.

– Ничего, всё просто замечательно! – разрядил ситуацию Тимофей. – У Драгомира так хорошо получается, что мне тут делать нечего.

– Не говори так, – растроганно прошептал хлевный. – Я тебя обязательно научу. Да мы с тобой горы свернём! – Драгомир всё больше раздухарялся.

– Горы сворачивать не надо, они должны стоять там, куда их поставили боги, – резонно заявил Домослав. – А теперь потише. Не будите спящего.

Поросёнок, основательно набив себе брюхо, задремал у хлевного на руках. Тимофей быстро взбил горку соломы, на которую Драгомир и переложил сладко сопящее существо.

Теперь можно было спокойно вздохнуть. Опасность миновала, все были сыты и довольны (больше всех сытым был поросёнок, а более всех довольным оказался Драгомир).

Посидев некоторое время, разговор шёпотом начал Дра-

гомир:

– Мне кажется, я даже настаиваю на этом, что отдельный загон для этого поросёла делать не надо.

– Где же он будет жить? – удивился Домослав.

– Как где? Среди нас! – Драгомир перешел на громкий шёпот.

– Я не против, – поддержал Тимофей.

– А ты чего не против? – осведомился Домослав.

– Не против, чтобы поросёнок жил с нами без всякого загона. Он же не какая-то свинья! – Тимофей чуть не перешёл на крик.

– Это ты хорошо сказал, – рассмеялся домовый и хлопнул руками по коленям. – Ладно, забудем о загоне. Но брёвна в полу надо поменять.

– Не все, не все... – Драгомир покачал указательным пальцем у домового перед носом.

– А я про все и не говорю, всего парочку и надо, – пробурчал Домослав.

– Согласен, согласен, – миролюбиво согласился Драгомир.

Они надолго задумались.

– Пол – это, конечно, хорошо, – начал Тимофей, перева- рив накопившиеся мысли. – Но есть еще две проблемы: что делать с окнами? Это сейчас весна, затем будет лето, а вот что будет поздней осенью и зимой?

– Это не проблема, – отмахнулся Домослав.

– Где же ты возьмешь столько слюды? Или лучше использовать бычий пузырь? – спросил Тимофей, удивляясь.

В его деревне в домах использовались тонкие слюдяные пластины, которые было очень трудно достать. Так что любое заделанное окно использовалось долгие годы, а если окно разбивалось, его заменяли растянутым бычьим пузырём. Замена не была равноценной, поэтому при первой же возможности люди старались достать новые окна. Изготовление и перевозка стоили слишком дорого, так что даже на одно небольшое окошко скидывались всем племенем.

– Это слишком сложно, – отмахнулся домовой.

– Я так и думал, – огорчился Тимофей.

– Мы применяем совершенно другой материал – стекло. Знаешь, что это? – Домослав улыбнулся.

– Стекло?.. – Глаза у Тимофея округлились. – Но это же сказочный прозрачный материал!

– А мы? Тоже сказочные существа? – рассмеялся Домослав. Тимофей не нашел что ответить. – Раз мы существа сказочные, значит, вполне можем позволить себе попользоваться сказочными материалами.

– Даже в мелочах, – отозвался Драгомир и бросил Тимофею маленькую склянку. Мальчик поймал ее на лету. – Тоже стекло. Можешь познакомиться.

Мальчик с интересом стал разглядывать прозрачную бутылочку. Она была очень маленькой, меньше мизинца, но даже в таком виде, посмотрев на свет, можно было уви-

деть полную прозрачность.

– Чудеса... Никогда не думал, что смогу потрогать настоящее стекло. – Тимофей никак не хотел выпускать скляночку из рук.

– Я поставлю стеклянные стекла, так что ещё насмотришься, – прервал восхищение Тимофея домовый.

– Настоящие стёкла? Такие большие? – Тимофею трудно было представить, как может выглядеть такой большой прозрачный кусок.

– Размер не имеет значения, – отмахнулся Домослав. – Смотри на правое окно.

Тимофей проследил за пальцем домового. Окно как окно. Повернулся, чтобы спросить, но домового нигде не было видно.

– Куда он подевался? – спросил Тимофей у Драгомира.

– За стёклами пошел, чем ему еще заниматься? – улыбаясь одними глазами, проворчал хлевный. – Пустые стёкла выглядят, как пустые глазницы, – начал рассуждать он. – Это некрасиво. Домовой правильно предложил, жаль я сам сразу не догадался. Но на то он и домовый, чтобы за домом следить. Мне интереснее ухаживать за животными, чем с палками и стёклами возиться.

– А вот и я. – Домослав появился точно за спиной Тимофея, так что заметить, как тот появился, Тимофей опять не сумел. – Сейчас приладим. – Он держал под мышкой небольшие квадратные прозрачные кусочки.

– Такими маленькими окна не закрыть, – с видом знатока просчитал Тимофей.

– Ничего, сейчас впихнем.

Домовой явно знал, что делает. Два кусочка он прислонил к стене, а с одним подошёл к правому окну. Затем поднес стекло к отверстию в стене и... растянул, подладив его точно по размеру. Вставив стекло, он приложил к нему руку. Стекло расползлось еще немного и вросло в деревянную поверхность.

– И никаких рам не надо, – прокомментировал Драгомир. Так же он поступил и с остальными окнами.

– Ничего себе! Какая красота! – Тимофей сорвался на очень громкий шёпот.

– Тише, тише. Учись держать себя в руках, – прошипел Драгомир.

– А вдруг стекла кто-нибудь увидит? – Тимофей весь похолодел от такой мысли.

Не дай Бог отец вернётся, хотя вроде бы ещё не время. Как потом оправдываться? Откуда взял сказочное стекло?

– А малыш прав, – поддержал Тимофея Драгомир. – Нам тоже лишние вопросы не нужны.

Домослав задумчиво почесал бороду, что-то соображая.

– Ладно, не парься. – Драгомир неожиданно легко вскочил на ноги. – Я все устрою. – Теперь уже он подошел к правому окну. Взмахнул перед ним обеими руками и медленно опустил их. То же самое он проделал перед вторым и тре-

тым окном. – Тимофей, теперь тебе надо придумать, откуда у тебя взялись бычьи пузыри.

– Бычьи пузыри? – Тимофей ничего не понимал, какими стёкла были, такими и остались. – Но...

– Это только для нас стёкла – это стёкла, для всех людей они будут выглядеть как не самые хорошие, почти непрозрачные бычьи пузыри, – пояснил Домослав. – Учись нам доверять. Нельзя жить совсем без друзей.

– Я вам доверяю. Просто всё так необычно, что трудно во всё сразу поверить.

Тимофей не хотел обижать новых друзей, но в глубине души, у него никак не получалось им поверить. Жизнь его всегда учила, что глазам надо доверять. А тут оказывается, что можно смотреть на одно, а видеть совершенно другое.

От сонного кабанёнка донеслось негромкое причмокивание.

– Ах, про вторую проблему я чуть не забыл! Я не смогу раздобыть столько молока! – Тимофей в отчаянии схватился за голову.

– Это посерьёзней стёкол, – вставил своё веское слово Драгомир. – Но, пожалуй, молоко и остальную животную еду – я берусь обеспечить.

– Я тоже могу помогать, мне только молока раздобыть негде, – вмешался Тимофей и тут же разочарованно добавил: – Нет у нас ни коровы, ни козы. А всё, что можно достать в лесу, я обязательно достану.

– Что это ты имеешь в виду: «посерьезнее окон»? – обиделся домовый. – Думаешь, достать «сказочный материал» легко? – передразнил речь Тимофея Домослав.

– Нет, конечно, хотя... – Хлевный утрированно задумчиво почесал в бороде. Домовой изобразил страшную морду, а Драгомир, как бы защищаясь, выставил руки ладонями вперед и тут же пошёл на попятную: – Ладно, ладно, шучу. Я сам всю эту ерунду никогда не доставал.

За всеми этими спорами никто и не заметил, как снаружи потемнело. Послышался ворчащий голос отца и воркующие интонации матери.

– Солнце не успеет зайти, а тебе уже принесут вечернюю порцию, – пропыхтел несколько злобно домовый и заходил из угла в угол.

– Что-то не так? – спросил Тимофей.

– Всё не так! Как можно так обращаться с ребенком! В частности, с тобой.

– Я уже не ребенок – через два года, если повезёт, смогу стать настоящим мужчиной.

– Тебе так хочется? – презрительно скривив губы, спросил Драгомир.

– А кому не хочется?

Драгомир грустно посмотрел на Домослава.

– И куда они все торопятся? Жизнь у них и так слишком короткая, чтобы ещё торопить её. – Драгомир говорил домовому, но сразу было ясно, к кому относились эти слова.

Тимофей ничего не успел ответить, так как на пороге появилась мама с едой.

– Ого! Я и не знала, что наш хлев может так прекрасно выглядеть. Если так пойдет и дальше, то нам всем лучше будет переселиться к тебе. – Она улыбнулась и посмотрела на окна.

У Тимофея всё похолодело в душе. Что она сейчас увидит, и как объясняться?

– Где ты сумел раздобыть бычьи пузыри? Что-то не припомню, чтобы кто-то недавно забивал быка или корову.

– Да так, повезло... – уклончиво ответил Тимофей (что здесь можно было придумать?).

– Надеюсь, ты их не украл? – Встревоженный взгляд матери Тимофея просто убивал.

– Конечно же, нет! Как ты можешь думать обо мне так плохо? – Тимофей чуть не расплакался: нет ничего обиднее, чем несправедливость, особенно для ребенка.

– Не обижайся, просто не такая уж это распространенная вещь в нашей деревне. – Мама поставила ужин на чистый пол. – Ладно, можешь не отвечать. Я уже слышала, где тебе разрешили набрать сена. Я верю, что ты не своруешь. Любому уличённому в воровстве грозит изгнание, ты наверняка об этом знаешь. – Она обняла сына. – Спокойной ночи. Посуду завтра отдашь.

– Спокойной ночи, – быстро ответил Тимофей закрывающейся двери.

– Ну ничего себе! – возмутился Драгомир. – Сначала го-

ворит: «Я верю, что ты не вор» – и тут же напоминает, какое наказание ждёт вора! Как вам такое?!

– Грустно и очень некрасиво, – поддержал его Домослав.

– А почему она не заметила поросёнка? – неожиданно спросил Тимофей, отвлекая всех от мрачных мыслей.

– Моя работа. – Драгомир поднял обе руки вверх, как бы признавая совершённый проступок.

– Но почему?

– Ещё рано. Кабанёнку еще надо окрепнуть, прежде чем его можно будет вывести в люди. – Драгомир ласково поглаживал мирно дышащее тельце.

Все посмотрели на поросёнка. Может быть, пришло время, а может быть, устремлённые взгляды (дикие животные очень чувствительны к посторонним взглядам) заставили маленький пяточок пошевелиться, затем принюхаться. Нос почувствовал молоко. Глаза поросенка распахнулись, и он сразу же попытался подняться, протягивая губы трубочкой в сторону молока.

– Не так быстро, малыш, – прошептал Драгомир. – Сейчас хозяин сам попробует тебя накормить.

– Хозяин? – не понял Тимофей.

– Конечно. Ты его спас, ты его хозяин в какой-то мере. Главное не забывать, что хозяин хозяином, а друзья друзьями. Поддерживай дружественную обстановку, и все будет как надо.

– Как надо кому? – ухмыльнулся Домослав.

– Как надо судьбе.

Драгомир всё приготовил самостоятельно, но кормил поросёнка лично Тимофей.

Поросёнок так жадно тянулся к молоку, что чуть не вырвал тряпочку у Тимофея из рук. Белые капельки полетели на пол, но Тимофей тут же сориентировался, и остальное молоко пошло уже точно в цель.

Кабанёнок, которого по привычке называли поросёнком, был полосатым, как и все дикие свиньи, и формой тела напоминал обыкновенный жёлудь, только этот жёлудь держался на длинненьких тоненьких ножках, которые очень старались не подгибаться, но удерживали тяжеловатое тело с трудом.

– Он ещё слишком слаб. Как он вообще умудрился выжить? – удивлялся Драгомир.

– Может, Леший постарался? – предположил Домослав.

– Вполне возможно, – согласился Драгомир.

Спать ложились все вместе. Для троих горка соломы оказалась несколько маловатой, поэтому по центру, на самое мягкое и тёплое место, уложили кабанёнка. Тимофей же с Драгомиром легли по бокам, стараясь не прикасаться к малышу, но в то же время не давая ему куда-нибудь свалиться или сбежать.

Домослав, пожелав всем добрых снов, ушёл (на этот раз, как обычные люди, через дверь).

Драгомир, как только лег, сразу же сонно засопел, а вот Тимофею снова не спалось. Так интересно было наблюдать за плывущими облаками.

«Какое всё-таки полезное изобретение – стекло», – размышлял Тимофей. – «Вот бы всю крышу сделать из стекла! Можно было бы наблюдать за звёздным небом. Получалось бы, что спишь внутри, а кажется, что снаружи».

Его размышления прервались промелькнувшей тенью, которая прошла сквозь среднее окно. «Опять эта старушка». – Тимофей узнал её, но кто она такая, так и не понял. – «Может узнать у неё самой?» – Спросил он сам себя.

Тимофей приподнялся на локтях и уставился старушке в лицо:

– Кто вы?

– Ты меня видишь? – удивилась старушка. Её голос звучал как колыбельная, добрая, сказочная и очень сонная.

– Конечно, а разве...

Она не дала Тимофею закончить фразу, приложив палец к губам:

– Зря, когда не видишь, намного интереснее.

Тимофей и не заметил, как она оказалась прямо рядом с ним.

– Спи, мой глазастый друг, – проворковала старушка и ладонью закрыла Тимофею глаза.

И снова сон увёл сознание мальчика в свой мир.

Утром Тимофей о старушке уже не вспоминал. Её как будто стерли из его памяти. Он помнил лишь сон, в котором он со Святославом бродил по лесу, а рядом с ними бежал огромный кабан и весело хрюкал.

Хороший был сон, жаль, что всё когда-нибудь кончается. Вообще-то Тимофея разбудил влажный настойчивый пяточок, громко сопящий прямо в ухо. Сначала пяточок только сопел, а затем ещё начал тыкаться и фыркать.

Тимофей поднялся и посмотрел на поросёнка. Тот лежал с закрытыми глазами и носом искал материнский сосок. Вероятно, во сне он был со своей семьёй и лежал где-нибудь в яме или огромной норе.

– Да, не повезло тебе, – Тимофей погладил полосатую спинку. Поросенок тут же открыл глаза и некоторое время непонимающе смотрел на Тимофея. – Что-то ты долго соображаешь для дикого зверя.

Тимофей намекал на то, что в лесных условиях, если так долго приходиться в себя после сна, легко можно стать чьей-нибудь добычей. Но кабанчик мальчика не боялся. Может быть, он слишком мало провел времени со своей матерью, а может быть, он не чувствовал опасности. А если нет опасности, то нет и беспокойства. «Чего же тебе дать?» – стал размышлять Тимофей. Мама завтрак ещё не давала и не зва-

ла. Судя по только-только поднимающемуся солнцу, до этого момента ещё было ждать и ждать. Драгомира нигде не было видно. Домослав в такую рань скорее всего еще сидел дома. Хотя... Два подгнивших бревна в полу исчезли, а на их месте красовался свежий тёс.

«Откуда он взялся? Неужели я все проспал?» – удивился Тимофей, но про голодного поросёнка не забыл, сказав в слух:

– Что же делать?

– Я всегда выполняю свои обещания, – Драгомир проскользнул в приоткрытую дверь. – Обещал, что достану кормёжку, значит достану.

– Драгомир! – обрадовался Тимофей. – А я уже и не знал, что предпринять.

Драгомир притащил с собой целый кувшин свежего парного молока, немного сыра и хлебную лепёшку.

– Где ты всё это достал? – Тимофей наблюдал за тем, как хлевный доставал из-за пазухи съедобное богатство и раскладывал еду на расстеленную тряпицу.

– Отовсюду понемногу, пробежался мимо коров и погребов, – беззаботно ответил Драгомир.

– Ты украл? – Тимофей сам не верил своим словам.

– Что значит «украл!». Пробегая мимо коров, я сцедил у каждой всего по несколько струек. От коров не убудет, и хозяева ничего не заметят. Сыр и лепешка – это давно забытая в дальних закромах погреба снедь.

– А я уж испугался, – успокоился Тимофей.

– Нашел чего бояться! – фыркнул Драгомир. – Мы живём, чтобы помогать. Вот я не для себя же стараюсь, а для тех, кто живёт в хлеву, духом которого я и являюсь на данный момент. И если у меня будет выбор: спасти нашего поросёнка или соседскую корову, то я, конечно же, выберу нашего поросёнка, причем ни капельки не задумываясь, – так он пояснил свое поведение. – Но мы заболтались. Пора поросёнка кормить, если мы всё же хотим его вырастить, а не заморить голодом.

На этот раз Тимофей всё делал сам. Драгомир только советовал и намекал на ошибки, которых было немного. Поросёнок поел и снова улегся спать.

– Еще два дня он будет только есть и спать. Только после этого срока он полностью очухается, и мы сможем его прогулять во дворе.

– Ты заметил, когда Домослав заменил эти бревна? – Тимофей показал на обновку в полу.

– Заметил, когда проснулся. А проснулся я, когда почувствовал, что поросёнок скоро захочет есть. Так что, как он менялся пол, я не видел и не слышал. Домослав очень тихо работает – наверное, тише всех домовых в нашей округе. За это, да и за добрый характер его многие и ценят. Ты не представляешь, как нам повезло, что мы живем рядом с таким домовым.

Появление поросёнка и переселение Тимофея в хлев из-

менило Драгомира до неузнаваемости. Теперь он выглядел вполне опрятным и ухоженным, борода уже не торчала, как разлетевшийся сноп сена, а ложилась ровными рядами. Усы весело топорщились в разные стороны. Когда Драгомир говорил, они озорно шевелились в уголках рта и дрожали на кончиках. Драгомир снова начинал жить полной жизнью, а не доживал свой век вместе с разрушающимся бесполезным хлевом.

Два обещанных дня протекли быстро и незаметно. Тимофей большую часть этого времени никуда не ходил, болтая о том о сем с Драгомиром. К ним частенько заглядывал Домослав, иногда приносивший новые пучки соломы, сопровождая каждую брошенную кучку замечанием:

– Криворот подарил.

Или:

– Старый Хлыст передаёт.

Тимофею не было скучно, к тому же ему пришлось один раз сходить к болотам с огромным мешком, который ему выделил домовый. Тимофей очень торопился, забивая мешок мягким мхом, все время думая о поросёнке. Конечно, он понимал, что на Драгомира можно полностью положиться, но всё же фраза «с глаз долой из сердца вон» в этом случае никак не подходила.

Мох необходим был для заделывания щелей между бревнами, и Тимофей с удовольствием занялся этой работой. Небольшим тупым ножиком он запихивал темно-зелёный

мох в щели, стараясь убрать любую прореху. Драгомир иногда подсказывал, но чаще просто смотрел на поросёнка или гладил ещё коротенькую взрослую шёрстку.

Глядя на хлевною украдкой, Тимофей часто замечал, что тот что-то беззвучно нашептывает. «Может быть, это заклинания?» – думал Тимофей, но вполне вероятно, что это были всего лишь слова. Спрашивать не хотелось – у каждого должны быть свои секреты.

Мама удивлялась поведению сына. Она уже привыкла, что дома Тимофей никогда не сидел, все время старался куда-нибудь сбежать: то в гости к Святославу, то в лес, то на болота. Но каждый раз, заходя в хлев, мама видела его работающим.

Она думала, что это смерть Святослава так повлияла на Тимофея, сделав его ещё более замкнутым и непонятным. Но работа должна была помочь сыну (так считала мать) отвлечься от грустных мыслей, а может быть, даже и образумиться, стать таким же, как все. Поросёнка ей так и не показали, так что ей оставалось только гадать, что это нашло на её сына.

Следующий день должен был стать знаковым. Поросёнок наконец-то полностью оправится и сможет выйти погулять.

Тимофей уже мечтал об этом дне, лёжа ночью на привычном месте справа от поросёнка, когда вновь появилась странная старушка.

– Кто ты? – Тимофей уже не стал ничего ждать, подняв-

шись и бросившись в наступление. – Почему я всё время забываю про тебя утром?

Старушка мягко положила ему руку на грудь. Тимофей и не заметил, как снова оказался лежащим на соломе.

– Я Дрёма. Ты можешь вспоминать меня только тогда, когда видишь, – прошептала старушка и улыбнулась. – А теперь спать.

– Подожди... – только и успел произнести Тимофей, когда ладонь старушки уже коснулась его головы.

Дальше мальчик видел только сны. Сегодня он видел огромного и страшного кабана, несущегося посреди леса, сносящего со своего пути кусты, ветки, пни, деревья. Тимофей еле поспевал за ним, летя над быстрым зверем. Наверное сегодня ночью Тимофей был птицей. Огромной, сильной, быстрой и красивой птицей.

Кабан всё бежал и бежал, не останавливаясь ни на мгновение. А Тимофей всё летел за ним следом. Неожиданно лес кончился, и кабан вылетел к подножию холма, уходящего куда-то далеко вверх. Очень быстро кабан вбежал на самую вершину и остановился. Перед ними расстилались огромные лесные массивы, бесконечное пространство, где нет ни следа человека.

Тимофей приземлился прямо кабану на холку. Тот даже не вздрогнул. Лишь медленно обернулся и обнажил огромные клыки в забавной ухмылке. Затем он посмотрел вдаль и прыгнул. Прыгнул спокойно, уверенно в самую пропасть,

стремительно раскрывающуюся под ногами.

Тимофею стало очень страшно, но лишь на мгновение. Он крепко-крепко вцепился в кабанью холку своими огромными когтями, взмахнул мощными крыльями, и... они полетели. Всё вперёд и вперёд, и вверх... Вперёд и вверх... К самому солнцу.

Утро выдалось ясным и солнечным, как, собственно, и остальные утра всех ближайших недель. Дожди надолго покинули эту землю. Но всё же весна не должна была оставить землю на долгое время без своей живительной влаги. Надо было пользоваться ясными деньками, пока была возможность.

Поросёнок с раннего утра уже весело бегал по хлеву, громко стуча своими копытцами по деревянному полу. Выпитая кружка молока на этот раз не погрузила его в сон, а наоборот, казалось, придавала ещё больше сил. Он очень забавно передвигал своими тонкими ножками и уже несколько раз атаковал Тимофеевы ноги, стараясь хорошенько поддеть их своим пяточком, но пока что у него получалось только тыкаться мальчику в голени.

– Мы уже можем выходить? – уже в пятый раз спрашивал Тимофей у Драгомира.

– Да погоди ты еще немного. Дай ему еду-то переварить, – Драгомир осаживал Тимофея, но видно было, что и ему самому не терпится прогулять своего (а точнее, общего) воспитанника.

Тимофей не знал, как Драгомир отсчитывал время, ведь хлевный ни разу не посмотрел в сторону солнца. Мальчик лишь понимал, что время завтрака прошло, а до полудня бы-

ло еще далеко. Это, конечно, был слишком грубый подсчёт времени, но зачем знать точнее, когда солнце и так всё подскажет?

– Пора. – Драгомир хлопнул ладонями по коленям и встал. – Веди его, друг мой. Мы присмотрим за тобой, но ты всё же не рассчитывай на нашу помощь. Каждый должен уметь решать свои проблемы самостоятельно. – Так напутствовал Тимофея Драгомир, открывая еле-еле скрипнувшую дверь хлева. – Вперёд! – крикнул он весело, и легонько шлёпнул поросёнка по тощей ляжке.

Поросёнок взвизгнул и вылетел наружу. За ним бегом выскочил Тимофей, но сам чуть не наступил на него.

Поросёнок и к лесу ещё толком привыкнуть не успел, как оказался в хлеву, в котором провёл несколько дней в хлеву, отсыпаясь и отъедаясь всё это время. Поэтому, оказавшись снаружи, он просто остолбенел, не в силах охватить всеми своими органами чувств окружающий мир. Всё было новым, необычным и непривычным. Поросёнок долго принюхивался, подслеповато (всё же сказывалось долгое сидение взаперти) посматривая по сторонам.

– Можно, я покажу его маме? – спросил Тимофей у двух голов, торчащих из-за приоткрытой двери хлева.

– Показывай, показывай. Теперь уже можешь знакомить со своим поросёнком всех, к кому душа лежит, – махнул рукой Драгомир, а Домослав лишь слегка кивнул, соглашаясь.

Тимофей подбежал к поросёнку, присел рядом с ним, по-

трепал его за ухом, подбадривая, а затем побежал в сторону дома, через плечо поглядывая на поросёнка. Тот сразу же побежал за мальчиком, стараясь не отставать.

– Мама, мама! – кричал Тимофей. вбегая в дом. – Посмотри, кто со мной!

Поросёнок вбежал в дом вслед за Тимофеем.

– Ой! – От неожиданности мама чуть не перевернула ступку, в которой она размалывала зерно. – Где ты его раздобыл?

Жаль, что люди чаще всего задают вопросы или «сколько стоит?» или «где взял?» – такая мысль посетила Тимофея только потом, поздней ночной порой, когда весь день медленно прокручивается перед мысленным взором. Сейчас же он был слишком счастлив, чтобы о чем-либо думать. Хотелось прыгать, радоваться, знакомить своего собственного поросёнка со всем миром.

– В лесу. Он был весь израненный, и я не мог его оставить умирать.

– Ты уверен, что его родители не будут против? – тактично спросила мама.

– Насколько я знаю – нет.

Тимофей точно знал, что и кабан, и кабаниха были мертвы, но нельзя же рассказывать матери о том, что смерть кабана он видел лично, а про кабаниху рассказывали и Леший, и Волхв?

– Смотри поаккуратней. Если кабан, да и кабаниха тоже, случайно живы и учуют на тебе запах своего дитя, то бере-

гись! Они тебя и в деревне достанут.

– Если бы они были живы, то, скорее всего, они меня бы уже нашли.

– Значит судьбе было угодно вас связать. Смотри, как он вьется вокруг твоих ног!

Поросёнок, некоторое время побегав по дому, тыкаясь во все углы, теперь выписывал восьмёрки у Тимофеевых ног.

– Я и сам этому удивляюсь, мы еще так мало знакомы. – Тимофей присел и попробовал погладить бегуна, но тот лишь хрюкнул и спрятался за левой ногой. – Интересно, он так играет или делает вид, что боится?

– Возможно и то, и другое. – Мама рассмеялась, глядя на неудачные попытки Тимофея прикоснуться к поросёнку.

Поросёнок носился туда-сюда стрелой, не даваясь руке.

– Прямо как щенок или котёнок! – удивилась мама, на это она получила в ответ очередной хрюк. – А как его зовут?

– Ещё пока никак, – спохватился Тимофей.

Никто, ни домовой, ни хлевный, ни сам Тимофей даже не подумали о том, чтобы дать поросёнку имя. Ничего себе упущеньице!

– «Никак» – не самое удачное имя, – пошутила мама. – Может – Полосатик?

– Да ты что, мам! Если он вырастет, то полосы у него исчезнут, и если он вырастет в большого кабана, то Полосатик уж точно ему не подойдёт. Ты представляешь картину: «Полосатик, полосатик, иди сюда!» «Хрюк-р-р!» – Тимофей

попытался изобразить злобный «Хрюк», отчего они с мамой рассмеялись, а поросенок вопросительно уставился в лицо Тимофею.

– Что ты хочешь предложить?

– Горыня!

– Ты думаешь, что он сможет вырасти и стать подобным горе? – Мама не была уверена в этом имени.

– Имя играет большую роль. Пусть он хотя бы постарается вырасти. А там посмотрим.

– Имя хорошее, пусть попробует, – согласилась мама. Она дала поросенку хлеб, смоченный молоком, который тот проглотил одним махом. – Идите, погуляйте, я же вижу, что поросёнок уже начал скучать.

– Спасибо, мам. Ты права, нам пора, а то так и до вечера протянуть можно, – сказал Тимофей и полушутя обратился к поросенку: – Ладно, пойдем побегаем снаружи, пока весь дом не разнесли и не объели.

– Это правда, на дворе места значительно больше. Только... – Мамин голос на мгновение споткнулся. – Знаешь...

Тимофей сразу понял, о чем она хочет сказать, и опередил её, прервав мыслительные мучения:

– Не волнуйся, когда отец будет дома, мы с кабанёнком будем или в хлеву, или во дворе, подальше от дома.

– Ты не обижайся на него... – начала мама.

– А я и не обижаюсь. – Тимофей развел руками. – Это он на меня держит обиду, а не я на него.

– Я знаю... Я знаю... – прошептала мама уже в спину уходящему сыну.

Снаружи поросёнок повел себя более сдержанно. Быстро сбегав до хлева и обратно, он остановился у Тимофеевых ног, ожидающе заглядывая мальчику в глаза.

– Думаешь, лучше прогуляться по дороге? – неуверенно спросил Тимофей, поглядывая по сторонам. Поросёнок лишь весело хрюкнул. – А ты не убежишь?

Тимофей очень боялся потерять нового друга. Но ободряющий хрюк почти развеял его сомнения. Вопросительно посмотрев в сторону приоткрытой двери хлева, Тимофей заметил, как мохнатая ручка махнула ему, разрешая отправиться восвояси.

– Нас отпускают. Ладно, пойдём. – Он неторопливым шагом направился к окраине деревни.

В центр, к главной площади (как её гордо величали местные) Тимофею идти совершенно не хотелось – там могло быть много людей, в центре всегда кто-нибудь что-нибудь делал. Тем более на главную площадь выходили двери церкви, кузни и нескольких торговых лавок, которые занимались обычно приезжими торговцами.

Весной торговцы приезжали нечасто, опасаясь того, что после долгой зимы деревенские растратили все свои запасы и не имели ничего на продажу. Но с другой стороны, даже в долгие снежные месяцы люди находили себе работу.

Кроме того, чтобы готовить еду и кормить свои семейства

и скот, многие делали различные поделки. Мужики (не обделенные талантом) выстругивали деревянные фигурки, а женщины плели и вышивали ткани со сложнейшими узорами. Племя Болотных Мхов славилось своими игрушками, а главное, вышитыми тканями.

Перед самой зимой многие торговцы специально привозили рукодельницам одноцветные ткани, платья, кокошники, рубахи, даже вязаные шапки, а весной забирали всё это обратно. То, что они привозили, и то, что увозили, отличалось друг от друга, как небо и земля. Оставалось только удивляться, как только рукодельницам удавалось так преобразовать невзрачные ткани и совершенно непримечательную одежду.

Конечно, торговцы платили мастерам, но сами потом зарабатывали на их работе намного больше. Никто толком и не знал, за какую цену уходит их работа в большом городе или в столице, да и не хотели узнавать. Главное, что небольшой, но стабильный заработок на зиму был обеспечен.

Мама Тимофея тоже когда-то занималась кружевной вышивкой, но года два назад отец ей запретил заниматься, как он выразился: «всякой ерундой». И сообщил: «Я и сам смогу тебя обеспечить, вместе с твоим недоноском». После этого мама долго плакала, но за вышивку больше не бралась, и знакомый торговец, чаще всего заказывавший ей работу, получив пару отказов, больше к ней не заходил.

Непонятно каким образом, но отец и правда умудрялся

обеспечивать их всем необходимым. Даже в тяжелую зимнюю стужу, когда запасы у всех уже подходили к концу, Тимофей никогда не голодал.

У мамы иногда закрадывались подозрения, но вслух она их никогда не высказывала, оставляя мысли при себе, да и не верилось ей, что её когда-то так горячо любимый муж мог опуститься до богомерзких поступков.

А Тимофей ни о чем не задумывался, он редко бывал в гостях и о том, как живут другие люди, узнавал только из разговоров или судил по поверхностным взглядам. Неинтересны ему были все эти передряги. Хотя последние годы и он вносил немалый вклад в заготовку даров леса.

Грибы, ягоды, орехи, коренья, съедобные травы – всё это лес давал Тимофею в огромных количествах, так что осенней порой мальчику только и приходилось, что бегать в лес и обратно, таща большие корзины или мешки свежесобранных лесных даров.

Многие в его племени удивлялись такому везению, но, как это чаще всего и бывает, все сошлись на том, что «дуракам везёт», и больше не обращали на Тимофея внимания. Хотя... были некоторые подростки, старавшиеся проследить за Тимофеем в лесу, но куда там! Тимофею даже не приходилось убегать, он шёл себе спокойно, обходя знакомые ямы, канавы, пеньки, торчащие корни, в то время как преследователи постоянно куда-то проваливались, цеплялись, забирались в непроходимые заросли. Один раз даже при-

шлось искать двоих парней, заплутавших так, что затем в течение двух дней вся деревня бегала по всему лесу. Тимофею и здесь повезло. Он первым наткнулся на голодных, оборванных, еле держащихся на ногах ребят и вывел их к деревне. Тут бы ему и получить причитававшийся почет и уважение, но нет!

Завистливых людей много. Некоторое время по деревне гуляли слухи, что Тимофей связался с нечистыми духами или продал душу дьяволу (смотря кто в каких богов верил), но старейшина, глава их племени, быстро пресёк все эти разговоры.

Он на самом деле был не зря выбран. Ума ему было не занимать, да и справедливость была для него не пустым словом. Не зря же и имя ему было выбрано родителями ещё в незапамятные времена – Световид. А теперь ещё люди добавили прозвище «Справедливый». Полностью отражая суть этого человека.

Световида Справедливого уважали все, а больше всех сам Тимофей, но проявить свое уважение он мог только поясными поклонами, да восторженным взглядом. А так часто ему хотелось поговорить со старейшиной, но не как с главой, а как с другом, с которым можно поделиться всеми мыслями и чувствами.

– Не отставай! – крикнул Тимофей поросёнку, когда тот запутался в зарослях чертополоха.

Крепкие колючие растения плотно вцепились в заднюю ногу Горыни. Пока Тимофей решал, помогать поросёнку или нет, Горыня выбрался самостоятельно, вырвав приличный кусок куста. Затем резво потряс ножкой, сбрасывая остатки колючек (не все колючки оказались столь покладистыми, некоторые, особо колючие, так и не захотели отцепляться), и деловито подбежал к Тимофею.

– Молодец. – Тимофей не мог не похвалить Горыню, он всегда ценил стремление к борьбе, а поросёнок показал, что сдаваться он не собирается ни при каких обстоятельствах.

Когда Горыня подбежал, Тимофей ловко отцепил оставшиеся колючки, и они побрели дальше. Пока они так брели, из соседских дворов стали высовываться любопытные собачьи морды. В большинстве своем жители держали здоровенных волкодавов, не считая мелких собак достойными помощниками (волкодавы и на охоте помогали, да и дом стерегли получше всяких оберегов).

Тимофей забеспокоился. Собаки уже давно привыкли к домашнему скоту, но как они могут воспринять дикого кабанчика? Запах леса, запах чужака всё еще накладывали незаметный для человека, но очень хорошо видимый для собак, отпечаток дикого зверя на Горыню.

Тимофей и Горыня сумели дойти до края деревни, когда угрожающий рык заставил их обернуться. Два огромных зверя медленно приближались к ним, опустив морды к самой земле.

– Назад, – тихо сказал Тимофей, но собаки не послушались. – Назад! – крикнул Тимофей, стараясь обратить внимание собак на себя и отвлечь их от кабанёнка, на которого они смотрели, не отрываясь. – НАЗАД!!!

У Тимофея не было никакого оружия. Убегать было уже поздно, но и отдавать своего питомца вот так глупо очень не хотелось.

Тимофей понимал, что сейчас придётся драться. Хотя что он мог поделать с двумя огромными животными, в пасти которых его голова могла бы просто потеряться?

«А может, всё-таки попробовать убежать?» – мелькнула в голове предательская мысль. Но куда бежать? До леса ещё далеко, да и в лесу спрятаться вряд ли удастся – звери натасканы на охоту в лесу, там они тоже как дома.

Горыня тоже уставился на преследователей. Его ещё мягкая пушистая шерстка встала дыбом. Кабанчик принял устойчивую позу и злобно хрюкнул (конечно, ему очень хотелось изобразить огромного и злого зверя, но, к сожалению, пока что своим видом внушить кому-либо ужас и страх у него не получалось – не те габариты).

– Спокойствие, Горыня. Мы сделаем всё, что в наших силах.

Большинство собак совершенно спокойно оставались дома, лишь облаив поросёнка, продолжая выполнять свой основной долг – охрану жилища. Лишь этим живоглотам не сиделось.

«И что вас сюда принесла нелегкая», – пробурчал Тимофей, лихорадочно прокручивая в голове различные варианты действий.

В последней надежде мальчик посмотрел по сторонам, стараясь отыскать кого-нибудь из взрослых, но все разошлись по делам, тем более что эта часть деревни была далеко от тропинок и дорог. Нечасто здесь можно было встретить живую душу, именно поэтому Тимофей и любил здесь ходить. Теперь же он жалел о своем поступке.

Раз надеяться не на что и не на кого, значит, что-то придется придумывать самому. Как ни странно, эта мысль успокоила Тимофея. Раз всё зависит только от тебя, то тебе и решать, что делать.

«Злой» и «Гривастый» – имена агрессивных псов, позабытые в паническом состоянии, теперь ясно всплыли перед глазами.

– Злой! Гривастый! Стоять! – Тимофей постарался вложить в эти слова всю свою внутреннюю силу.

Псы, услышав свои имена, остановились и перевели взгляд с поросёнка на Тимофея.

– Назад! – Тимофей хотел закрепить успех, но Злой лишь рыкнул, а Гривастый снова двинулся вперед.

– Бежать нельзя. Бежать нельзя, – шептал мальчик сам себе.

Все знают, что убегать от собаки – самое последнее дело. Не погнаться за бегущим – это перестать быть собакой.

Но сейчас никак не получалось сообразить, что же можно было предпринять. Псы уже были в пяти-шести шагах. Горыня нервно перебирал ножками, стоя у Тимофея между ног, и молчал.

Псы подошли ещё на пару шагов и остановились. Началась излюбленная игра многих злыдней – гляделки. Мгновение, ещё одно, ещё... Гривастому надоело, и он стал заходить слева. Псы молчали. Ни рычания, ни лая. Только тяжелое дыхание и падающие слюни из жадно приоткрытых пастей. Злой так и остался стоять на месте, не нападая, предоставив напарнику возможность выбрать удобное место.

Тимофей старался следить за обоими, но трудно уследить, когда один находится справа, а другой слева. Тогда мальчик стал смотреть между ними, надеясь на периферическое зрение.

Гривастый не стал заходить сзади. В его большой голове мысли шли своим чередом. Может быть, он понимал, что крутиться вокруг жертвы – бесполезное занятие, а может быть, видел слишком слабую жертву, которую легко разорвать с одного наскока. Кто знает... Но теперь оба пса стояли с двух сторон, приготовившись к прыжку. Тимофей решил действовать.

Быстро наклонившись, он подхватил поросёнка и бросился вперёд, прямо между собаками. Те, сбившись с прыжка, неуклюже перескочили в сторону Тимофея, но не достали. Тимофей же только имитировал бегство, сделав всего пару

шагов, затем резко развернулся и со всего размаха ударил Гривастого носком правой ноги в челюсть.

Пес был очень крупный и очень сильный, но неожиданный удар по приоткрытой челюсти не только привел его в замешательство, удар зубов по зубам (челюсть клацнула так громко и с таким хрустом, что сразу становилось ясно, что пес лишился нескольких зубов) причинил псу сильную боль, остановил на месте, чуть не уронив на спину.

Тимофей отскочил, прикрываясь Гривастым от Злого. Вполне возможно, что с одним псом мальчик всё же справился бы, но с двумя...

Злой одним прыжком перепрыгнул через собрата и всей тяжестью своего тела врезался в Тимофея. Его зубы щелкнули прямо перед лицом Тимофея, чудом не зацепив нос. Мальчика спасло то, что Злой так и не решил, на кого нападать – то ли на поросенка, то ли на человека. Из-за этого укус пришёлся между ними.

Тимофей отлетел и сразу же перекатился в сторону, поднимаясь на ноги. Бой только начинался.

Злой не собирался давать врагу передышки, и мгновенно развернувшись, снова бросился на Тимофея, а тут еще и Гривастый пришел в себя. Дело принимало слишком серьезный оборот.

Первым напал Злой, снова прыгнув на Тимофея. Мальчик попытался увернуться и отскочить в сторону, но бросок зверя был слишком стремительным. Тимофей лишь успел вытя-

нуть правую руку с поросёнком подальше от зубастой пасти, а левой прикрыть лицо. Челюсть сомкнулась на левой руке. Послышался хруст. Тимофей не почувствовал боли, находясь в самом пылу борьбы, он просто перестал ощущать свою левую руку, как будто её и не было.

Пес, зажав его руку, по инерции толкнул Тимофея головой в грудь, сбивая мальчика с ног. Тимофей сумел отбросить от себя Горыню, но смягчить своё падение уже не успевал. Удар спиной о землю едва не выбил из груди весь воздух. Тимофей чуть не задохнулся от неожиданности.

– Вот она, смерть, – подумал Тимофей, когда Злой отпустил его искалеченную руку и переключился на лицо.

Краем глаза Тимофей заметил выбегающего Гривастого: – «Я даже тебя, Горыня, не спас», – эта мысль резанула как ножом. Но Злой уже поставил лапу Тимофею на грудь, так что мальчик даже не мог пошевелиться.

Собаки не издавали ни звука. Они были на охоте – они не угрожали, а убивали. Злой раскрыл окровавленную пасть (Тимофеева кровь так и стекала с песьих зубов, капая на землю и самого Тимофея) и нацелился на лицо.

«Конец», – коротко и ясно прозвучала последняя мысль. Время замедлило свой ход. Тимофей видел, как пасть приближалась к лицу. Из последних сил он ударил по пасти здоровой рукой, но удар почти без замаха не произвел на пса никакого эффекта. Тёплое дыхание, пахнущее свежей кровью, дохнуло Тимофею прямо в лицо.

Оглушительный рёв потряс округу. Злой остановился и резко вскинул голову глядя куда-то вперёд. Неожиданно для Тимофея Злой что-то попытался прорычать, но у него явно не получилось.

Тимофей извернулся и вынырнул из-под собачьих ног. Злой совершенно не обращал на него внимания. Тимофей обернулся, стараясь проследить за взглядом пса. Сначала его взгляд наткнулся на Гривастого, также глядящего вдаль, и поросёнка, застывшего в оборонительной позе – шерсть дыбом, мордочка сморщена в надежде приоткрыть еще не выросшие клыки. А затем...

Затем он увидел кабана-великана. Тот стоял на пригорке и злобно смотрел на псов налитыми кровью глазами. Псы жалобно попробовали заскулить, но тут же осеклись. Казалось, что тишина опустилась на землю. Куда только всё подевалось? Ни птиц, ни животных, ни людей. Звуки покинули этот мир.

Тишина стояла лишь несколько мгновений, но Тимофею показалось, что прошла целая вечность. Бешеный рёв повторился, и кабан сорвался с места.

Псы, конечно, сильно перетрусили, увидев несущуюся смерть, но они всё же были бойцами. Обречённо взыв, они кинулись на кабана. Расстояние между животными стреми-

тельно сокращалось.

Даже издали было видно, что у кабана очень жаркое дыхание: каждый выдох сопровождался быстро растворяющимися в воздухе струйками пара. Кабан скорее напоминал злобного духа, чем обычное животное.

Все произошло очень быстро, Тимофей не успел подняться на ноги, как звери сшиблись. Кабан даже не притормозил, одним ударом разметав огромных собак. В разные стороны полетели клочья шерсти, мяса и капли крови. Гривастый жалобно взвизгнул, а Злой попытался извернуться и схватить кабана за ляжку, но промахнулся. Кабан сам уже развернулся, и новая атака утихомирила Гривастого уже навсегда.

Удар был страшной силы. Тимофей наблюдал за всеми этими ужасами, не в силах отвести взгляд. Гривастый летел шагов двадцать, оставляя в воздухе кровавый след, прежде чем хрястнулся о землю.

В это время Злой все же улучил момент и вцепился кабана под правую лопатку. Кабан быстрым движением повернул свою мощную башку вправо, поддел пса огромными клыками и подбросил его вверх. Тимофею показалось, что Злой все же сумел отхватить кусок кабаньего тела, но на кабана это никакого впечатления не произвело.

Злой ещё не успел приземлиться, а кабан уже ловил его. Прямым боковым ударом своего массивного лба кабан бросил Злого на землю, ломая тому ребра.

Дальше в поднявшейся пыли и летящих комьях земли

вперемешку с кровью и шерстью Тимофеем уже ничего не мог разглядеть. Видно был только, как неистовствует кабан, разнося покалеченного пса вместе с землёй, на которую упал невезучий пес.

Кабан рвал и метал довольно долго. Затем остановился, уставившись в глаза Тимофею. Вокруг кабана всё ещё продолжала падать вырванная трава и кусочки земли. Время никак не могло набрать свой привычный ход.

У Тимофея уже не было сил бояться, поэтому он просто смотрел кабану в глаза. Кабан первый отвёл глаза и посмотрел Тимофею под ноги.

Сначала Тимофей обрадовался, думая, что сила его взгляда подействовала на кабана, но толчок в ногу развеял его заблуждение. Кабан смотрел на Горыню, который прислонился к Тимофеевой левой ноге и теперь тёрся об неё, исподлобья поглядывая на огромного сородича. Кабан взвыл еще раз, развернулся и ушёл. Или...

Тимофей так и не понял, что произошло, кабан просто растворился в воздухе. Но на размышления у Тимофея не было никакой возможности. Время снова набрало привычный ход.

Вернулись все звуки, запахи, чувства. Только теперь пришла боль. Сломанная рука дала о себе знать так резко и так неожиданно, что у Тимофея просто не хватило сил сопротивляться. Свалившись на землю, крепко прижав к себе больную руку, он успел бросить замутненный взгляд на Го-

рыню, и после этого сознание покинуло его.

В полудреме Тимофей видел, как Волхв простер над ним свои руки.

– Спи, мальчик мой, спи. Сейчас тебе некуда торопиться.

– Откуда взялся кабан? – еле-еле шевеля губами прошептал Тимофей.

– Ты разве не узнал его?

Глаза у Тимофея еще никак не могли адаптироваться и прийти в норму, всё выглядело расплывчатым и зыбким, поэтому Тимофей признал Волхва скорее интуитивно, чем логически.

– Кабан Святослава?

– Можно и так сказать, – усмехнулся Волхв.

– Но как? Я же видел, как Налёт растерзал его!

– Кабан, конечно же, мёртв. Но смерть – это всего лишь освобождение души. Даже у кабана есть своя душа.

Тимофей и раньше не сомневался в том, что у любого живого организма есть душа, но одно дело верить, а другое – точно знать. Волхв истолковал молчание Тимофея по-своему.

– У каждой души есть свои цели. Душа кабана решила присмотреть за своим сыном.

– А где его мать? – тут же спросил Тимофей, как только в речи Волхва появилась пауза.

– Мать кого? Кабана-духа или кабанёнка? – не сразу понял Волхв, слишком сильно погруженный в свой рассказ, из которого его так бесцеремонно вырвал вопрос Тимофея.

– Мать Горыни. – Тимофей подумал, что Волхву неоткуда было узнать об имени питомца, и решил добавить: – Кабанёнка.

– Она не вмешивается в земные дела. Она не так привязана к земле, как кабан.

– Бедняга, – прошептал Тимофей.

– Кто бедняга? – опять не понял Волхв.

– Кабан. Он теперь привязан к земле навсегда... – Тимофей, который ещё помнил тот ужас, который вызвал у него разъяренный кабан, неожиданно легко пожалел его.

Узнав столько нового о жизни и душе, Тимофей теперь по-новому смотрел на смерть.

– Можно было бы с тобой согласиться, но есть одно но – кабан привязан к земле через своего сына.

Тимофей с трудом разглядел, что Волхв улыбается и спросил:

– Пока жив его сын, душа кабана будет жить на этой земле?

– На земле душа не живёт – она существует, – пояснил Волхв.

– Как это? Она же везде летает, следит за живыми, даже вмешивается в обычную жизнь!

– Ты все правильно говоришь, но жизнь – это движение

вперёд, развитие. Оставаясь на земле, душа не развивается, а топчется на месте. Тебе пока что это трудно понять. Возможно, поймешь со временем. – Волхв замолчал, изучающе глядя на Тимофея.

Эти слова, ставшие для Тимофея откровением, открыли ему глаза. Конечно, он знал почти все сказки и легенды, известные племени; безусловно, ему рассказывали, кого и что ждёт после смерти, но никто ему ещё не говорил об этом предмете с таким знанием дела. В словах Волхва чувствовалась сила и правда. Ему нельзя было не верить.

– А как же новый Бог? – Мысли Тимофея стали обретать привычную ясность.

– Ты говоришь про Единого Бога? – Волхв спросил скорее для порядка, так как не понять вопроса было невозможно. Особенно в свете недавних событий.

Племя Болотных Мхов, благодаря своей отдалённости, сильно повезло. Как сообщали путники, случайно забредавшие в деревню, да торговцы, повсюду, по всей стране громили идолов, не жалели ни священных деревьев, ни священные рощи. Всё подчинялось Единому Богу. Старые верования уходили, а новые, с топором, огнем и кровью завоевывали привычный мир.

Отдаленность деревни, до которой и лихие люди то редко добирались, спасала её от преследований. Однако один священник – отец Клемент, всё же, дошёл до этих мест и построил, не без помощи местных жителей, высокую деревян-

ную церковь и даже сумел организовать доставку церковного колокола, с огромным трудом водруженного на колокольню.

Отец Клемент не был сторонником агрессивных мер. Он старался переманить людей в свою веру с помощью ласки, уважения, трудолюбия. Он никогда не чурался никакой работы: с радостью помогал селянам, сам работал в поле, ухаживал за скотом, он сам содержал две коровы и небольшой курятник.

Но работников в деревне хватало, а трудолюбие, хоть и ценилось, не могло считаться большим плюсом, учитывая, что лентяи в племени надолго не задерживались. Они или умирали от голода, не умея себя обеспечить, либо, что чаще, уходили в большие города, где у них появлялись бóльшие шансы к чему-нибудь или кому-нибудь пристроиться, вырвав себе на пропитание кусок хлеба.

Священник сумел завоевать себе почти безграничное уважение и доверие после того, как показал себя искусным целителем. Он спас от неминуемой смерти уже более десятка человек, а ведь это десяток (а то и боле) е, семей, а люди племени Болотных Мхов умели быть благодарными и никогда не забывали сделанного добра.

Никакой силой, никакой угрозой, никаким подхалимажем нельзя было приобрести такого уважения, какое приобрёл священник. Таким образом, отца Клемента стали считать своим. Люди теперь заходили к нему не только за помощью и за советом, но и попить свежей браги, поговорить о жиз-

ни. Отец Клемент умел хорошо слушать и замечательно говорить.

Уже все жители деревни стали прихожанами церкви. Люди ещё не забыли старых богов, но доверие отцу Клементу, породило и веру в Единого Бога.

– На самом деле никакого противоречия нет, Единый Бог объединяет в себе всех богов, вот и всё. Это сильно упрощает веру. Не надо приносить подношения каждому богу, не надо делать идолов и совершать множество обрядов, – отвечал Волхв.

– У нас пока что Единый Бог стал лишь ещё одним богом, одним из многих. Старейшины ещё даже толком не решили, куда его поставить, – рассказал Тимофей.

– Поставить образ Единого Бога не трудно, достаточно поставить его выше всех. Остальные боги лишь частички Единого Бога, поэтому они теперь становятся не сами по себе, а в какой-то степени зависимыми от Единого.

Все объяснения для Тимофея звучали весьма запутанно:

– Я плохо понимаю тебя.

– Не беда. Оно тебе и не нужно. У тебя сейчас и так будет много проблем. Я совсем заговорил тебя, а рановато – тебе ещё выздоравливать и выздоравливать... Главное, не переживай. Живи как жил, действуй по совести, и всё будет как надо. Может быть, мы еще встретимся.

– Надеюсь, – еле-еле прошептал Тимофей. Голос Волхва звучал усыпляюще, так что мальчик уже не мог сопротив-

ляться надвигающемуся сну. Веки стали слишком тяжёлыми, чтобы держать глаза открытыми. Тёплый, спокойный, лечебный сон мягко забрал Тимофея в свои объятия.

Тимофей очнулся от резкого холода, сжимавшего его бедную голову. Холод был таким сильным и неприятным, что мальчик потянулся к голове здоровой рукой.

– Подожди, потерпи немного. Сейчас жар спадёт, тебе станет полегче.

«Отец Клемент?» – узнал Тимофей приятный голос. Тёплая рука поймала здоровую руку мальчика и положила её на кровать.

– По-моему, ты уже почти в порядке, можешь попробовать открыть глаза.

Тимофей не сразу решился открыть глаза – он всё ещё помнил, какими тяжелыми были веки совсем недавно. Но отец Клемент снова повторил свою просьбу, а затем что-то приложил к губам Тимофея.

Пахучая, теплая, горьковатая, немного вязкая жидкость медленно потекла мальчику в горло. Сначала она казалась сладкой и приятной, но как только Тимофей сделал один глоток, сладость переросла в горечь, а теплота в жгучесть.

Тимофей закашлялся. Чья-то рука поддержала его под спину, помогая приподняться и откашляться. Усилием воли, с трудом сдерживая рвотные порывы, Тимофей заставил свой организм проглотить всё без остатка. После такой экзекуции мальчик наконец-то решился открыть глаза.

Над ним склонилось внимательное лицо отца Клементя.

– Молодец. Ложись обратно. – Священник мягко, но настойчиво уложил Тимофея обратно в постель. – Я уж и не знал, что делать, ты выглядел так, будто тебя уже нет.

– Как это нет? – удивился Тимофей, тревожно обводя помещение рассеянным взглядом.

– Ну, вроде как ты здесь, а с другой стороны, тебя здесь нет. – Священник задумался. – Трудно объяснить. Да ты не бери в голову. Тебе выздоравливать надо, а не глупостями голову забивать.

Тимофей, который чувствовал себя неважно, но ещё не понимал из-за чего именно, продолжал осматриваться. Просторная комната, длинный широкий стол посередине, окруженный скамейками, кровать в дальнем углу, на которой он и лежал, печка неподалеку – всё, как и полагалось. Ничего особенного или необычного.

– Это ваш дом?

– Да. Тебя принесли вчера вечером. Сильно тебя потрепали.

– Собаки. Это собаки. – Воспоминания сразу привели Тимофея в чувство. – Где Горыня?

– Горыня? – переспросил отец Клемент.

– Поросёнок, – уточнил Тимофей.

– А, ты о нём... – Священник встал, подошел к двери и открыл её. – С ним всё в порядке.

С весёлым хрюкающим повизгиванием поросёнок во-

рвался внутрь, пролетел мимо священника, подбежал к кровати и попробовал на нее залезть, но кровать для него была высоковата. Он прыгал на задних ногах, опираясь передними о свешивающееся одеяло, но даже так он никак не мог дотянуться до Тимофея.

– Ух, как он к тебе рвётся! – удивился священник. – А ведь он никого не хотел к тебе подпускать, охраняя и бросаясь на любого подходящего, лишь после довольно долгой борьбы я сумел его скрутить и отнести к себе в дом. Тебя тоже отнесли ко мне, мужики постарались.

– А почему не домой? – Тимофей повернулся набок и свесил руку, стараясь дотянуться до поросёнка.

– Твоего отца не сразу нашли, а когда разыскали, ты уже лежал здесь. Мне показалось, что переносить тебя еще раз было бы опасно.

– Спасибо.

– Не стоит меня благодарить, сын мой. – Казалось, что только сейчас священник вспомнил о своей должности. – Делать добро надо ради самого добра, а не ради благодарности. Делай добро, и оно к тебе вернётся.

Тимофей наконец-то дотянулся до прыгающего поросенка, погладив того по пяточку.

– На вас посмотреть, так сердце разрывается, – не удержался отец Клемент и поднял поросёнка, поставив рядом с Тимофеем прямо на кровать.

Поросёнок сразу же начал ласкаться и тыкаться пяточком

Тимофею прямо в лицо.

– Ну ладно тебе, ладно, – Тимофей попробовал защититься от такого напора, немного отодвинув поросёнка привычным движением рук, но левая рука почти не повиновалась.

Только сейчас Тимофей заметил, что рука тщательно перевязана.

– Я вообще-то не очень люблю животных в доме, особенно совершенно недомашних, но твой кабанчик меня заинтересовал. Я в свое время, когда был помоложе, много попутешествовал, многое повидал, но дикого поросёнка, так прилепившегося к деревенскому ребенку, встречаю впервые. К тому же он очень умный. – Священник говорил, что-то вспоминая, поэтому не сразу заметил, с каким ужасом Тимофей смотрит на свою руку. – Спокойно, мальчик мой, с твоей рукой всё нормально, могло быть намного хуже. Псина чуть не откусила её полностью. Когда я тебя увидел, то подумал, что конец руке, да если честно, и тебе тоже – слишком много потеряно крови, да и выглядел ты ужасно. Но ничего – как видишь, обошлось.

Тимофей знал, как много людей оставались калеками на всю жизнь и с меньшими повреждениями, ему очень не хотелось становиться таким же. И так родители считали его чуть ли не обузой, не хватало только покалечиться.

– Не знаю, насколько хорошо будет работать твоя рука. – Отец Клемент подошел и спустил поросёнка на пол, чтобы тот в радостном порыве не повредил только-только начав-

шую заживать рану. – Можешь пальцами пошевелить?

Тимофей очень старался, но пальцы лишь еле-еле шевельнулись.

– Ничего, не будем торопиться. Вот срастутся кости, тогда и посмотрим. Кстати, твой поросёнок очень плохо ел эти дни. Может, сам его покормишь? – Отец Клемент попытался отвлечь Тимофея от мрачных мыслей, и у него получилось.

– Да, да! Обязательно! Я только и думаю, что о себе, – вскричал Тимофей, вскакивая с кровати.

Резвый подъем отозвался в повреждённой руке сильной болью, скрутив сидящего Тимофея.

– Не надо резких движений.левой рукой вообще старайся ничего не делать ближайший месяц. Сместишь кости, и они срастутся неровно, потом не исправишь.

Боль отпустила, и Тимофей наконец-то смог подняться на ноги. Голова сначала немного закружилась, а тело покачнулось, но затем организм вспомнил былую уверенность движений, и координация включилась в работу выравнивая тело. Священник поддержал Тимофея под руку. Мальчик чувствовал, что и сам вполне может справиться со своим телом, но отказываться от вежливой помощи посчитал нетактичным. Так он и добрался до скамьи, стоящей у стола, присел на край и положил руку на стол.

Отец Клемент тут же поставил перед ним небольшую деревянную плошку и налил в нее утреннего молока.

– Из моих рук он ни есть, ни пить не хочет. Вот, смот-

ри. – Священник поставил плошку на пол и попробовал позвать поросёнка. Горыня крутился возле Тимофеевых ног, но к плошке не шёл. – Видишь?

– Горыня, ешь. Ешь спокойно. – Тимофей помахал здоровой рукой в сторону плошки. Горыня сразу же подбежал и принялся жадно поглощать угощение. – Это плохо. Если со мной что-нибудь случится, так Горыня и с голоду померёт?!

– А ты постарайся сделать так, чтобы ни с тобой, ни с ним ничего не случилось. – Священник, улыбаясь, смотрел на мальчика и его питомца.

– Так никогда не знаешь, что может произойти.

– Бог всё видит и всё понимает. Когда придёт время, он призовет тебя. Может быть, и кабанчика твоего тоже, но то, что случилось, должно стать для тебя уроком. У тебя ещё вся жизнь впереди. Бог дарует тебе жизнь. Не пренебрегай своей жизнью и жизнью своих друзей никогда, следуй божьим указаниям, и всё будет как надо.

– А почему «может быть» и Горыню? – недопонял Тимофей.

– Потому что я сам не знаю, есть ли душа у животных или нет.

– Конечно же есть! – уверенно сказал Тимофей, вспоминая увиденную душу огромного кабана.

– Ты говоришь так уверенно, как будто точно знаешь. – Священник рассмеялся. – В детстве я тоже был таким. Но те-

перь... – Отец Клемент снова задумался. – Я стал другим. С одной стороны, я стал во многом сомневаться, а с другой стороны, приобрел безграничную веру в Бога. Вот такие вот чудеса, сын мой.

Тимофей не решился рассказывать священнику о том, что он сам видел души. Скорее всего, отец Клемент воспримет такой рассказ как бред или вообще подумает, что Тимофей сошел с ума.

«Но может быть, так и должно быть?» – размышлял Тимофей. – «Каждый до всего должен доходить сам, не пользуясь подсказками со стороны».

События, произошедшие с Тимофеем, заставили повзрослеть мальчика намного раньше, чем его одноклассников.

С самого детства грустные глубокие глаза Тимофея заметно выделяли его среди детей. Многие старшие прочили ему стезю мудреца. Но молчаливость и жизнь в самом себе, поменяло представление взрослых о Тимофее.

Человек не от мира сего не мог претендовать на что-то значительное, разве что на роль изгоя. Но племя заботилось обо всех своих представителях, так что изгнание Тимофею не грозило, однако и уважение снискать было весьма трудно.

К мальчику относились скорее с опаской, чем с пониманием или презрением. Даже молодежь его не задирала, хотя, многие молодые остряки славились своими языками и дурашливым поведением.

– О чём задумался? – Отец Клемент положил руку на пле-

чо Тимофея. – Можешь остаться у меня ещё на одну ночь. И мне будет удобно за тобой присматривать, да и тебе здесь будет удобнее, чем в хлеву.

– Нет, нет, что вы! – Тимофею не терпелось вернуться домой. – А откуда вы узнали, что я перебрался в хлев?

– Я внимательно слежу за происходящим в моём приходе. – Увидев, что у Тимофея брови поползли наверх, отец Клемент сразу успокоил его. – Но ничего плохого не думай, я не соглядатай какой-то. Я слежу только за тем, чтобы людям в моём приходе хорошо жилось, чтобы не было ссор, вражды. Если я не буду знать что из-за чего произошло, то что же получится?

Его слова вызывали доверие, и Тимофей успокоился, больше не думая об этом. Они посидели еще немного.

Горыня уже давно ухрюкал всё молоко и теперь, сытый и довольный, любопытно обнюхивал комнату, выискивая для себя что-нибудь интересенькое. Что для кабанёнка могло быть интересного в обычном деревенском доме? Подвал.

Неожиданно легко сдвинув небольшой деревянный окованный по краям сундучок, кабанчик застучал ногами по открывшемуся полу. Затем он попробовал поддеть доски пятчком.

– Стой! Ты чего делаешь? – закричал Тимофей. – Сейчас весь нос в зацепах будет!

– Ха! Твоего поросёнка нельзя пускать в гости, – священник откровенно веселился. – А ведь он совершенно точно

нашёл вход в мой погреб.

Горыня, потыкавшись еще немного, бросил это дело и вернулся к Тимофею, выжидательно заглядывая ему в глаза.

– Не переживай, Горыня, скоро отправимся домой. Там отдохнёшь от всего нового, – успокаивал кабанёнка Тимофей.

– Ты всё же решил уходить? – огорчённо спросил отец Клемент.

– Да, спасибо вам за всё, но мы не можем злоупотреблять вашим гостеприимством, – Тимофей стал подниматься.

– Подожди, выпей-ка этот отвар, а потом иди. – Отец Клемент достал из еле тлевшей печи чёрный котелок. – Он придаст тебе сил и поможет не только дойти до дома, но спокойно обустроиться в нём и заснуть не чувствуя боли. Не забывай, сейчас половинка луны – луна будет уменьшаться, а затем расти. Пока она снова не станет такой же половинкой, береги свою руку и повязку не снимай. Когда придет время, если со мной ничего не случится, я сам сниму перевязку. Я зафиксировал тебе руку специальной глиной. Очень полезная вещь. – Рассказывая, отец Клемент наливал Тимофею напиток. Налив полную кружку, он поставил котелок обратно в печь. – Я узнал о таком лечении в одной далекой стране, где живут только чёрные люди.

– Чёрные люди? – переспросил Тимофей.

– Не плохие люди, а именно чёрные, у них была чёрная

кожа. У них я и подглядел этот интересный способ лечения. При мне один молодой человек неудачно свалился с дерева и сломал себе ногу. Знахарь того племени всё сделал очень быстро и чётко. Хорошо, что мне разрешили посмотреть. Ровно через месяц молодой человек был здоров, разве что прихрамывал немного. Уже много раз я применял этот способ лечения. Первое время получалось плохо, оказалось, что не всякая глина подходила, она должна была быстро и ровно застывать, не доставляя больших неприятностей. Будем надеяться, что в твоём случае я всё сделал правильно, – отец Клемент замолчал, не зная, что ещё сказать.

Тимофей набрал в рот немного жидкости и с трудом проглотил её. Горячий напиток тяжелым комом прокатился до самого живота, даруя телу приятное тепло. Левая рука плетью висела вдоль тела, не подавая никаких признаков жизни.

В дверь неуверенно постучали. Отец Клемент вышел в сени. Послышался гул голосов, но о чём шла речь, Тимофей расслышать не мог.

Мальчик не сделал и пары глотков, когда слышались шаги, и дверь распахнулась. Первым вошел отец Клемент, а за ним ввалились мужики, их было много. Тимофею не хватило бы пальцев на руке, чтобы их сосчитать, тем более что пальцы на левой руке считать было бы неудобно.

Тимофей хотел подняться, но отец Клемент тут же усадил его обратно. Сам священник сел рядом с Тимофеем, остальные мужики расселись кто где. Всем, конечно, скамеек не хватило, но о том, чтобы сесть на кровать, никто даже и не думал. Многие остались стоять, несколько сиротливо прижимаясь к стенам.

– Тимофей, у почтенных прихожан к тебе есть несколько вопросов, – обратился к мальчику священник.

Тимофей не знал, что и ответить, судорожно оглядывая пришедших. Напротив Тимофея сидели двое и сверлили его

злыми взглядами. Взгляд Тимофея споткнулся об их взгляд и замер. Он узнал их мгновенно – хозяев убитых собак.

Мальчик понимал, что теперь они его ни за что не простят и вряд ли когда-нибудь оставят в покое. Собаки были под стать своим хозяевам, недаром и имена хозяев были соответствующие – Невзор и Щука.

– Люди говорят поразительные вещи.

– Да, да, – не выдержал Невзор. – Очень необычные. Что ты с ними сделал?! Что ты сделал с моей собакой?! – Невзор сорвался на крик.

– Спокойно, я же просил не наседать на парня, – утихомирил его отец Клемент. – К тому же мне не очень-то нравятся все эти разговоры.

– Но... – попытался влезть в разговор Щука.

– Я верю в Бога, а не в злобных чудовищ и оборотней. – Над столом повисла тишина. – Ладно, рассказывайте всё, что хотели рассказать. Только без крика. Мальчик только начал выздоравливать. – Священник так выразительно обвёл взглядом присутствующих, что большинство мужиков не выдержали и опустили глаза. Только Невзор лишь немного склонил голову, изображая почтительность.

– Мы тоже верим в Бога, но есть силы, недоступные нашему пониманию, – начал говорить Невзор, мужики одобряющим гулом его поддержали. – Совсем недавно сдох подлый Колдун, после смерти которого мы даже не смогли потушить пожар, спаливший его дом. Если бы не Святослав, геройски

погибший в схватке с душой Колдуна, кто знает, что бы сейчас было? – Невзор замолчал, а все призадумались.

– Божьим словом можно многое сделать. Всё происходит по его воле, значит, и Колдун должен был сгинуть. А уж какими путями достигается цель, это уже только Богу решать, а не нам, – наставительно сказал отец Клемент.

– Это всё верно. Нить судьбы уже давно отмерена у каждого человека. Но в этом и есть наша радость, что мы не знаем, когда наша нить оборвётся.

На первый взгляд, Невзор производил впечатление недалекого человека, но в хитрости и сообразительности он мог бы обставить многих. Иначе в деревне его бы не стали долго терпеть, а так у него даже появились друзья и приятели.

– А вдруг Колдун не умер, а вселился в одного из нас?! Например... – он сделал трагическую паузу. – В Тимофея! – Невзор бросил на Тимофея уничтожающий взгляд, да и все присутствующие уставились на него.

Тимофею было слишком неуютно сидеть под неприязненными взглядами, но деваться было некуда, поэтому мальчик опустил глаза и вцепился в деревянную кружку с остывающим отваром, как бы ища у неё поддержки. Горыня, лежавший у Тимофея в ногах, почувствовал напряжение хозяина и недовольно зашебурился, открыл глаза и мрачно посмотрел по сторонам. Не заметив никакой опасности, кабанёнок снова положил голову на пол, но глаза не закрыл.

– Слишком много непонятного увидели наши лучшие охотники, – продолжил Невзор. – Но пусть-ка мальчишка сам расскажет, что же произошло. Нам всем интересно послушать.

Невзор, ухмыляясь, смотрел на Тимофея в упор. Нелегко было собраться в такой враждебной обстановке. Отец Климент, видя и понимая затруднение мальчика, положил ему руку на колено:

– Ничего не бойся. Говори всё, что видел и знаешь. Я был на том страшном месте, так что тоже многое видел и о многом могу догадаться по следам, но необычностей там действительно хватает.

Поддержка священника подбодрила как Тимофея, так и присутствующих.

– Я пошел гулять с Горыней, – начал он говорить, но, сразу услышав гул голосов, слившийся в вопрос «с кем?», пояснил: – с поросёнком. – Гул сразу стих, а на лицах мужиков появились улыбки.

– И на нас напали собаки, Злой и Гривастый.

– Ты смотри-ка, он даже имена их помнит! – воскликнул Невзор скорее с презрением, чем удивляясь.

Трудно было найти человека в деревне, который бы не знал этих злобных псов. Тимофей сделал вид, что не услышал замечания, продолжая:

– Не знаю, почему они так поступили. Остальные собаки побрехали и все, а эти стали преследовать.

– Чего ж тут непонятного?! – Невзор снова начал выходить из себя. – Почуяли чужака из леса, вот и пошли преследовать!

– Если ты так и будешь прерывать мальчика, то мы не доберемся до конца рассказа и за год, – осадил Невзора отец Клемент.

Невзор поднял руки в примирительном жесте.

– Место, где произошло нападение, вы и сами наверняка видели.

– Да уж, трудно было не заметить, – пробурчал вполголоса Невзор.

– Я попытался защищаться, но Злой схватил меня за руку и прижал к земле. После чего я почувствовал, что мне конец.

– Неужели собаки сразу взяли и вот так просто на тебя напали? – хитро прищурившись, спросил Невзор.

– Не совсем, – неуверенно начал Тимофей. – Сначала они хотели схватить Гор... поросёнка. Но я не позволил.

– Не позволил, – смешно передразнивая прогнусавил Невзор. – Если бы ты отдал им поросенка, то ничего бы не случилось!

– Невзор! – Отец Клемент повысил голос и встал. – Я попросил бы тебя помолчать.

Отец Клемент был внушительного роста, да и силой его Бог не обделил, так что кроме уважения служителя божьего он еще имел авторитет признанного силача. Так что никто и никогда не решался с ним связываться. Вот и сейчас

Невзор сразу замолчал, недовольно отвернув голову.

– Затем появился огромный кабан, который ревел очень громко. Я никогда не думал, что кабаны могут так реветь. Он и растерзал собак. Когда кабан посмотрел на меня, я потерял сознание. – Тимофей замолчал.

Какой смысл было рассказывать о том, что кабан, вероятно, был духом? Пусть сами разбираются. Укреплять мнение людей в том, что он является сумасшедшим дурачком, Тимофею совсем не хотелось.

– Вот и всё.

– А теперь можно я скажу, как всё было? – Невзор снова смотрел на Тимофея.

– Скажи, – нехотя сказал отец Клемент и сел.

– Когда собаки напали на тебя, ты обернулся кабаном и разобрался с ними! Злой в одиночку на кабана ходил и-то справлялся, а тут еще Гривастый помогал! Ты думаешь, я тебе поверю?

– Но это правда! – воскликнул Тимофей.

– Ты тут недавно пропадал несколько дней. Не у Колдуна ли, случайно?

– Нет. Я бродил в лесу. – Тимофей не хотел рассказывать про Святослава, но и врать он не смел.

– И что же ты там делал? – Невзор никак не унимался.

– Бродил, – несколько зло ответил Тимофей и замолчал.

– Эти вопросы не по существу, – вмешался священник. – Если есть доказательства, так говори, чего тянешь?

– Следы! Следы громадного кабана! Они появились из ниоткуда! Никто не смог проследить, откуда кабан пришёл и куда делся. Он просто растворился в воздухе. Следы есть – и вот их нет! – Невзор импульсивно вскочил со стула и стал шагать по комнате рассуждая. – Псов растерзал зверь, это несомненно. Так ни один человек не сумеет! Кабан – это оборотень! А кто был рядом? Кто мог превратиться в кабана?

Все затаили дыхание.

– Только этот парень! – Невзор обвиняющее ткнул пальцем в Тимофея.

– Тпру! – Отец Клемент тоже поднялся. – А теперь посерьёзней, обойдёмся без голословных обвинений. Насколько я могу судить, следы появились вдалеке от Тимофея. Драка произошла вдалеке от Тимофея. Псы, трепавшие мальчика, бросились на кабана, это же несомненно. Тогда как они могли трепать его в одном месте, а затем переключиться на него же, но уже в другом?

Мужики, стоящие вокруг, согласно закивали.

– Значит, нападавших должно было быть не меньше двоих. Даже если представить, что один из них был оборотнем, то куда же делись человеческие следы? Все мы знаем, что оборотни не летают, а перекинуться из одного состояния в другое нельзя быстро и безболезненно, да еще и не оставив никаких следов. – Священник говорил чётко и спокойно, убеждая в правоте своих слов.

Некоторое время все молчали, обдумывая сказанные сло-

ва.

– Но всё равно остается вопрос, – не унимался Невзор. – Откуда взялся огромный кабан? Из воздуха?!

– А вот это и надо выяснить, – заметил священник. – Но Тимофей здесь явно ни при чём.

– Он заманил мою собаку в ловушку! – крикнул Невзор.

– И мою тоже, – присоединился Щука.

– Он их звал, дразнил, или что? – совершенно спокойно, как бы не замечая нервного состояния спросил отец Клемент.

Все молчали.

– Не думаю. Невзор, ты сам заметил, что собаки пошли за поросёнком. Так чего же ты хочешь от мальчика? Твоя собака его чуть не убила. А человеческая жизнь и жизнь животного несопоставимы. Господь не для того создавал собак, чтобы они убивали людей. Только люди заставляют своих подопечных разрушать своё естество и убивать детей. – Отец Клемент обвёл собравшихся внимательным и грозным взглядом. – Только совершенно невменяемые собаки нападают на детей.

Это была всем известная истина, причем не требующая никаких объяснений. Такое уже нельзя было перебить досужими домыслами.

– А вдруг Злой хотел укусить свинью, а парень сам сунул ему руку в рот? – Невзора унять уже было невозможно.

– Ага, а затем еще сжал челюсть бедного пса другой ру-

кой, – поддразнил Невзора священник.

Мужики поддержали его смехом. Невзор весь покраснел, попытался что-то сказать, но слова не выходили из его рта. Он был похож на рыбу, выброшенную на берег.

Но отец Клемент не зря был именно «отцом». Он подошёл к Невзору, взял того за руку и произнёс короткую молитву. Прямо на глазах Невзор успокоился и обессиленно сел (точнее, свалился) на стул.

– Сын мой. Я понимаю, как тяжело тебе сейчас. Каждая тварь божья имеет право на жизнь, но не все могут оправдать своё право. – Отец Клемент говорил чётко и внушительно, одновременно успокаивая и пробуждая лучшие чувства.

Мужики стояли, понутив головы, принимая правду его слов.

– Надеюсь, вы убедились, что мальчик не виноват? – спросил отец Клемент, внутренне готовый к очередному нападению.

Но все согласились. Каждый из пришедших мужиков подошел к отцу Клементу, получил благословение и вышел из дома.

Первыми, конечно, были Невзор и Щука. Приняв благословение, они бросили подозрительный взгляд исподлобья на Тимофея и стремительно вышли.

Остальные мужики подходили сначала к священнику, а затем к Тимофею, хлопали его по плечу, некоторые просили прощения за недоверие, но таких было немного.

Вскоре дом опустел, и Тимофей смог расслабиться. Священник проводил последнего из посетителей и вернулся.

– Отвар, наверное, остыл. – Он хотел взять кружку у Тимофея, но тот не дал, быстро вылив остатки в рот.

– Ничего, я вполне могу выпить и холодный, – ответил Тимофей после того, как чуть не подавился большим количеством жидкости.

– Ну что ж... – Отец Клемент сел напротив. Повисла тишина. – Ты не представляешь, как тяжело бороться с суевериями людей. Снова вспоминают оборотней, колдунов. Того и гляди, ведьмы с волхвами объявятся. – Священник поставил локти на стол и положил голову на тыльные стороны кистей. – Есть только один Бог. Только Он определяет, что, кому и для чего делать. Неисповедимы пути его.

Тимофей слушал, не перебивая. Ему повезло: он встречался с существами, давно ставшими героями сказок и легенд, но как объяснить это отцу Клементу, Тимофей не знал. Поэтому предпочёл оставить всё как есть.

В конце концов он распрощался с отцом Клементом, получил благословение, пообещал зайти через день-другой для проверки раны и отправился домой, весело посматривая на Горыню, радостно скакавшим рядом с Тимофеевыми ногами.

Первым делом Тимофей завёл Горыню в хлев, бросив «привет!» хлевному, и побежал в дом сообщить матери о своём возвращении. Стремительно ворвавшись в дом, Тимофей от неожиданности застыл на месте.

Отца не должно было быть дома, а он... Он сидел за столом и смотрел на Тимофея. Мальчик сразу смешался.

– Тимофей! – воскликнула мама и подбежала к сыну.

Обняла его, поцеловала, потрепала по голове. Она уже даже и не знала, как приласкать сына. Тимофей очень радовался, но очень боялся проявить свои чувства при отце. Кто же знает, как он может отреагировать?

Отец поднялся из-за стола. Тимофей инстинктивно прижал к себе больную руку и напрягся.

– Ну, здравствуй. – Отец улыбнулся и подошёл. – Избавился от хвори?

Язык Тимофея никак не хотел шевелиться, поэтому он просто показал перевязанную руку.

– Вижу, вижу. Не слепой. – Отец явно немного обиделся, не получив словесного ответа.

Он неожиданно быстро подошел и поднял руку. Тимофей с трудом заставил себя не зажмуриться. Но рука отца лишь легла ему на голову и слегка растрепала волосы. Такое поведение было сродни удару грома.

– Не бойсь. Я, конечно, считал тебя трусом и доходягой. Но в свете некоторых событий я пересмотрел свою точку зрения... Но только немного. – Отец ощерился улыбкой.

Они сели за стол, и мать достала из печи горшок с горячей похлебкой. Тимофей сообщил, что у священника выпил целую кружку отвара, но это не значило, что он отказывался от еды. Когда последний раз он ел? И припомнить-то было трудно, тем более что, валяясь без сознания, поесть не было никакой возможности.

Ели практически молча. Отец несколько раз похвалил похлёбку, а Тимофей его поддержал. Задумавшись, Тимофей потянулся за хлебом забинтованной рукой. Она отозвалась легким уколом и ноющей болью. Тимофей от неожиданности уронил ложку в похлебку и схватился за больную руку.

– Тяжело болезным быть? – без улыбки, с долей участия спросил отец.

Лицо матери перекошило от боли, которую она испытывала вместе со своим сыном.

– Терпи, Тимофеюшка, терпи. Поболит, поболит и пройдёт, – она говорила с ним, как с маленьким неразумным ребёнком.

– А, ерунда, – попробовал отмахнуться Тимофей. – Просто всё как-то неожиданно получилось. – Он рассмеялся и потянулся за хлебом здоровой рукой.

Неудобно есть одной рукой – то ложкой ворочай, то хлеб ко рту носи, а ничего, быстро приспособился Тимофей и съел

свою порцию быстрее всех, за что с огромной благодарностью (в смысле благодарил он, а не его) получил добавки.

Когда тарелка отца опустела, он одним движением отодвинул от себя грязную посуду, сыто рыгнул, облокотился на стол и внимательно посмотрел на Тимофея.

– Не думал я, что ты не побоишься злобных псов. И как же тебя угораздило на них нарваться?

– Случайно. Я даже не думал про них, когда пошёл прогулять Гор... – сказал, и сразу осёкся. Он же ещё не показывал поросенка отцу.

– Что замолчал? Не гору же ты прогуливал. – Отец усмехнулся. – Да знаю я про порося твоего. Думаешь, если я на тебя мало внимания обращаю, так ничего и не вижу? За дурака меня держишь? – По тону отца трудно было догадаться, сердится он или подшучивает. – Хлев ты здорово починил, я бы так не сумел.

Несмотря ни на что, Тимофей всегда верил в честность отца. Был бы у отца другой характер, так, может, и не стал бы он Тимофея от себя отстранять, а скорее сгноил бы потихоньку. Отец же поступил честно, как считал Тимофей. Из дома не выгнал, кормил, поил, одевал. Просто не замечал.

Конечно, если разобраться, полное невнимание к ребенку намного хуже злого внимания, хотя здесь ещё было над чем подумать.

Тимофей не считал свою жизнь такой уж плохой. Конечно, хочется иногда с кем-нибудь поделиться мыслями и чув-

ствами. Но раньше у него был Святослав и Василиса, а теперь Драгомир и Домослав, да ещё и Горыня. Всё это так, но это не значило, что отец для него не имел никакого значения. Тимофей очень любил и свою мать, и отца.

Даже невнимание отца не заставило Тимофея обидеться на весь мир – он так же, даже ещё больше, старался помогать по дому и набирать запасы.

– Если хочешь, можешь перебраться обратно в дом. Если же нет, можешь оставаться в хлеву. Я тебе его дарю. Так что теперь он целиком и полностью на твоём попечении. – Можно было подумать, что отец последние несколько лет о хлеве пёкся. – Произошедшее позволило мне посмотреть на тебя по-другому. Не знаю, каким это образом тебе удалось выжить. В то, что ты стал оборотнем, как кричали некоторые, я не верю, а всё остальное проверить невозможно. Самое смешное, что ты скорее сделал хорошее дело. Ведь эти псы всем мешали! Чужие силки опустошали, огрызались на всех, никому спуска не давали.

– Даже на тебя? – удивился Тимофей не представляя, что отец мог стерпеть подобное отношение к себе.

– Даже на меня. Теперь в деревне будет поспокойнее, если Невзор с Щукой совсем не распоясаются. Будем надеяться, что старейшины не позволят. А то враждовать с ними напрямую нельзя. Да и ни с кем нельзя, тем более что живём мы в одной деревне. Это что ж это получится, если все враждовать начнут?

Тимофей не знал, что ответить на такие рассуждения отца.

– Кошмар получится, да и только. Никакого житья не будет, – Крив понял, что его начало куда-то заносить и остановился. – Ладно, это уже другой разговор. Ты должен будешь пройти испытание и стать настоящим мужчиной.

Такая резкая смена темы вмиг сбила всю расслабленность, появившуюся после сытного обеда и разговоров.

– Крив! – воскликнула мать. – До испытания еще далеко.

– Всё всегда далеко, пока оно не наступает, – урезонил её Крив и обратился к Тимофею: – Я надеюсь... – Он помолчал, – Я очень НАДЕЮСЬ, что ты справишься, и мы с матерью больше не будем посмешищем всей деревни.

Тимофей никогда не замечал, чтобы над ними насмехались, но отцу, видимо, виднее.

Отец улыбнулся, сглаживая тяжелый момент. Затем встал, подошел к Тимофею, который тут же вскочил со стула, и крепко его обнял.

– Жена, тащи сюда остатки, поросёнок уже наверняка от голода весь извелся.

Малуша с готовностью вскочила и вынесла из-за печки большую крынку молока и кусок хлеба.

– Иди, корми свое чудо леса. Может, вырастишь, вместо собаки будет дом охранять, – рассмеялся отец.

Тимофей с благодарностью схватил еду и побежал в хлев. Ведь и правда, его там уже заждались, но и раньше уйти было

нельзя. Только-только стали отношения налаживаться.

– А вот и я! – радостно воскликнул Тимофей, вбегая в хлев.

– Явился, наконец, – проворчал Драгомир, но его улыбающееся лицо выглядело довольным. Тут же от стены отделилась тень и превратилась в Домослава.

– Приветствую, с возвращеньцем, – Домослав довольно потирал мохнатые ладошки. – Вижу ты уже передвигаешься самостоятельно.

– А как же иначе? – удивился Тимофей и только сейчас заметил, что молоко поросенку наливать не во что.

Драгомир, мгновенно оценив обстановку, выковырял из-под сена небольшую глубокую миску.

– На, не стой как пень.

Несмотря на ворчливый тон хлевного, Тимофей даже не стал обижаться на такое обращение. Он был слишком рад своему возвращению.

Не каждый может понять эту радость. Ещё недавно, а для Тимофея это было чуть ли не вчера (ведь он очень плохо помнил свое бессознательное состояние), его почти убили, пришлось даже попрощаться с жизнью – а тут на тебе. Не только выжил, но еще и вернулся домой. Конечно, вернулся немного потрепанный (пальцы на больной руке всё ещё отказывались слушаться), но всё же вернулся.

Драгомир сначала сказал: «На», а затем сам же и передумал, посмотрев на Тимофея. Хлевный решил, что сегодня

впервые Горыне можно дать хлеба с молоком.

– Твердую пищу давать еще рано, а вот молочный хлебушек очень даже полезен.

Драгомир сам приготовил хлебную массу, хотя Тимофею хотелось всё сделать самому. Хлевный пожалел его, но резонно заметил, что с такой рукой лучше на печи лежать, чем еду мешать. Тимофея эта присказка рассмешила, и он успокоился, просто наблюдая за ловкими и спорыми действиями хлевного.

Как ни странно, но поросенок ел с большим удовольствием.

– Ты ведь недавно у отца Клементя пузо набил?! – удивлялся Тимофей.

– Ничего, ему полезно. Поросята растут быстро, но, чтобы быстро расти, надо много есть.

Хлевный пояснял очевидные истины, но Тимофей слушал его внимательно. Он заново начал привыкать к тому, что с ним разговаривают. Причем не только по обязательным делам, а просто, по ходу дела.

Горыня съел больше половины. Он бы и остальное съел, если бы ему налили, но Тимофей предложил остатки Драгомиру, а тот не отказался. Понятно было, что последнюю крошку у поросенка он изо рта не вытащит, но и от своих интересов не отказывался. Домовой демонстративно осуждающе покачал головой, однако сам при этом улыбался так, что воспринять такое осуждение серьезно было просто невоз-

можно.

Тимофей расхохотался в голос. И хохотал, и хохотал. Драгомир и Домослав сначала с удивлением смотрели на него, но затем присоединились. Даже Горыня не удержался и громко расхрюкался, имитируя смех.

Тимофей наконец-то мог расслабиться. Со смехом выходил весь ужас, страх, кошмары, напряжённость. Всё пережитое выплескивалось наружу, превращалось в смех и улетало, оставляя только спокойствие и небывалую лёгкость.

Тимофей смеялся долго и с чувством, и лишь успокаиваясь, понял, как мало сил у него осталось. Немного ослабев, он стал медленно оседать на пол. Драгомир и Домослав поймали его под руки одновременно.

– Садись, садись. Передохни, – хлопотал Домослав, обмахивая Тимофея платком. – Ты потерял слишком много крови, теперь надо много есть, чтобы её восстановить.

Тимофей сознания не терял, но темные круги летали перед глазами.

– Вот я и объелся, наверное, – пошутил Тимофей, постаравшись улыбнуться.

Драгомир быстро подготовил солому, и вдвоём с Домославом они подтащили Тимофея к подготовленной лежанке.

– Отлежишься, поспишь... – говорил Домослав, помогая Тимофею прилечь поудобнее. – Глядишь, силы и вернутся.

Дверь открылась, и в хлев вошла мама с большим свертком в руках.

– Что-то ты плохо выглядишь, – подошла она и потрогала Тимофею лоб, а затем ещё послушала дыхание. – Может в дом переберёшься?

Тимофей отрицательно покачал головой.

– Дома, под присмотром, может лучше будет?

– Ничего, мама, я просто немного ослаб от потери крови, – повторил Тимофей фразу домового. – Полежу день-другой, и всё будет как всегда. Не волнуйся.

– Ну, как знаешь, – сказала мама и стала разворачивать сверток. – Я тут тебе подушку помягче да одеяло потеплее принесла. – Она говорила, одновременно накрывая Тимофея одеялом и подпихивая под его голову большую пуховую подушку. – Зови, если что.

Драгомир и Домослав сидели неподалеку, спокойно наблюдая за действиями Малуши.

Вечер только начинался, но Тимофея уже сильно клонило в сон. Еда, как это часто бывает, заполнив желудок, тоже требовала от организма отдыха.

Мама похлопала Тимофея по здоровой руке и вышла, пожелав спокойного сна. Тимофей попытался подняться, но Драгомир и Домослав одновременно удержали его.

– Сон – лучшее лекарство, – успокоил Тимофея Домослав. – А за Горыню не бойся, Драгомир присмотрит. Да и не думаю я, что поросёнок бросит тебя в таком состоянии.

Тимофей благодарно улыбнулся и закрыл глаза. Так хорошо находиться среди друзей, когда знаешь, что на них мож-

но положиться и ни о чем не думать.

В последний момент перед тем, как погрузиться в глубокий сон, Тимофей почувствовал, что к нему прислонилось маленькое теплое тельце. «Горыня», – благодарно подумал Тимофей и заснул.

Он уже не видел, как Домослав и Драгомир достали какие-то маленькие мешочки, перевязанные тонкими чёрными ленточками. Затем они высыпали немного порошка: Домослав на левую ладонь, Драгомир – на правую. Посмотрели друг на друга, одновременно кивнули и высыпали порошок на Тимофея. Домослав высыпал на голову, а Драгомир на больную руку.

Серый порошок в воздухе превратился в туман, опустившийся на голову и руку, полностью закрыв их собой. Удовлетворенные результатом, домовой и хлевный сложили руки на груди и что-то зашептали, беззвучно шевеля губами.

Но всё это происходило, пока Тимофей находился в стране снов. А Горыня, с интересом наблюдавший за происходящим, ничего ему рассказать не мог.

Проснулся Тимофей оттого, что закончился сон. Но вот что снилось? Как мальчик ни старался, вспомнить сон никак не получалось.

Вставать не хотелось. Рядом слышалось тихое сопение поросёнка, Драгомира нигде не было видно. Может, он и лежал где-то рядом, но не подниматься же из-за того, чтобы смотреть по сторонам?!

Подложив руки под голову, Тимофей устался в потолок. Солнце только ещё просыпалось, слегка разгоняя ночную тень.

Тимофею предстояло о многом подумать. Со смертью Святослава столько всего изменилось в его судьбе, что как дальше жить, трудно было себе представить.

Вдруг у отца было хорошее настроение, вот он и приласкал сына? А может быть, эти псы его самого достали, так что Тимофей оказал услугу своему отцу? Всё казалось слишком простым. Немного проявил себя, даже и не очень-то проявил, только поучаствовал в страшных событиях и вот к тебе уже и отношение другое и вот о тебе уже вся деревня говорит, а ведь легенды об этом деле скоро разлетятся по всей округе! Как бы и правда охотников за оборотнями не понабежало!

Тимофей слишком любил свою спокойную размеренную

жизнь, чтобы ждать чего-то хорошего от возможных перемен.

Маленький паучок в углу плел большую паутину. Целой ночи ему не хватило, чтобы сплести эту сеть. Тимофей наблюдал за его работой.

Солнце поднималось, и в помещении светлело прямо на глазах.

«И кого же ты собираешься тут ловить?» – думал Тимофей. – «Мы здесь мух не держим. Да и комаров тоже».

Подумав о комарах, Тимофей сам же и удивился. А правда, почему нет комаров? Многие деревенские обкуривали свои дома, выгоняя вредных насекомых, а некоторые пользовались дарами природы, используя специальные смеси. Тимофей же ничем не пользовался, дыма не напускал, куда же делись все комары?

Тимофей поднялся, постаравшись отползти от поросёнка очень аккуратно, чтобы не разбудить. Но ничего не вышло. Как только Горыня почувствовал движение, то сразу же открыл глаза и полусонно посмотрел Тимофею в лицо.

– Спи, ещё рано, – прошептал Тимофей, боясь ещё кого-нибудь разбудить. Но поросёнок не собирался прислушиваться к пожеланиям. Резво вскочил и застучал копытами по деревянному, лишь слегка прикрытому соломой полу.

Удивительно, но Тимофей чувствовал себя великолепно. Никаких темных кругов перед глазами, никакой слабости.

Тимофей еще не успел отыскать взглядом Драгомира, как

дверь тихонько приоткрылась. Мама заглянула и увидела Тимофея:

– О, ты уже встал! А я не хотела тебя будить, но, как вижу, уже и не придётся. – Она подошла и окинула сына внимательным взглядом. – Ты прекрасно выглядишь. Сходи пока умойся, а затем пойдём завтракать.

Тимофей подумал взять поросёнка с собой, но решил, что сначала надо бы узнать настроение отца, а потом уже думать, брать с собой Горыню в дом в следующий раз или нет.

– Подожди здесь, я скоро, – погладил Тимофей поросёнка и вместе с мамой вышел наружу.

Солнце всё еще просыпалось, стараясь выбраться из-за горизонта. Жалкие остатки самых ярких звёзд пока ещё держались, не желая покидать небосклон. Птицы только-только начали заводить свои весенние разговоры, изредка раздавалось кукареканье проспавших петухов. Деревня оживала.

Тимофей быстро умылся и пошел к дому. Остановившись у самой двери, он на мгновение замер, собираясь с мыслями. Внутри слышались тяжёлые шаги отца и возня матери у печи. Тяжело выдохнув, Тимофей толкнул деревянную дверь и вошёл.

Отец в одних штанах стоял у кровати и придирчиво рассматривал новую белую рубашу, вероятно, купленную вчера у торговцев.

– А, Тимофей, здорово. – Отец ухмылялся чему-то своему, от чего его ненадолго отвлек приход Тимофея. – На-

ши следопыты уже с ума посходили, никак не могут придумать объяснения убийства псов. Хотят вызвать какого-нибудь ведьмака, надеясь, что тот сумеет разгадать загадку. Но я сомневаюсь. Обделались наши следопыты, боятся даже появляться в том страшном месте. А что там страшного? Я там уже дважды был. В лесу и похлеще места встречаются. – Отец махнул рукой, обрывая свой монолог.

– И что, правда вызовут ведьмака? – спросила Малуша, ухватом доставая из печи горячий котелок с кашей.

– Да кто их знает, – снова отмахнулся отец. – Но отец Климент против, а его голос решает многое. – Отец сел за стол. – Ничего, сами справимся как-нибудь и с божьей помощью. Никуда не денемся.

Отец очень редко вспоминал про богов, так что Тимофей немного удивили его слова. Он робко подошел к столу.

– Садись, что стоишь, как в гостях, – подкрикнул на него отец и громко хохотнул.

Каша была чудо как хороша, и Тимофей с удовольствием наворачивал её за обе щеки. Сегодня молока ещё не брали, так что запивать приходилось холодной водой. Но к воде было не привыкать.

Это как раз молоко нечасто появлялось на столе: нет коровы в хозяйстве – нет и молока. Хорошо, если у соседей удастся выменять на что-нибудь, а коли у них неудой, то и без молока обходишься, куда деваться? Так и жили.

Отец Тимофея ни о чем не расспрашивал, чем не мало

удивлял, но «нет вопросов, и ладно – проще жить», размышлял Тимофей.

– Дождя все нет и нет, – вскользь сказала Малуша, подсаживаясь к столу.

– Это точно, – крикнул отец. – И ведь не предвидится в ближайшие дни.

– Как же без дождей-то? – Малуша всегда беспокоилась не только за себя, но и за всю деревню.

– А что дожди? Должны продержаться. – Что к чему относилось в речи отца, не всегда было понятно.

Над столом повисла тишина.

– Может, мне снова взяться за рукоделие? – не удержалась мама, надеясь на хорошее расположение отца.

– Вот еще! – возмутился Крив. – Ближе к зиме подумаем. Сейчас самая работа начнётся, а ты?!

В этом Крив был прав. Поля требовали присмотра, да не одного-двух человек, а всей деревни. Так что спрашивать о зиме было еще рановато, но ответ Крива всё же обнадеживал.

Отец быстро поел, накинул телогрейку и, махнув на прощание рукой, вышел.

– Молока поросёнку нет. Может к полудню раздобуду, хотя вряд ли, – сказала мама. – Не захочет ли Горыня обойтись остатками вчерашних щей?

– Наверняка захочет, – обнадежил её Тимофей и одним махом выпил остатки воды.

Обжигающий холод прокатился по горлу и тяжёлым комком свалился в живот. Слишком быстро все поели, и, несмотря на то, что в доме было тепло, вода прогреться не успела. Тимофей закашлялся. Мама сразу подскочила к нему, но Тимофей, не привыкший, чтоб его жалели, выставил перед собой руки, как бы защищаясь:

– Я в порядке.

Мама остановилась, с удивлением глядя на перевязанную руку Тимофея. Мальчик сначала не понял, в чём дело, но потом и сам обратил внимание на руку. Он поднял её совершенно спокойно, не испытывая никакой боли.

– Вот это да! – удивился он вслух.

Мама с недоумением смотрела то на него, то на перевязанную руку. Тимофей попробовал пошевелить пальцами. Они не только безболезненно пошевелились, но и слушались всех команд, отдаваемых головой.

– Это чудо! – воскликнула мама. – Единый Бог действительно всемогущий, раз он сумел за одну ночь вылечить тебя!

– Почему ты решила, что это сделал Единый Бог? – спросил Тимофей.

– А кто же ещё? Священник сам перевязывал тебе руку со святыми словами, которые тебе и помогли! А как же иначе?

Вопрос сыпался за вопросом, а Тимофей и не знал, что ответить.

– Наверное, так оно и есть, – не глядя в глаза матери согласился он. – Надо будет зайти к отцу Клементу, поблагодарить.

– Конечно, надо! Да и всем надо рассказать о таком чуде! – Мамины глаза сияли, но Тимофей не торопился разделять её радости. Для него было слишком много непонятностей.

– Ты не торопись всем рассказывать, – задумчиво проговорил Тимофей. – Надо бы сначала с отцом Клементом поговорить. Может быть, он просто унял мою боль, вот я и шевелюсь.

Мама согласно кивнула.

– Точно. Пойдём-ка сходим к нему.

Мама уже хотела схватить сына за руку и идти к священнику, но Тимофей остановил её.

– Поспешишь – людей насмешишь, – вспомнил он известную поговорку. – Сначала надо Горыню подкормить, да и взять его с собой не помешает – пусть гуляет, привыкает к деревне. Да и деревня к нему попривыкнет. Не можем же мы всё время от всех шугаться.

Мама согласилась, выдала остатки щей и стала убирать со стола. Тимофей быстрым шагом направился в хлев.

Драгомир уже игрался с поросёнком, а рядом стояла совершенно пустая неизвестная тарелка.

– Ой, а ты уже его покормил? – вместо приветствия спросил Тимофей.

– Есть немного, – уклончиво ответил Драгомир. – Утро

доброе.

– И тебе тоже, – ответил Тимофей, понимая, что сам мог бы догадаться и поздороваться. – А у нас сегодня молока не было. Вот, принес немного вчерашних щей.

– Ничего, Домослав мне сказал, что сегодня у вас молока не будет, так что я об этом позаботился.

– Значит, щи никому не нужны? – немного разочарованно прошептал Тимофей, понимая, что относить их обратно матери было бы несколько подозрительно.

Наверняка сразу возникла бы целая куча вопросов: «Он ничего не ел?», или: «А что ему тогда дать?», или «Как бы он с голоду не помер», и всё в таком же роде.

– Как же не нужны? А мне? – Драгомир наигранно надулся. – Никто обо мне не позаботится...

– Конечно, конечно. Бери, ешь на здоровье, – радостно воскликнул Тимофей и отдал небольшой котелок.

– Спасибочки, – Драгомир сел на ворох соломы, положил котелок между ног, зажал его пятками и запустил руку в самую гущу соломы. – Так, где же это она? – спрашивал он сам себя. Пошерудив немного, он вытащил деревянную ложку. – Ага, вот она, родимая.

Драгомир весело улыбался во весь рот. Ему явно доставляло удовольствие всё это представление. Сейчас даже трудно было себе представить, каким злобным, вредным и угрюмым может стать никому не нужный человек.

Пока Драгомир питался, Тимофей вкратце рассказал ему

утренний разговор и показал руку, с шевелящимися пальцами. Драгомир что-то поддакивал, подчавкивал, а в заключении довольно кивнул:

– Идите, идите. Может, этот служитель Единому Богу что-нибудь интересное скажет.

– Ты мне ничего не посоветуешь? – не удержался Тимофей от прямого вопроса.

– А что советовать-то? Ступай себе... Священник человек неплохой, ему можно доверять, – пожал плечами Драгомир и неожиданно добавил. – В основном.

– Что значит «в основном»? – не понял Тимофей.

– Во всех человеческих вопросах на него можно положиться, а всё, что касается веры в кого-либо или во что-либо – это вопрос спорный. В вопросах веры священник слишком упёртый человек. Так что ты даже не думай говорить ему о духах и всём таком необычном. Он тебя не поймёт, а если и поймёт, то будет искать естественное решение, а не сваливать всё на всяких духов. Но я думаю, ты ему и так про нас ничего не сказал, – Драгомир выжидательно посмотрел на мальчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.